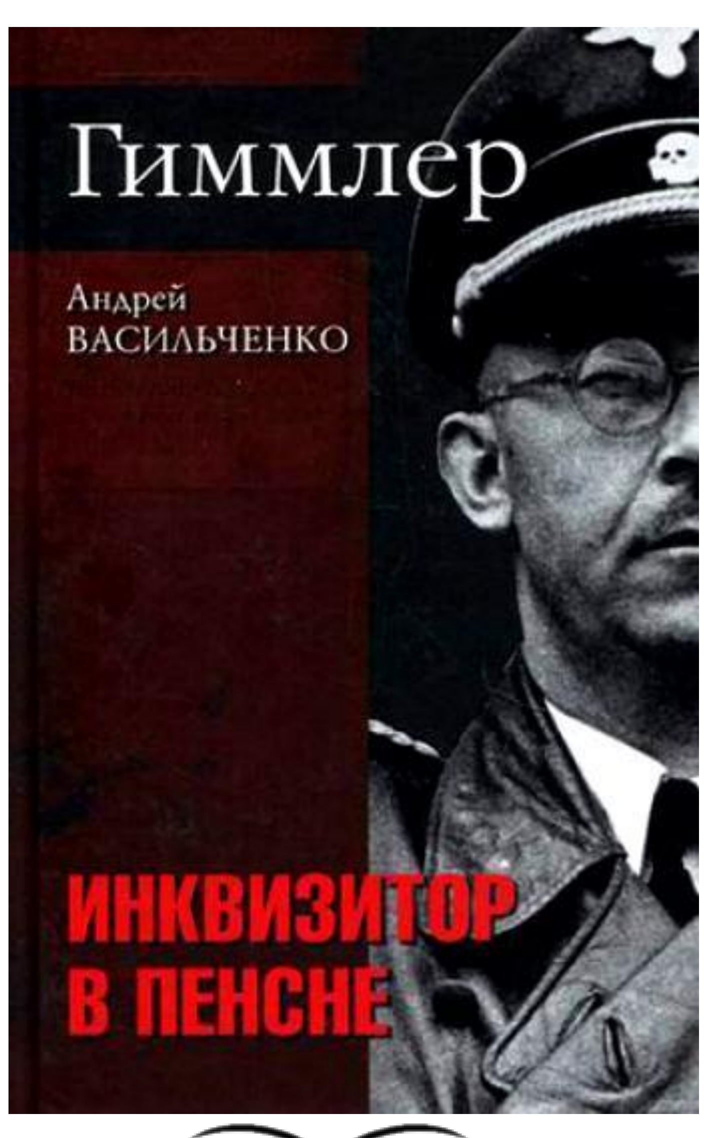
Васильченко Андрей

Гиммлер. Инквизитор в пенсне

Глава 1

А был ли «строгий отец»?

В своей фундаментальной биографии Генриха Гиммлера германский историк Петер Лонгэрих начал рассказ о жизни будущего рейхсфюрера СС с упоминания написанной в 1980 году повести «Школьная история». Ее автор Альфред Андреш, некогда учащийся мюнхенской гимназии, рассказал о том, как директор учебного заведения унизил непослушного юношу. Происходивший из благородной семьи ученик не хотел подчиняться авторитету директора школы, а потому тот вызвал его к доске и с садистским наслаждением продемонстрировал, что самомнение мальчика безосновательно, так как тот не имел глубоких познаний в учебных предметах. Позже на страницах этой повести было показано, что директором школы был «отец убийцы», то есть отец Генриха Гиммлера. Можно предположить, что вся эта история была выдумана, что в свою очередь являлось одной из многочисленных попыток постичь «феномен Гиммлера». В характерной для тех лет фрейдистской и психоаналитической манере карьера Генриха Гиммлера была изображена как результат конфликта между сыном и отцом. Якобы деспотизм родителя толкнул сына в лагерь ультраправых революционеров, что стало началом пути, который привел к военным преступлениям.

Впрочем, в действительности Гебхард Гиммлер был более сложной фигурой, чтобы его можно было вписать в тривиальную формулу «деспотичного отца» и тем самым объяснить карьеру Гиммлера-младшего. Если опираться на многочисленные отзывы, то об отце Генриха Гиммлера можно сложить вполне определенное впечатление: внушающая уважение энергичная личность, человек широкого кругозора, справедливый Рекс

(прозвище Гебхарда Гиммлера в школе), который пытался привить своим ученикам любовь к истории и культуре.

Гебхард Гиммлер являлся сыном мелкого протестантского служащего, что было едва ли не классической социальной средой, из которой выходили многие успешные и даже выдающиеся люди. Дед Генриха Гиммлера, Иоганн Гиммлер, родился в 1809 году в крестьянской семье из Ансбаха. Со временем он предпочел стать ремесленником и даже слыл среди знакомых отличным ткачом. Однако карьера Иоганна была очень изменчивой. Со временем он оказался на службе в полиции, где дослужился до чина бригадира (полицейский вахмистр). С 1862-го до самой своей смерти, которая наступила в 1872 году, он был советником в районном управлении Линдау. Личную жизнь Иоганна Гиммлера нельзя было назвать слишком успешной. Он женился лишь в возрасте 53 лет, когда переехал на постоянное местожительство в Линдау. Его супругой стала 24-летняя Агата Розина Кине, дочь часовщика, который был католиком. В 1865 году у супружеской пары родился ребенок, которого назвали Гебхардом. Иоганн Гиммлер скончался, когда его сыну было семь лет, а потому его воспитанием занялась мать. Именно ей мальчик был обязан не только католическим вероисповеданием, но целеустремленностью и энергичностью, с которой он пытался сделать карьеру, чтобы тем самым вырваться из среды мелких бюргеров. В 1884 году Гебхард Гиммлер поступил в Мюнхенский университет, где занимался изучением германистики и классических языков. В 1888 году он успешно сдал государственные экзамены. После этого Гебхард Гиммлер некоторое время провел в Санкт-Петербурге, где имелась относительно большая немецкая диаспора. В столице Российской империи Гебхард Гиммлер работал частным воспитателем в доме консула, барона фон Ламецана. Именно через барона фон Ламецана, который был дружен с баварским принцем-регентом Луитпольдом, Гебхард Гиммлер смог познакомиться с

представителями династии Виттельсбахов. После возвращения в Баварию он устраивается учителем в гимназию. В 1894 году Гебхарду Гиммлеру представилась уникальная возможность — его пригласили стать воспитателем сына принца Арнульфа фон Виттельсбаха. Принц приходился родным братом принцу-регенту Луитпольду. При дворе Гебхард Гиммлер пребывал до 1897 года. Когда он оставил воспитание молодого аристократа, то получил место в престижном учебном заведении Мюнхена, гимназии Вильгельма.

Приобретя новую работу, Гебхард Гиммлер мог подумать и о создании семьи. В 1897 году он женился на дочери торгового агента Анне Марии Хайдер. Невеста была моложе жениха всего лишь на год, ей шел 31-й год. Относительно причин этого брака имеется множество версий. Петер Лонгэрих указывал на то, что отец невесты скончался, когда девочке было всего лишь шесть лет, а потому едва ли можно было рассматривать это как брак по расчету. Однако Катрин Гиммлер в своей книге «Братья Гиммлеры» указывала на то, что приданое бабушки составляло около 300 тысяч марок, что по тем временам было очень приличной суммой.

У Анны и Гебхарда Гиммлеров родилось три сына: Гебхард, Генрих и Эрнст. Генрих Гиммлер был вторым ребенком, средним из братьев. Он появился на свет 7 октября 1900 года. Он с самого детства удостоился высокой чести. Принц Генрих, которого в свое время воспитывал Гиммлер-старший, выразил готовность взять шефство над своим тезкой. Несмотря на то что в порядке наследования баварского трона Генрих Виттельсбах находился на безнадежном девятом месте, все же Генрих Гиммлер оказался связан с баварским двором, что позже весьма положительно сказалось на его карьере. На связь семейства Гиммлеров с баварской правящей династией указывало так же то обстоятельство, что сыновья при крещении получили вторые

имена, которые были знаковыми для Южной Германии. Гебхард-младший получил второе имя Людвиг, которое было дано в честь Людвига II Баварского, а Генрих — Луитпольд, которое было дано в честь принца-регента.

Семейство Гиммлеров жило в достатке, вело размеренную жизнь, а при воспитании детей ставка делалась на усердие и религиозность, что на рубеже двух столетий было едва ли не отличительной чертой всех состоятельных мюнхенских служащих. В то время как Анна вела домашнее хозяйство и заботилась о благополучии детей, Гиммлер-старший пытался реализовать свои педагогические навыки не только в гимназии, но и в рамках семьи. Он старался превратить своих детей не просто в образованных людей, но в своего рода эрудитов, а потому сосредоточился на основательном изучении классической литературы, истории и усвоении древних языков. Приобщение детей к религиозности было инициативой матери, которая была убежденной католичкой; Гиммлер-старший, напротив, предостерегал свою супругу от чрезмерной активности в этой сфере. Несмотря на все голословные заявления, которые появлялись в исторической литературе 70–80-х годов XX века, отцовский авторитет Гебхарда Гиммлера выражался отнюдь не в деспотичной строгости, а в терпеливом воспитании своих сыновей. Они подчинялись не его воле, а должны были действовать в строгом соответствии с системой правил, которая была педантично разработана их отцом. Впрочем, эта строгость не имела ничего общего с жесткостью, но была пропитана радушием и добротой. Об этом говорит хотя бы тот факт, что Гиммлер-старший значительную часть своего свободного времени посвящал собиранию почтовых марок. Он охотно показывал сыновьям свою коллекцию, чем привил им любовь к филателии. Кроме этого он обучал детей стенографии. По этой причине почти вся семейная переписка Гиммлеров сохранилась в

виде стенографических записок, что нередко создает проблемы для современных историков и исследователей.

Единственное, в чем себя достаточно строго проявлял Гиммлер-старший, была школьная успеваемость его сыновей. Он пытался приучить их к тому, чтобы дети использовали каникулы для повторения школьного материала. Когда старший из сыновей, Гебхард, проболел половину учебного года, то отец приложил все усилия, чтобы его сын не только освоил пропущенный материал, но и стал лучшим учеником в классе. Также оба родителя обращали внимание на то, чтобы их отпрыски дружили с «хорошими» детьми, под которыми подразумевались юноши из состоятельных мюнхенских семей.

Правнучка Гебхарда Гиммлера, Катрин, обращала внимание читателей на то, что педантичность ее предка ярче всего проявилась в 1910 году, когда тот собирался в путешествие по Греции. Не предполагалось, что во время этой поездки его будет сопровождать кто-то из членов семьи. Гиммлер-старший превратил подготовку к путешествию в целую систему мероприятий, в том числе составление прощальных писем, которые были написаны на тот случай, если он умрет или погибнет в Греции. Возникало ощущение, что Гебхард Гиммлер собирался на войну, а не в увлекательное турне. В каждом из писем отец давал своим сыновьям советы относительно того, как они должны были дальше вести себя в жизни и в обществе. Гебхарду-младшему он «завещал» настоящий каталог добродетелей. Отец призывал старшего сына к «усердию, верности долгу», чтобы тот смог стать «умелым, религиозным, настоящим немецким мужчиной». К сожалению, не сохранилось письма, которое было адресовано Генриху. Но можно предположить, что будущего рейхсфюрера СС тоже призывали к чему-то положительному. Общим же для всех сыновей Гебхарда Гиммлера было одно: отец хотел, чтобы они получили

академическое образование, но был категорически против того, чтобы они оканчивали теологический или филологический факультеты или же стали офицерами.

Накануне Первой мировой войны семья Гиммлеров жила в шикарной квартире, которая занимала почти целый этаж. В их распоряжении имелась прислуга, а потому можно предположить, что семья не знала особых финансовых проблем. В это время Гиммлеры поддерживали многочисленные связи, в их доме часто бывали гости. Принц Генрих охотно участвовал в судьбе своего подрастающего тезки. Как следует из переписки, которую вел Гиммлер-старший с представителями династии Виттельсбахов, эти отношения были совершенно искренними. Накануне Рождества в дом к Гиммлерам неизменно заходил принц Генрих и его мать, которая после смерти своего супруга предпочла взять его имя, а потому стала именоваться принцессой Арнульф.

Консервативная, монархическая и во многом католическая семья Гиммлеров, которая придерживалась традиционалистских установок, являла собой полную противоположность городской среде, которая в начале XX века превратила Мюнхен в один из центров современного искусства и того, что сейчас принято именовать «толерантностью». В 1902 году Гиммлеры некоторое время живут в Пассау, где Гебхард Гиммлер получил место в гуманитарной гимназии. Однако в феврале 1903 года его средний сын, Генрих, серьезно заболел. У него было тяжелое воспаление легких, а потому мать с детьми на несколько месяцев должна была перебраться в Вольфэгг, где был целебный воздух. В то время имелось подозрение, что маленький Генрих мог быть болен туберкулезом. На рубеже веков это было одной из причин достаточно высокой (по сравнению с нынешним временем) детской смертности. Когда Генрих пошел на поправку, то дети и их мать вернулись обратно в Пассау. Впрочем, этот эпизод на всю жизнь заложил в душу родителей страх перед возможной

кончиной детей. В этом отношении больше всего опасений вызывал Генрих, который никогда не отличался крепким сложением и хорошим здоровьем.

В 1904 году семейство Гиммлеров вновь перебралось в Мюнхен, где Гебхарду Гиммлеру предложили место преподавателя в гимназии Людвига. На этот раз Гиммлеры решили снимать квартиру в непосредственной близости от университета, в доме № 86 по Амалиенштрассе. В это время дети постоянно болели, а Анна серьезно волновалось за то, как протекала ее очередная беременность. Несмотря на все опасения, в 1905 году на свет появился третий сын — Эрнст. Генрих быстро ощутил на себе, что вся родительская любовь была сразу же отдана младшему брату. Генрих оказался в сложном положении среднего сына, которого, с одной стороны, обходил в успехах пошедший в школу Гебхард, а с другой стороны, находился забравший всю родительскую нежность совсем маленький Эрнст.

В 1906 году Генриха направляют в школу. Несмотря на то что он должен был быть зачислен в закрепленную за кварталом его проживания школу «Амалиен», он оказался в монастырском учебном заведении, которое было расположено в самом центре Мюнхена на Зальфатор-плац. Его пребывание в этой школе не было связано с какими-то радостными воспоминаниями. Подобно старшему брату, Генрих очень часто болел. Почти половину учебного года он провел дома, где с ним занималась домашняя учительница. Он смог справиться с учебным материалом, но вопреки ожиданиям родителей (в первую очередь отца), Генрих не стал лучшим учеником в классе. Он учился хорошо, но все-таки не настолько блестяще, как Гебхард-младший. Кроме этого в монастырской школе Генрих слыл нелюдимым ребенком. Ситуация несколько изменилась, когда в 1908 году его перевели в школу «Амалиен», здесь он все-таки смог сблизиться с одноклассниками и даже завел себе друзей.

Летние каникулы семья Гиммлеров в большинстве случаев проводила в баварских Альпах, что было полезно для здоровья мальчиков. Для них самих это было самым увлекательным временем. Гиммлеры пытались совмещать отдых с изучением достопримечательностей, с прогулками на лодках и походами и т. д. Когда в 1910 году семья направилась в Ленггрис, Гиммлер-старший поручил Генриху вести дневник, в котором бы он записывал подробности своего летнего отдыха. Отец сам сделал первую запись в его дневнике, чтобы тем самым задать тон и помочь сыну сориентироваться в том, как надо было делать дневниковые заметки. Генрих на протяжении нескольких лет вел «летний дневник», который регулярно редактировался отцом. В данном случае едва ли можно удивляться тому, что дневники разных лет, которые вел мальчиком Генрих Гиммлер, весьма напоминали школьные задачники или школьные учебники («из пункта А в пункт Б…»). Они были перегружены педантичным перечислением самых банальных вещей, которыми Генрих занимался во время каникул. Так, например, в 1911 году он по порядку перечисляет, сколько раз ходил купаться. Из этого дневника мы можем узнать, что за время каникул он купался 37 раз. Можно говорить о том, что со временем отцовские проверки дневников возымели свое действие — место отцовского контроля занял самоконтроль.

Осенью 1910 года Генриха вновь переводят в новое учебное заведение. Им на этот раз оказалась привилегированная гимназия Вильгельма, в которой Гиммлер-старший работал вплоть до 1902 года. В то время Генрих был очень худым, почти крохотным. Он был ослаблен многочисленными болезнями. Кроме этого он в свои 10 лет выглядел несколько наивно и нелепо, в круглых очках и слабо выраженным подбородком. Один из одноклассников Генриха, Вольфганг Халльгартен, много лет спустя, спасаясь от преследования национал-социалистов, эмигрировал в США. Там он попадет в число ведущих

американских историков немецкого происхождения. Поначалу Халльгартен не мог поверить в тот факт, что «чудовище-Гиммлер» и его школьный приятель с такой же фамилией были одним и тем же человеком. Он не мог себе представить в роли рейхсфюрера СС «того неуклюжего мальчишку с короткой стрижкой и в позолоченных очках, которые он носил на остром носу». В школе Генрих Гиммлер всегда был на хорошем счету у учителей. Некоторые из одноклассников считали его зубрилой, а потому Генрих никогда не пользовался особой популярностью среди них. В школьные годы мы не можем найти ни малейших признаков того, что Генрих был антисемитом. Было бы правильнее говорить о том, что он разделял радикальные антифранцузские воззрения, которые были присущи значительной части немецких бюргеров.

В 1913 году Гиммлера-старшего ожидало повышение. Он был переведен из гимназических учителей на пост заместителя ректора гуманитарной гимназии, которая располагалась в Ландсхуте. Здесь семья Гиммлеров смогла поселиться в небольшом особняке с садом. Приблизительно в то же самое время в Ландсхут перебирается семья Фердинанда фон Прахера, одного из высокопоставленных мюнхенских чиновников. Генрих сразу же подружился с его пасынком Фальком Циппerером. Эта дружба продлится долгие годы. В 1937 году Генрих Гиммлер подарит своему другу, который сочетался браком, изящно оформленный обеденный стол. В 1938 году Гиммлер в обход всех инструкций примет Ципперера в СС. В 1940 году Фальк Ципперер, являвшийся соискателем на ученую степень по истории права, станет одним из авторов сборника статей, который был выпущен к 40-летию Генриха Гиммлера. Свой последний подарок Гиммлер преподнесет Фальку Циппереру и его супруге Лизелотте на Рождество 1944 года.

В том же самом Ландсхуте у Гиммлера появится еще один друг, связь с которым он будет поддерживать до конца Второй мировой войны. Речь шла о Карле Гебхардте, который был старше Генриха на три года. Позже Карл Гебхардт станет врачом и возглавит один из санаториев, расположенных в окрестностях Берлина. Этот санаторий еще сыграет свою роль в жизни Генриха Гиммлера, о чем будет рассказано позже. Кроме этого Генрих Гиммлер еще со времени проживания в Мюнхене дружил с детьми генерального хранителя Хагера, Эдди и Луизой. Как видим, несмотря на то что в школе Генриха недолюбливали, поскольку считали чересчур целеустремленным (карьеристом) и неженкой, он ни в коем случае не был лишен общения со сверстниками, не пребывал в одиночестве, о чем говорят некоторые из исследователей. Также не стоит полагать Генриха Гиммлера зубрилой, напрочь лишенным каких-либо талантов. Его школьные успехи в Ландсхуте могли вызвать зависть у многих учеников. Генрих неизменно получал оценки «отлично» по религии, истории, языковым предметам. Хуже всего обстояли дела с физикой. Но даже в этом случае он всего лишь однажды за год получил «удовлетворительно». В школьной характеристике, которая была дана Генриху Гиммлеру за 1913–1914 учебный год, говорилось: «Очевидно, что он является весьма способным учеником, который достиг своих успехов, став одним из лучших в классе, благодаря неутомимому усердию, здоровому честолюбию, стремлению к знаниям. Может являться образцовым учащимся».

Глава 2

Крушение старого мира

Благоустроенный и уютный мир семейства Гиммлеров рухнул, когда началась Первая мировая война. Известие об убийстве австрийского престолонаследника, эрцгерцога Фердинанда, Гиммлеры встретили во время летнего отдыха в расположенном на германо-австрийской границе живописном местечке Титтмонинг. В это время Генрих Гиммлер, кроме обыкновенных записей о распорядке своего дня, делает тревожные политические заметки, которые как нельзя удачно отражают атмосферу дачной идиллии, которая готова закончиться буквально со дня на день. «29 июля. День рождения Гебхарда. Начало войны между Австрией и Сербией. Прогулка по озеру Вагингерзее». Предложение о начале войны было подчеркнуто красным цветом. Немецкие исследователи установили, что в последующие дни Генрих не раз стирал свои записи, а затем делал их вновь красными чернилами. В частности, это касалось фразы: «Объявлено военное положение». В августе 1914 года бытовые записи уступают место политическим новостям, которые в дневнике Генриха Гиммлера выходят на первый план. «1 августа. Мобилизация в Германии. 2-й армейский корпус. Даже ландштурм. 2 августа. Играли в саду. После обеда около 7 часов 30 минут пришло известие, что Германия объявила войну России. 3 августа. Пограничные бои с русскими и французами. Летчики и шпионы. Мы как можно скорее собираем свои вещи». Действительно, летние каникулы были очень стремительно прекращены, а семья Гиммлеров попыталась быстро вернуться в Ландсхут.

Дальнейшие записи в дневнике Генриха Гиммлера в основном сосредоточены на начале успешных для Германии боевых действий: «23 августа. Немецкий наследный принц одерживает победу к северу от Метца (Лонгевилль). Принц Генрих прислал папе письмо. Он получил легкое ранение во время атаки на французских драгунов. Достойный ответ Германии на ультиматум Японии. Немцы в Генте. Играли на пианино…

Баварцы очень смело повели себя во вчерашней битве. Весь город украшен флагами. Французы и бельгийцы едва ли могли предположить, что мы будем столь стремительно продвигаться вперед. 1-й ландштурм рассылает призывы. Осажден Намюр. В Гумбуннене взято в плен 8 тысяч русских». Днем позже Генрих Гиммлер взволнованно записал в своем дневнике: «Преследование французов армией баварского кронпринца приносит богатые трофеи (пленники и 150 орудий). 21-й армейский корпус на Люневилль. Армия немецкого кронпринца продолжает преследовать противника (впереди Лонгви). Герцог Альбрехт Вюртембергский разбил французскую армию, которая направлялась к Семойсу. Неприятеля гонят. Трофеи: пленные, генералы, орудия, знамена. Наши части действуют к западу от Масса близ Мобёжа. Там встречена и разгромлена английская кавалерийская бригада. Ура!»

После этого Генрих ежедневно направлялся в офис местной газеты, где выписывал в свой дневник сводки с фронтов. «27 августа. Во второй половине дня пришла телеграмма: наследный принц Луитпольд Баварский скончался от ангины. Небольшой крейсер “Магдебург” в тумане в Финском заливе налетел на мель и не смог спастись. Крейсер взорвался. Потери составили 85 человек, часть из них погибли, часть ранены. Некоторым удалось спастись на немецкой торпедной лодке. Боязливые обыватели Ландсхута поникли головами. Они распространяют страшные слухи и боятся, что с ними расправятся кровожадные казаки. Сегодня был опубликован первый полный список потерь, которые понесла баварская армия. 28 августа. Английская армия разгромлена. После этого можно беспрепятственно продвигаться вперед. Я радуюсь этим победам над англичанами и французами столь же сильно, как этим расстроены наши враги. Они должны быть не на шутку рассержены. Фальк и я хотели бы принять участие в этих событиях. Немецкий Михель и его верный союзник австриец никого не боятся на этом свете».

Кроме собственно перечисления военных побед Германии, в дневнике Гиммлера очень много места уделяется критическим замечаниям, которые адресованы местным бюргерам. В тот же самый день, что и была сделана прошлая запись, Гиммлер отмечает в дневнике: «У оставшихся в Нижней Баварии вообще не наблюдается никакого воодушевления. При объявлении мобилизации в старой части города все начинают хныкать и канючить. Я бы не подумал, что этот город относится к Нижней Баварии, так как жители этой области известны своим драчливым характером. Это сказал один из раненых солдат. По городу распространяются страшные и нелепые слухи, которые выдумываются самими же горожанами».

Даже в юном возрасте Генрих Гиммлер не скрывал своего презрения к обывателям. На страницах своего дневника он характеризовал жителей Ландсхута как «тупиц, у которых сердце уходило в пятки, когда возникали слухи о возможном отступлении войск от Парижа».

С неменьшим презрением он описывал события, которые произошли 30 сентября 1914 года. В этот день на вокзале Ландсхута остановился состав с ранеными пленными французами. «Весь вокзал был забит любопытными жителями Ландсхута, которые повели себя ужасно грубо, когда давали воду и хлеб тяжело раненному французу. Не стоит забывать, что этим парням приходится много хуже наших раненых, так как они вдобавок ко всему в плену». К русским солдатам, попавшим в плен, у Генриха было совсем иное отношение: «В Восточной Пруссии взято в плен не 70 тысяч, а 90 тысяч русских. Они плодятся как паразиты».

Несмотря на то что в Европе шла Первая мировая война, летом 1915 года семейство Гиммлеров решает все-таки оправиться на загородный отдых. На этот раз выбор пал на Бургхаузен.

Прибытие на вокзал в Мюльдорфе подтолкнуло Генриха к воспоминаниям годичной давности, когда только-только начиналась мировая война. Хотя ура-патриотические настроения как в Германии, так и в семье Гиммлеров пошли на убыль, Генрих записал в дневнике, что «люди были веселы и бодро направлялись на войну». В то время все, что было связано с войной и армией, буквально завораживало 15-летнего Генриха Гиммлера. Когда его старший брат Гебхард вместе с родителями направился посещать раненых, то Генрих не мог скрыть своей зависти, о чем и написал в дневнике. Однако вскоре ему представился случай столкнуться с подготовкой к военным действиям. В 1915 году школьный класс Генриха Гиммлера направился осматривать окопы и боевые укрепления, которые возводились силами баварского ландвера. Юноша оказался настолько околдован этой системой военных коммуникаций, что даже сделал несколько зарисовок на страницах своего дневника.

В июне 1917 года Гебхарду-младшему исполнилось 17 лет и он направился добровольцем в местный ландштурм, где был зачислен в резерв. Это стало еще одним поводом для зависти Генриха. Он записал в дневнике: «О, будь моя воля, я бы давно оказался там». Однако Генрих Гиммлер принадлежал к так называемому поколению юношей войны — он был слишком молод, чтобы его послали на фронт. Но при этом поколение этих юношей было достаточно взрослым, чтобы внимательно знакомиться с военными и политическими событиями, хотя бы таким образом приобретая некий «военный опыт». В случае с Генрихом Гиммлером эти переживания поначалу выражались в виде военных игр. В начальной стадии войны, когда всем в Германии казалось, что она будет длиться недолго, Генрих делал такие записи: «С Фальком играли в саду. Взяли в плен тысячу русских к востоку от Вислы. Австрийцы продвигаются вперед». А вот запись, сделанная в последние дни августа 1914 года: «Играли с Фальком, вооружившись мечом и щитом. На этот раз

Германия и Австрия противостояли сорока армейским русским, французским и бельгийским корпусам. Одержали победы над русскими в Восточной Пруссии — взято в плен 50 тысяч человек».

С весны по осень 1915 года Генрих Гиммлер состоял в «Югендвере», молодежной военизированной организации, в которой происходила допризывная подготовка юношей.

Здесь числились многие из школьных приятелей Генриха. Именно в рамках «Югендвера» Генрих Гиммлер проявил «достойное похвалы усердие», что было отмечено руководством этого молодежного союза. В своем же дневнике Генрих Гиммлер не без гордости отмечал: «Военная подготовка. Упражнения достаточно тяжелые. Я почти четверть часа пролежал на мокрой земле. Однако это мне нисколько не навредило». Впрочем, Гиммлер выдавал желаемое за действительное, именно после подготовки в «Югендвере» его стали мучить боли в желудке. Он не смог избавиться от них до самой смерти. Но Генрих Гиммлер не хотел давать повода подозревать его в изнеженности. Как следовало из его дневника, в сентябре 1914 года он стал усиленно заниматься с гантелями, чтобы нарастить физическую силу. В феврале 1917 года Генрих Гиммлер даже вступил в «Гимнастический союз Ландсхута».

Тем временем война входила в повседневную жизнь большинства немцев. Семья Гиммлеров не была исключением. Сказывались перебои в снабжении продуктами и вещами первой необходимости. В ноябре 1916 года имперское правительство Германии издало указ, которым учреждалась специальная вспомогательная служба. В нее должны были быть зачислены все немецкие мужчины в возрасте от 17 до 60 лет, которые в силу различных причин не несли службу в армии. Как правило, этих людей предполагалось использовать для работ военного

назначения. Приблизительно в то же самое время в семью Гиммлеров приходит известие о том, что принц Генрих, являвшийся покровителем и крестным Генриха Гиммлера, погиб в Румынии. На тот момент принцу было 32 года. Для Гиммлеров это была не просто потеря друга семьи. Гибель принца Генриха фактически открывала беспрепятственный доступ к баварскому двору, что Гиммлер-старший решил использовать с пользой для своих сыновей.

Старший из сыновей, Гебхард, который уже два года состоял в рядах ландштурма, в мае 1917 года был призван в 16-й Баварский пехотный полк, где после подготовки получил младшее офицерское звание. Приятель Генриха, Фальк Ципперер, также оставил гимназию и в апреле 1917 года начал подготовку на получение офицерского звания. Генрих Гиммлер, который с октября 1915 года проходил допризывную подготовку в юношеской роте Ландсхута, хотел пойти тем же самым путем. Летом 1917 года Гиммлер-старший приложил немалые усилия к тому, чтобы пристроить своего сына кандидатом в офицеры в один из баварских пехотных полков. Для этого он решил использовать дружбу с принцессой Арнульф, матерью погибшего принца Генриха. Он надеялся, что Генриха Гиммлера получится зачислить в считавшиеся элитными 1-й или 2-й баварские пехотные полки. Однако эти попытки были неудачными, список пополнения этих воинских частей был настолько длинным, что в нем не нашлось места Генриху Гиммлеру. В ходе длительной переписки с военными ведомствами Гиммлер-старший пытался выяснить, имелась ли возможность совместить военную службу с карьерой инженера. Гебхард Гиммлер сообщал в одном из писем: «Мой сын Генрих имеет желание выбрать делом своей жизни службу пехотным офицером».

Незадолго до начала учебного года (осень 1917 года) Генрих Гиммлер после каникул, проведенных в Бад-Тёльце, внезапно для

всех покинул гимназию. К тому времени он уже окончил семь гимназических классов и имел репутацию хорошего, даже отличного ученика. Уход из гимназии, очевидно, был вызван тем, что Генрих Гиммлер намеревался быть записанным кандидатом в офицеры в какой-нибудь из пехотных полков. Однако это ему не удалось, так как в силу возраста он не подлежал призыву. В октябре 1917 года он был вынужден вернуться в гимназию. Однако его разочарование было недолгим. 23 декабря 1917 года Генрих Гиммлер получил известие о том, что 11-й пехотный полк был готов зачислить его в качестве кандидата в офицеры. Судя по всему, именно в это время в дело вступила принцесса Арнульф. Все-таки связи Гиммлера-старшего с баварским двором сделали свое дело. 2 января 1918 года Генрих Гиммлер оставил гимназию и начал подготовку в составе резервного батальона 11-го полка, который располагался близ Регенсбурга.

Радости юноши не было предела. Об этом говорит хотя бы тот факт, что свои письма, адресованные родителям, он подписывал латинской фразой «милее Генрих», то есть «солдат Генрих». Определенный в «солдаты» Генрих Гиммлер сразу же попытался продемонстрировать сослуживцам свою мужественность. Однако поскольку реальных поводов для этого не было, то Генриху Гиммлеру пришлось ограничиться курением. Тем не менее эта показанная мужественность была всего лишь позой. Генрих очень сложно привыкал к военному миру, о чем он не раз писал своим родителям. Он сетовал на плохое продовольственное снабжение, что удавалось в какой-то мере компенсировать визитами в трактиры. Кроме этого Генриха раздражал недостаток чистого белья, что могло бы хоть как-то облегчить его жизнь в казарме. Он просил присылать какие-то вещи из дома. Эти просьбы удовлетворялись, хотя и не сразу. За первые пять недель пребывания в казармах Генрих Гиммлер получил семь посылок из дома. Однако это явно его не радовало. Нередко свои письма домой он начинал с раздраженных фраз: «Мои дражайшие

родители! Сегодня от вас опять ничего не пришло. Это не очень хорошо». Тем временем неделя сменяла неделю, и Генрих Гиммлер все-таки привык к казарменной жизни. В его письмах домой фактически не было упреков, но тем не менее они все-таки указывают на то, что он оставался привязанным к семье и родному дому.

С февраля 1918 года Генрих Гиммлер с заведомой регулярностью получал увольнительные, которые он пытался провести дома в кругу семьи. Между тем его брат Гебхард в апреле 1918 года был направлен на Западный фронт, где оказался вовлеченным в ожесточенные боевые действия, которые были неизменно связаны с огромными потерями. В то же самое время Генрих буквально выходил из себя, если хотя бы в течение нескольких дней не получал писем из дома: «Дорогая мама! Сердечное тебе спасибо за письма, которые я так и не получил. То, что ты не пишешь мне именно сейчас, это очень подло».

Когда курс подготовки подходил к концу и Генрих Гиммлер надеялся, что его все-таки перебросят на фронт, он, к немалому своему разочарованию, узнал, что впереди его ожидала очередная программа подготовки. Естественно, родители с тревогой ожидали того, что их второго сына направят на фронт. По этой причине Генрих написал домой: «Это решение позволит вам не проливать лишних слез. Однако не радуйтесь слишком сильно, все может поменяться буквально в одночасье». 15 июня 1918 года Генрих Гиммлер продолжил свою военную подготовку в расположенном в 40 километрах от Ландсхута городке Фрайцинг. Подобное соседство позволяло ему фактически каждые выходные проводить дома.

В некоторых из своих писем Генрих описывал свои армейские будни, к которым он уже почти привык, на что указывают короткие замечания: «Служба для меня является очень тяжелой,

но все-таки очень интересной». Или другой отрывок: «Сегодня после полудня мы купались. Питание очень хорошее». Принимая во внимание слабое здоровье Генриха Гиммлера, не было ничего удивительного в том, что он в своих письмах очень много внимания уделял проблеме продовольственного снабжения. Однако нельзя говорить о том, что Генрих хоть когда-то голодал. Труднее всего ему удавалось справиться с отсутствием родительской опеки и любви. Как бы пытаясь продемонстрировать свою мужественность и взрослую самостоятельность, Генрих писал родителям по-солдатски коротко. Не исключено, что он завидовал своему старшему брату, который в то время пребывал на фронте, а его служба была связана с риском для жизни.

В августе 1918 года Генрих сообщил домой, что его очередная подготовительная программа была закончена, а он сам готовился отправиться на фронт. Однако этого не произошло — юношу в очередной раз послали на учебные курсы. 15 сентября он оказался в Бамберге, где должен был пройти двухнедельную подготовку по обращению с тяжелым пулеметом. Между тем на Западном фронте положение становилось критическим. После очередного неудачного наступления рейхсвер остро нуждался в новых офицерах. То, что Генриха Гиммлера не послали на фронт, может иметь два объяснения. С одной стороны, армейское начальство считало его недостаточно подготовленным, чтобы направлять в качестве офицера в зону боевых действий. Во-вторых, нельзя было исключать возможности того, что родители Генриха пытались через баварский двор всячески затянуть процесс отправки среднего сына на фронт. В любом случае в начале октября 1918 года Генрих Гиммлер освоил навыки общения с тяжелым пулеметом, после чего ему полагался недельный отпуск. Затем он должен был вернуться в Регенсбург, где его планировалось использовать для подготовки рекрутов и новобранцев. В итоге Генрих Гиммлер весьма пессимистично

оценивал сложившуюся ситуацию: «Политические события предстают для меня в очень мрачном, почти черном свете». Он, подобно многим, полагал, что революция была неизбежной.

Но все же Генриха Гиммлера от многих резервистов и тыловиков отличало то, что он непременно хотел оказаться на фронте. Осенью он направил домой восторженное письмо, в котором сообщал, что как-то смог поговорить с лейтенантом, обещавшим помочь с его переводом на фронт. Однако, когда была сформирована рота, которая должна была отбыть в зону боев, в Германии начались политические беспорядки, а потому ее пришлось распустить. Генриха Гиммлера отослали домой. Именно в Ландсхуте он встретил крушение монархии и военное поражении Германии. Революция в Мюнхене началась за день до того, как произошли революционные события в Берлине. Сначала был низложен баварский король. 9 ноября кайзер Вильгельм II бежал в Нидерланды, а власть в Берлине перешла в руки Совета народных уполномоченных. 11 ноября новое немецкое правительство подписало перемирие, вместе с тем признав поражение Германии в Первой мировой войне.

В конце ноября 1918 года Генрих Гиммлер вернулся в Регенсбург, надеясь, что сможет хотя бы получить звание фаненюнкера, на что могли рассчитывать юноши 1900 года рождения. Однако на практике ему пришлось заниматься учетом разоружения полка, в котором он проходил подготовку. В этой деятельности Генриху Гиммлеру помогал его двоюродный брат, лейтенант Людвиг Цалер. Оба молодых человека жили в Регенсбурге, где снимали комнату. Осознавая бесперспективность надежд на получение военного звания, Генрих начал подумывать о получении аттестата зрелости.

Во время революционных событий ноября 1918 года Генрих Гиммлер симпатизировал отнюдь не ультраправым и не националистам. Он открыто выражал поддержку Баварской народной партии, которая была основана ключевыми политиками так называемого баварского Центра. Генрих даже связался со своим школьным приятелем, Карлом Гебхардтом, являвшимся активистом Баварской народной партии. Об искренности политических симпатий Генриха Гиммлера говорит хотя бы тот факт, что он просил отца принять участие в деятельности новой политической партии.

Между тем в первых числах декабря 1918 года с фронта вернулся домой старший брат Генриха, Гебхард. Он был не просто прапорщиком, но кавалером Железного креста. Для Генриха Гиммлера, который не имел никаких шансов на военную карьеру, это стало предметом восхищения и зависти. За несколько дней до этого он узнал, что все фаненюнкеры 1900 года рождения должны были быть в срочном порядке демобилизованы из рядов армии.

18 декабря 1918 года Генрих Гиммлер окончательно перебирается в Ландсхут. Не получив даже младшего офицерского чина, он чувствует себя обманутым. До конца жизни Генрих Гиммлер утверждал, что просто-напросто он не успел получить офицерское назначение.

Глава 3. В водовороте событий

После возвращения в Ландсхут для Генриха Гиммлера на первый план вышла проблема окончания своего гимназического обучения. Напомним, что к этому времени он закончил всего лишь семь классов гимназии. Догнать своих одноклассников и вовремя получить аттестат зрелости он мог лишь благодаря специально принятому правительственному решению, согласно которому для участников войны организовывались особые

шестимесячные ускоренные курсы. Классным руководителем одного из таких курсов был как раз Гиммлер-старший. Впрочем, он не давал своему сыну никаких поблажек, так как руководил вверенным ему классом с традиционной строгостью и педантичностью. В это время в классе, где продолжил свое обучение Генрих, находился вернувшийся с войны его приятель Фальк Ципперер. В это время оба юноши пытаются писать стихи. Однако если природа все-таки одарила Ципперера подобием поэтического таланта, то творения Генриха Гиммлера в большей степени напоминали неуклюжие вирши.

Между тем в Баварии накалялись политические страсти. Молодым ультраправым офицером был убит Курт Айснер, человек, организовавший революцию в Баварии. В Мюнхене стало набирать силу советское движение, представленное в первую очередь активистами Независимой социал-демократической партии Германии. После того как левые активисты провозгласили в Мюнхене Советскую республику, законно избранное правительство было вынуждено скрыться в Бамберге. На севере Германии стали формироваться добровольческие корпуса и специальные подразделения рейхсвера, в которые входили вернувшиеся на Родину фронтовики, придерживавшиеся контрреволюционных и антидемократических воззрений.

Генрих Гиммлер в это время пытался проявить себя в рамках Баварской народной партии. Одно время он даже состоял в переписке с ее филиалом в Регенсбурге. Однако в конце апреля 1919 года он решил присоединиться к фрайкору (добровольческому корпусу) «Ландсхут». Одновременно с этим он числился в резервной роте добровольческого корпуса «Оберланд». Этот фрайкор создавался при поддержке находившегося в изгнании баварского правительства, однако изначальная инициатива исходила от Рудольфа фон

Зеботтендорфа, председателя общества «Туле». Несмотря на желание побывать на фронте и политическую активность, Генрих Гиммлер не принимал участие в кровавых событиях начала мая 1919 года, когда была ликвидирована Мюнхенская Советская республика. Тем не менее он еще два месяца числился в составе корпуса «Оберланд», где даже получил официальную должность. Это назначение позволяло Генриху Гиммлеру надеяться, что он сможет продолжить службу в рейхсвере и со временем все-таки получит офицерское звание. Действительно, некоторые из добровольческих корпусов были влиты в состав рейхсвера, однако «Оберланд» не попал в их число, а это значит, что Генрих Гиммлер мог в очередной раз распрощаться со своими надеждами.

В июле 1919 года Генрих, как участник войны, получил аттестат зрелости, хотя он никогда не сдавал действительных выпускных экзаменов. По большей части учебных предметов у Генриха Гиммлера значилось «отлично», лишь по математике и физике он получил «хорошо». Поскольку юноша не имел ни малейших перспектив продолжить армейскую карьеру, он принял весьма неожиданное для многих решение. Он решил обучаться сельскому хозяйству в Высшей технической школе Мюнхена. На первый взгляд подобное решение могло показаться вздорным и сумасбродным. Генрих Гиммлер был типичным гуманитарием. Кроме этого его семья была городской, а с деревенскими реалиями он сталкивался только во время пребывания за городом во время каникул. Кроме этого у Гиммлеров не было собственного поместья, где бы Генрих со временем мог работать управляющим.

Подобное решение объяснялось тем обстоятельством, что в то время очень многие демобилизованные офицеры и подрастающие сыновья немецких дворян шли получать аграрное образование, полагая его новой «хлебной профессией». Однако большинство

из них воспринимали учебу всего лишь как передышку, которой надо было воспользоваться до начала новой войны или по крайней мере, до начала гражданской войны. Генрих Гиммлер, скорее всего выбрал сельскохозяйственное направление, чтобы очутиться в офицерской среде, что, по его мнению, давало все-таки возможность приблизиться к армии. Кроме этого не надо исключать возможности того, что на этот выбор повлияли родители Генриха, которые хотели, чтобы их сыновья получили практичные профессии, — Гебхард и Эрнст стали учиться на инженеров.

Летом 1919 года Гиммлер-старший был назначен директором гимназии, находившейся в Инголыптадте. Семейству удалось найти поблизости от этого места поместье, в котором Генрих Гиммлер смог бы пройти годовую подготовку — это было обязательным условием для принятия на аграрный факультет. 1 августа 1919 года Генрих Гиммлер начал свое практическое знакомство с сельским хозяйством. На тот момент в поместье приходилось работать шесть дней в неделю по 12 часов. В свой единственный выходной Генрих должен был трудиться на конюшне. Это был тяжелый физический труд, который сложно давался Генриху Гиммлеру. Теперь он подписывал свои сообщения родителям «Генрих агрикола», то есть «Генрих землевладелец». Даже в этой подписи чувствовались непомерные амбиции Генриха, так как его статус больше соответствовал батраку, но никак не землевладельцу. В «Книге рабочих дней», которую вел Генрих Гиммлер по образцу своего юношеского дневника, он обстоятельно перечислял все физические трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться: «26 августа. В первой половине дня перепахивал плодородный слой почвы. Разгрузил три с половиной фуры ячменя». «29 августа. Во второй половине дня погружал на телеги мешки с рожью. 105 штук, каждый по 50 килограммов. Разгрузил три фуры ячменя». Однако в это время Генрих не мог вести самостоятельную жизнь. Подобно времени

пребывания в казармах, ему постоянно слали посылки из дома. В них были еда, чистое белье и т. д.

Генрих Гиммлер очень надеялся, что физический труд поможет укрепить его здоровье.

Однако эти надежды оказались призрачными. Уже после двух недель работ он тяжело заболел, после чего провел более месяца в местной больнице. Врачи подозревали, что Генрих подхватил кишечную инфекцию. В сентябре он отправился в Мюнхен к семейному врачу Гиммлеров, Квенштедту. Тот после обследования поставил следующий диагноз: «Проблемы с сердцем. В течение года не учиться и воздерживаться от тяжелого труда». Вынужденный отдых Генрих использовал для того, чтобы читать. Еще во время пребывания в инголыптадтской больнице он составил список книг, которые он планировал прочесть в сентябре — октябре 1919 года. В этом списке содержалось 28 произведений. Во время болезни Генрих Гиммлер прочел десяток томиков Жуля Верна, несколько сборников исторических рассказов. В списке также значился «Фауст» Гёте и роман Томаса Манна «Королевская свадьба». Последний был единственной книгой из числа современной немецкой литературы. Куда с большим интересом Генрих читал старые сказания и саги. Это характеризует литературный вкус молодого Генриха Гиммлера, который отдавал предпочтение романтическим историям. В конце болезни Генрих принимается за чтение политических вещей. В его поле зрения попадает конспирологическая литература и антимасонские памфлеты. Кроме этого он читает сообщения о деятельности «Немецкого комитета по содействию переселению евреев в Палестину», то есть можно говорить о том, что уже в 1919 году Гиммлер был знаком с сионистской литературой.

14 октября 1919 года Генрих в очередной раз направляется в Мюнхен к доктору Квенштедту, который находит, что сердце юноши пришло в порядок. Теперь сняты все ограничения на учебу, и Генрих Гиммер смог 18 октября 1919 года записаться в Высшую техническую школу Мюнхена. Он стал прилежным студентом. Вместе с братом Гебхардом Генрих снимал меблированную комнату в доме № 28 по Амалиенштрассе, то есть фактически по соседству с университетом. Сразу же всю свою жизнь Генрих Гиммлер подчинил строгому распорядку. Обедал он обычно у госпожи Лориц, вдовы известного оперного певца, которая, видимо, хотела познакомить братьев со своими дочерьми. Вечера же он проводил в кругу друзей. Весьма интересным может оказаться тот факт, что молодой Генрих Гиммлер неоднократно бывал в гостях у тайного советника Лоссова. Тот считался другом семьи Гиммлеров, но Генрих все равно отмечал, что советник оказывал ему «колоссальную любезность». Кроме этого Генриха Гиммлера могли видеть в компании профессора Раушмайера, с дочерью которого Мари еле юношу связывали дружеские отношения. Но чаще всего Генрих Гиммлер заходил в гости к Хагерам. Здесь можно было бы предположить романтическое увлечение школьной подругой Луизой.

В ноябре 1919 года Генрих Гиммлер вступил в клуб «Аполло», которому покровительствовали «сильные мира сего». Официально в «Апполо» занимались фехтованием, по сути же клуб выполнял функции привилегированной студенческой корпорации. После занятий фехтованием большинство студентов заходило в соседний трактир, где устраивали веселые попойки. В то время Генрих Гиммлер еще мог позволить себе выпить восемь стаканов вина, о чем сообщал в дневнике. Однако в ходе этих вечеринок он оставался самым трезвым, так как ему нередко приходилось развозить товарищей по домам.

Если же говорить об общественной жизни, то весьма общительный Генрих Гиммлер продолжал оставаться католическим активистом. Он регулярно посещал церковь, причащался, исповедовался. В его дневниках нередко мелькали фразы: «Да поможет мне Господь». Всенощная служба, которую он вместе со своей семьей посетил под Рождество в Ингольштадте, произвела на молодого Генриха Гиммлера глубочайшее впечатление — но больше всего юношу восторгали «роскошные ритуалы». Впрочем, не стоило полагать, что Генрих Гиммлер ограничивался только лишь церковными мероприятиями. Он, подобно многим студентам Высшей технической школы Мюнхена, входил в союз фронтовиков, в деятельности которого он принимал активное участие. В некоторых случаях он даже пытался организовать свой досуг на солдатский манер. Так, например, он добровольно стал служащим 14-й сводной роты 21-й стрелковой бригады, которая была резервным формированием рейхсвера. Достаточно часто Генриху Гиммлеру приходилось принимать участие в стрельбах и некотором подобии боевых учений. В этом не было ничего удивительного, если принять в расчет, что после ликвидации Мюнхенской Советской республики столица Баварии превратилась в «контрреволюционный централ» общегерманского значения.

Деятельность легальных и полулегальных военизированных союзов негласно поддерживалась рейхсвером. Генрих Гиммлер надеялся, что в ближайшем будущем начнутся новые боевые действия. Он ожидал, что одна из таких «акций» произойдет 9 ноября 1919 года, на годовщину революции — однако в Мюнхене было относительно спокойно. Все последующие месяцы Генрих проведет в предвкушении назревавшего путча. В какой-то момент его рота даже была поднята по тревоге, но опять ничего не произошло. Генриху Гиммлеру было лестно чувствовать себя «солдатом». В те дни он записал в своем дневнике: «До 10 часов

я на лекциях, а затем я вновь в королевском кителе. Я был и остаюсь солдатом».

В другом месте он сообщает: «Сегодня, снова весь день ношу униформу. Она является для меня самой дорогой одеждой».

16 января 1920 года Генрих Гиммлер узнает о смертном приговоре, который был вынесен графу Антону Арко ауф Валл ею, который 21 февраля 1919 года застрелил на улице Курта Айснера, «повинного в свержении баварской монархии». Поскольку граф был молодым лейтенантом, ровесником многих юных фронтовиков, то приговор вызвал бурную реакцию. Многие из студентов Высшей технической школы Мюнхена требовали освободить графа Арко. К этим акциям присоединились правые политические организации, а затем и наиболее консервативные круги рейхсвера. В кругах, к которым был близок молодой Генрих Гиммлер, началась подготовка к столь долгожданной для него боевой акции. Планировалось вооруженное освобождение заключенного, которое должно было перерасти в антидемократический путч. Гиммлер с радостью включился в это дело. В январе 1920 года он записал в своем дневнике: «Облачился в униформу. В 8 часов большое собрание всех студентов в одной из самых больших университетских аудиторий. Требование помиловать Арко. Потрясающее патриотическое собрание. В казармы послана делегация, состоящая из меня, капитана лейтенанта Шт. и лейтенанта Б.». В казармах делегация от студентов-фронтовиков получила единодушную поддержку. Впервые за многие месяцы в Мюнхене вновь запахло жареным. Неизвестно, как бы стали развиваться события в январе 1920 года, если бы не было объявлено о помиловании графа Арко. Казнь ему заменили на тюремный срок. В своем же дневнике Генрих Гиммлер не без сожаления написал о том, что «дело прошло слишком гладко». Ему явно не

терпелось пустить в ход оружие, о чем говорит его фраза: «Придется как-нибудь в другой раз».

Во время так называемого «Капповского путча», когда Берлин был захвачен бригадой Эрхардта, Генрих Гиммлер принимал участие в вооруженном патрулировании мюнхенских улиц. Несмотря на то что баварские фрайкоры не оказали открытой поддержки берлинским мятежникам, после провала путча Эрхардт и его бригада смогли укрыться от преследования именно на территории Баварии.

Весной 1920 года страны Антанты принудили берлинское правительство распустить все резервные формирования рейхсвера. Генрих Гиммлер в очередной раз оказался за рамками военизированной структуры. Впрочем, такое состояние длилось не очень долго. Он почти сразу же присоединился к так называемой баварской гражданской самообороне, создание которой были инициировано властными структурами, намеревавшимися обойти запреты стран-победительниц. Кроме этого Генрих Гиммлер вступил в стрелковое общество «Фрайвег» («Свободный путь»), которое носило откровенно парамилитаристский характер. Кроме психологического момента, не стоило забывать про сугубо меркантильные соображения — членство в этих организациях давало Генриху Гиммлеру фактически бесплатный воскресный проезд на поезде, который он использовал для того, чтобы навещать своих родителей. Вдобавок к этому надо отметить, что в то время политические воззрения Генриха Гиммлера были очень рыхлыми и несформировавшимися. Если не считать стремления к вооруженным акциям, то он фактически не интересовался политикой, по крайней мере не доверял своему дневнику каких-то конкретных политических суждений. Если некоторое время назад он демонстрировал симпатии Баварской народной партии, то уже во время выборов в студенческий комитет Высшей школы

он отдал свой голос ультраправым — «немецким националам». Приблизительно в то же самое время он начинает разочаровываться в католицизме. Толчком для этого могли послужить проповеди, в которых отчетливо читались идеи баварского сепаратизма и имелись выпады в сторону пруссачества. Гиммлер полагал себя немецким националистом, а потому никак не мог смириться с подобными тенденциями. Впрочем, в то время он еще не был расистом и убежденным антисемитом. По крайней мере радикальные идеи еще не стали частью его мировоззрения. Подтверждением этого может стать конфликтная ситуация, в которую в конце 1919 года был вовлечен Генрих Гиммлер. Тогда в среде студентов-фронтовиков активно обсуждался вопрос: можно ли было драться на дуэли со студентами-евреями? Гиммлер не смог сказать ничего однозначного относительно возможного равноправия студентов-немцев и студентов-евреев.

Как известно, немецкие студенческие корпорации были весьма консервативными, и казалось бы, внутри них не должно было иметься поводов для противоречий по «еврейскому вопросу». Однако указанная дискуссия происходила между студентами-пангерманистами, отказывавшими евреям в их правах по «расовым соображениям», и студентами-католиками, которые делали то же самое, но по «культурно-религиозным соображениям». Запись, которую сделал после этого в своем дневнике Генрих Гиммлер, весьма показательна: «После ужина мы беседовали о еврействе и вопросе чести. Очень интересная беседа. Я размышлял над ней во время обратного пути. Я прихожу в противоречие с моей религией». Очевидно, что Гиммлер должен был разделять позицию католических студентов, однако он подспудно чувствовал симпатию к расовому антисемитизму. Оговорки, которые он позволял себе на страницах дневника, указывали, что Генрих Гиммлер все еще не решался перейти на позиции радикального расового

антисемитизма. В частности, он записал: «Пусть все идет так, как угодно Господу. Я буду всегда молиться ему и буду преданным католической церкви, я защищу их, даже если буду извергнут из нее». Три дня спустя Генрих Гиммлер завел разговор о церкви, дуэлях и принципах чести со своим кузеном Людвигом Цалером. Генрих разрывался между своими личными убеждениями и догматами католической церкви. В состоянии этого внутреннего смятения он записал в дневнике: «Вечером я усердно молился. Господь поможет мне в моих сомнениях».

Глава 4. Личные связи

Определяющими в формировании личных взглядов Генриха Гиммлера были его связи, которые он поддерживал во время учебы в Мюнхене. К числу его ближайших друзей принадлежали уже не раз упоминавшиеся Фальк Ципперер и Людвиг Цалер. Впрочем, привязанный к своей семье Генрих считал своим лучшим другом старшего брата Гебхарда. Однако больше всего времени в то время Генрих Гиммлер проводил в компании Людвига Цалера. Юноши любили вести между собой длинные беседы. Как-то Генрих записал в своем дневнике: «Людвиг сопровождал меня домой, мы вместе изучали книги и беседовали. Он — очень хороший человек». Отношения же с Фальком Ципперером носили несколько иной характер. Генрих восхищался им, воспринимая как «гениального великого человека», который был его «хорошим другом». Не исключено, что эта дружба подкреплялась любовью к поэзии. Оба юноши пытались писать стихи. Один раз для благотворительных целей они даже сочинили сентиментальную уличную песенку. Они не раз исполняли ее в кругу своих друзей.

В те дни Генрих Гиммлер часто писал в дневнике о творческих вечерах, в которых принимали участие он и его друзья. Они принципиально отличались от студенческих пирушек: «Все было

просто великолепно. Лю(двиг) и Кете танцевали в костюмах эпохи рококо — прелестно». Поскольку все эти вечера сопровождались танцами, то Генрих, чтобы преодолеть свою неуклюжесть, пытался брать танцевальные уроки. «Все барышни были миловидны, особенно Кете, Моррель, Фридель. После этого господин Кюфнер стал разливать шнапс. Лю(двиг) и я столкнулись лбами (твое здоровье, старина). А дальше мы танцевали. Затем играли в фанты со множеством поцелуев. Приблизительно в половине второго ночи мы направились домой. Я и Лю(двиг) были очень довольны этим вечером».

Если говорить о романтических привязанностях, то юный Генрих Гиммлер проявлял личный интерес в первую очередь к двум девушкам, которые входили в круг его друзей. Поначалу 19-летний Генрих пытался ухаживать за Луизой Хагер, с которой он был знаком с детства, а затем дружеские чувства переросли во влюбленность. Молодые люди постоянно переписывались, а Генрих был частым гостем в семье Хагеров. Когда он узнал, что Луиза была истовой католичкой, это привело его в дикий восторг. Он записал в дневнике, что как-то узнал от приятеля, будто бы Луиза дни напролет проводит в молитвах. Это стало для Генриха «самой большой радостью, которую я испытал за последние восемь дней». Однако эти симпатии так и не переросли в реальные отношения.

Но все-таки по-настоящему Генрих Гиммлер был очарован Майей, дочерью фрау Лориц. Майя была приятельницей Людвига Цалера. Генрих признавался себе на страницах дневника, насколько «был счастлив именовать эту прекрасную девушку своей подругой». Ноябрьскими вечерами, которые он проводил у госпожи Лориц, он имел возможность беседовать с «фройляйн Майей о религии и т. д.». «Она много рассказывала о своей жизни. Я полагаю, что нашел в ее лице сестру».

Дружеская компания собиралась очень часто. Они вместе ходили на концерты, в театры, посещали музеи, катались на катке, вместе исполняли песни. Несмотря на то что страну трясло от экономических и политических кризисов, население откровенно голодало, мюнхенские студенты были по-своему счастливы и пытались приятно и необременительно проводить свое свободное время. Генрих Гиммлер несколько раз описал в дневнике некоторые из таких моментов: «Сегодня начались лекции. Засиделись вечером до 12 часов, держась за руки». Однако на следующий день Гиммлер был мрачнее тучи: «Вечером сидели в задней комнате. Я был жутко серьезен и подавлен. Я полагаю, что наступают очень серьезные времена. Или это значит что-то иное?» Однако он предпочитает сосредоточиться на мысли, которая могла вывести его из депрессивного настроения: «Я рад борьбе, если вновь смогу носить королевский китель». Постепенно гнетущие мысли улетучились: «Сначала Майя пела “Любовь фрау”. Во время исполнения на ее глазах наворачивались слезы. Я полагаю, что Людвиг не понимает, насколько это прекрасная девушка. Я тоже не могу до конца осознать это. Позже Гебхард и Кете играли на пианино. Людвиг и я сидели в креслах, а Мариель и Майя — на полу, прижавшись к нам. Все держались друг за друга частично от любви, частично в братской дружбе. Это был вечер, который я никогда не забуду».

Однако поскольку отношения между Майей и Людвигом со временем стали портиться, то это отразилось и на «братском расположении» Генриха Гиммлера. Он предпочитает встать на сторону своей тайной любви. «Я перестаю понимать Людвига. Несчастная Майя!» Двумя днями позже Генрих запишет в своем дневнике: «Он [Людвиг] вызывает у меня сожаление. А еще больше я сожалею о Майе. Все-таки человек является жалким существом. Остался осадок. Сердце в смятении ищет упокоения в Боге. Но мы настолько бессильны, что нам нельзя помочь». Генрих Гиммлер переживал типичную любовную тоску. Он

погряз в «тяжких мыслях о духовной борьбе», что не осталось незамеченным друзьями. Он хотел бы остаться вместе с ними. В своем дневнике он задумчиво писал о том, что «его долг состоял в деятельности, в борьбе, что нельзя допустить утраты контроля над собою». Попытка сохранить пресловутый контроль над собой была продемонстрирована друзьям в середине ноября 1919 года, когда в доме Лорицов было решено провести так называемый «гипнотический вечер», что было некой разновидностью спиритических сеансов. Генрих Гиммлер стал решительно протестовать против того, чтобы в дом к его друзьям пришел «приглашенный гипнотизер». Впрочем, в то время он еще не меняет своего отношения к Майе: «Несчастная добрая Майя! Она переживает, когда я вижу их в таком виде» (подразумевались ссоры Майи и Людвига).

Именно в это время в дневнике Генриха Гиммлера появляются первые записи о том, что он намеревается покинуть Мюнхен и направиться «переселенцем» на Восток. «Я не знаю, во имя чего я сейчас работаю. Я тружусь, так как это мой долг, так как я нахожу упокоение в труде. Я тружусь во имя женского идеала, который хочу принести из прекрасной Германии далеко на Восток, где я как немец буду сражаться до самого последнего». Словно желая осуществить свои задумки, Генрих Гиммлер начинает учить русский язык. Мысли Гиммлера вновь и вновь возвращаются к теме войны. «Гебхард, Лю(двиг) и я очень много говорим о том, насколько было бы прекрасно, если бы мы смогли остаться в армии. Мы были бы вместе на поле боя.

Вероятно, тогда мое сердце билось бы чаще. Но я не хочу быть слабым, не могу дать повода для проявления слабостей. Я направлюсь на войну, окунусь в борьбу. Возможно, через несколько лет я с радостью направлюсь на освободительную войну, если к тому моменту еще буду в состоянии передвигаться».

В это время записи в дневнике Генриха Гиммлера являются беспорядочными. Мысли о войне, рассуждения о стойкости перемежаются с описаниями того, как он проводил время в компании приятелей и Майи. Они вместе читали книги, болтали, музицировали, вели беседы о Боге, иногда сидели, держась за руки, и неизменно по-дружески целовались на прощание. В это время Генриха ожидало очередное потрясение. В конце ноября 1919 года он узнает, что в ближайшие месяцы Майя должна навсегда покинуть Мюнхен. Он понимает, что никак не может повлиять на ситуацию, а потому впадает в очередную «героическую депрессию». «Если мне суждено справиться с трудностями, которые являет мне жизнь, это значит — я могу бороться, а это хорошее качество. Но человек с его склонностями, с его непостижимой тоской, с его боевым растерзанным сердцем — это очень жалкое существо. Но все же я горд за то, что включился в эту борьбу». Понимая, что расставание с Майей неизбежно, он пытается психологически настроить себе против этой девушки: «Я не знаю, действительно ли она такая, как мне кажется, или я просто выдумал этот образ». Генрих Гиммлер понимает, что его шансы на роль счастливого возлюбленного с Майей ничтожно малы. Однако он еще не готов полностью отказаться от своей влюбленности. 5 декабря, на католический праздник Святого Николая, он получает анонимный подарок, и сразу же предпочитает представить в качестве дарительницы Майю. Он находит в свертке несколько золотистых волосков, что окончательно «убеждает» его — подарок от Майи. Однако его ожидает очередное разочарование. Три дня спустя Генрих Гиммлер узнает, что сверток прибыл от некой фройляйн Ваншаффе. Эта девушка не произвела на молодого Генриха ни малейшего впечатления. Гиммлер на очередном перепутье: «Сегодня я решил отказаться от всего напускного и быть только самим собой. Если я не найду девушку, которая будет любить меня и подойдет мне по своим качествам, то мне ничего не остается, как направиться в Россию».

Не исключено, что напускная мрачность, которую позволял себе Генрих, действовала на нервы его друзьям и брату. На это указывает запись, сделанная Гиммлером в дневнике после празднования Нового года: «Людвиг говорит мне, что я слишком восприимчив, и отчасти он, конечно же, прав». В эти дни Генрих буквально возмущен поведением Майи, которая «полностью его игнорирует». На самом деле он обманывался относительно ее чувств и выдавал желаемое за действительное. В итоге Генрих Гиммлер решил отказаться от своих чувств к девушке: «Благодаря ей и Луизе я пришел к выводу: не имеется более бессердечных девушек, нежели те, которые когда-то любили».

Однако не надо полагать, что в то время Генрих Гиммлер был одержим сугубо возвышенными и романтическими чувствами. Его дневники свидетельствует о просыпающемся сексуальном любопытстве. Он описывает ситуацию, когда на площади Одеон к нему, Гебхарду и Людвигу пыталась приставать женщина легкого поведения. После окончания Второй мировой войны эта история стала предметом для многочисленных спекуляций. Хотя сделанная Гиммлером запись: «Естественно безуспешно» — всего лишь говорила о том, что приятели решили воздержаться от контактов с сомнительной особой. Однако это не помешало Генриху сделать дополнение: «Однако нечто в подобном роде было бы в высшей мере интересным». Еще в декабре 1919 года Генрих Гиммлер обсуждал со знакомыми студентами скандальную пьесу Ведекинда «Замок Веттерштайн», в которой отчетливо прослеживалась тема сексуальной распущенности и извращений. Гиммлер не стал занимать в споре исключительно ханжескую позицию, присущую многим католикам: «Я должен сказать, что это отнюдь не свинство, а вещь, которая должна быть преподнесена взрослому человеку во всей полноте». Однако в некоторых случаях Гиммлер реагировал не столь сдержанно. Когда в марте 1920 года была опубликована книга о любовных отношениях молодого священника и 14-летнего юноши, он

просто захлебнулся от презрения и отвращения. «7 марта 1920 года. Воскресенье. Половина одиннадцатого вечера. Пребываю в ужасном настроении. Собственно, как и весь Мюнхен. Идеализация гомосексуалиста — просто чудовищная картина».

В конце января 1920 года Генрих Гиммлер тяжело заболел гриппом. Он провел на постельном режиме несколько недель. В это время он уделял предельно много внимания тому, насколько готовы позаботиться о нем его друзья. «Кете всегда приносила мне еду. Лю(двиг) посещал меня почти ежедневно, нередко пару раз за день…. Это дорогие мне люди, лучшие друзья. Кетль как сестра, а Лю(двиг) как брат. Фридль прислала мне яйца и постоянно передает множество приветов. Она — славный парень…»

Однако первый период пребывания Генриха Гиммлера в Мюнхене подействовал на него отрезвляюще. Он стал более объективно воспринимать действительность. Поэтому не стоит удивляться тому, что при каждом удобном случае он задерживался в родительском доме:

«Едва ли может быть где-то лучше, чем дома». Генрих Гиммлер доверяет своим родителям многие из своих переживаний: «Вечером гулял с отцом. Много говорили друг с другом. О Луизе, о моей российской проблеме (с мамой в первую очередь), о политическом и экономическом будущем страны». Генрих Гиммлер вполне обоснованно полагал: «Дома я был веселым и беззаботным мальчишкой, но стоило мне покинуть родной дом, как я стал меняться». Едва ли можно предположить, что имелись хоть какие-то признаки «конфликта отцов и детей». Во всяком случае в период до апреля 1921 года.

Опираясь на дневниковые записи Генриха Гиммлера, которые он делал во время своего первого периода пребывания в Мюнхене, можно однозначно говорить о том, что он имел определенные

проблемы, связанные с общением с другими людьми. Речь идет даже не о наивности в восприятии девушек. Дело в том, что юный Генрих Гиммлер не совсем точно оценивал эмоциональное поведение своих знакомых, а потому не мог адекватно реагировать на их поступки. Он отнюдь не был знатоком человеческих душ. Немецкий исследователь Петер Лонгэрих с опорой на работы психологов Готфрида Шпранглера и Петера Циммермана предположил, что Генрих Гиммлер имел некие отклонения, связанные с системой эмоциональных коммуникаций, или же на его поведении сказывались последствия излишней привязанности. Люди, которые приобрели подобные проблемы в раннем возрасте, повзрослев, предъявляют слишком высокие эмоциональные требования к другим людям. В итоге их ожидает разочарование, которое ведет к требованию больших перемен. Нередко подобные моменты проявляются в беспочвенных вспышках гнева, которые сменяются попытками вновь приобрести чье-то доверие. Однако часто подобные люди умеют весьма искусно скрывать свою эмоциональную незрелость.

Уже из писем, которые Генрих Гиммлер писал из казарм в 1918 году, однозначно следовало, что он нуждался в признании и покровительстве. Поначалу это были его родители, затем это место заняли его друзья. Он искал расположения людей, но всегда опасался с ними действительно сближаться. Опасаясь предстать в глупом виде, он напускал на себя серьезность, что нередко было причиной раздражения его знакомых. Однако Генриху Гиммлеру хватало сообразительности и таланта, чтобы попытаться компенсировать эти слабости. Его отличительной чертой, которую можно было бы проследить едва ли не с раннего детства, было стремление к самоконтролю. Он пытался владеть собой, чтобы скрыть свои истинные чувства, — со временем эта привычка стала второй натурой Генриха Гиммлера.

Кроме этого в юности он полагал, что сможет обрести внутреннюю уверенность, если будет усиленно работать над своим характером.

Визуальным проявлением стремлений сохранения контроля над собой являлись попытки Генриха Гиммлера изобразить себя в качестве «солдата», что было также связано со стремлением получить признание других людей. Генрих Гиммлер, относясь в целом к поколению «военной молодежи», принадлежал к той возрастной группе молодых людей, чье взросление пришлось на время поражения Германии в войне, свержение монархии и революцию. Эти события стали решающими в их жизни, так сказать, определяющими их судьбу. События 1918 года были для этой части молодежи социально-политическим вызовом, ответ на который требовал от них принципиального изменения системы ценностей, поведенческого комплекса и т. д. Они были ориентированы на преодоление внешнего и внутреннего крушения страны. Важными для этой молодежи стали такие качества, как твердость, трезвость, объективность. Гиммлеру приходилось прилагать немалые внутренние усилия, чтобы контролировать себя и иметь возможность подстроиться под условия будничной жизни. Мир армии привлекал их своей упорядоченностью и контролем, в этом мире бесчувственность и слабые привязанности воспринимались не как недостаток, а как добродетель. Стремление Генриха Гиммлера проявить себя хоть в каком-нибудь военизированном движении, однозначно связано с его несостоявшейся офицерской карьерой. Если же обращаться к выводам психологов, то они полагают, что причины нарушений в системе личных коммуникаций кроются в раннем детстве, а именно в недостаточном внимании родителей. Избегая различных спекуляций, можно предположить, что в семействе Гиммлеров это было связано с проблемой «среднего ребенка», поскольку Генриху постоянно приходилось, с одной стороны, конкурировать с успехами старшего брата, а с другой стороны,

считаться с тем, что любимчиком семьи в какой-то момент стал его младший брат.

Эмоциональная неустойчивость Генриха Гиммлера, проявившаяся во время учебы на первом семестре аграрного факультета (октябрь 1919 — март 1920 года), во многом отразилась на списке литературы, прочитанной им. Немецкими исследователями установлено, что за этот период им было прочитано четырнадцать книг. Большая часть из них были рассказами и романами, некоторые были посвящены любви и отношениям полов. Несмотря на то что политическая и мировоззренческая литература отнюдь не превалировала в этом списке, ей надо уделить отдельное внимание. В указанный период Генрих Гиммлер прочитал две книги антисемитского содержания. Судя по всему, он пытался найти ответ на «еврейский вопрос», с которым ему пришлось столкнуться во время студенческих дискуссий. Исходя из записей, сделанных в дневнике, можно допустить, что в начале 1920 года Генрих Гиммлер все еще не решался встать на радикальные антисемитские позиции. Из списка чтения надо отдельно упомянуть книгу, которая во многом оказала решающее влияние на формирование будущих идей Гиммлера. Речь идет об изданной в 1906 году работе Ганса Вегенера, которая была посвящена половому воспитанию молодежи. Она была ориентирована на подготовку молодых людей к вступлению в брак. По сути, это был первый учебник, касавшийся проблемы полов. Несмотря на то что книга была для своего времени почти революционной, она была ориентирована на консервативные установки. Ее автор охотно рассуждал о «благородном почтении к чистой женщине», о том, что отношения полов должны были носить в принципе дружеский, но не эротический характер. Как покажет время, идеи из этой книги Генрих Гиммлер попытается воплотить на практике, занявшись практическим конструированием идеальной немецкой семьи. А пока же он

сделал запись в своем дневнике: «Книга высочайших идеалов. Высоких, но все-таки достигаемых. И уже достигнутых. Самая прекрасная книга, которую я прочитал по данной тематике».

Глава 5. Мятущийся аграрий

После окончания первых двух семестров обучения в Мюнхене Генриху Гиммлеру предстояло пройти сельскохозяйственную практику. О жизни Генриха во время второго семестра 1920 года фактически не сохранилось никаких сведений. Он даже почти не делал записей в своем дневнике. Тем не менее можно предположить, что переезд на село являлся для него долгожданным выходом из мюнхенских отношений, которыми он стал тяготиться. По просьбе фрау Лориц семья Рерль из Фридольфинга (Верхняя Бавария) согласилась предоставить Генриху Гиммлеру место практиканта в своем поместье. Юноша же возлагал большие надежды на предстоящий год. В одном из писем к своему отцу Генрих писал о том, что он должен был поправить свое здоровье за счет качественной пищи, а кроме этого он планировал закалиться во время сельскохозяйственных работ: «Нервы и душа могут отдохнуть на природе». Чтобы хотя бы изредка вырываться из деревенской уединенности, Генрих Гиммлер решил приобрести себе мотоцикл. Он прибыл во Фридольфинг 7 сентября 1920 года и решил уйти с головой в новую для себя сферу деятельности.

Генриху Гиммлеру грех было жаловаться на плохое питание и плохое обхождение с ним. Более того, он сразу же подружился с Алоизом Рерлем, землевладельцем, который был старше Генриха на десять лет. Эту дружбу они сохранят на десятилетия. Они вместе ходили на охоту, вместе посещали сельскохозяйственные выставки. Именно по инициативе своего патрона Генрих стал совершать прогулки по горам, а затем стал членом «Трунгс-клуба» и организации немецких альпинистов. Кроме этого

Генрих Гиммлер не отказывал себе в удовольствии принимать участие в традиционных сельских праздниках. Также в этом имении Генрих присоединился к местному отделению «гражданской самообороны». Он регулярно посещал церковь и охотно прогуливался с новыми знакомыми по окрестностям. Однако даже в новых условиях жизни Генрих Гиммлер остается весьма привязанным к родителям. Те регулярно шлют ему традиционные посылки, а он в ответ посылал доскональные отчеты о расходовании карманных денег, которые ему предоставлялись отцом. Поздравляя Гиммлера-старшего с 56-летием, его сын сообщал в письме, что он «обещает быть всегда целеустремленным, быть и оставаться усердным человеком».

В это время Генрих Гиммлер предпочитал читать драмы Ибсена, которые казались ему «настолько реалистичными, а потому чрезвычайно верными». В «Комедии любви» Генрих видел прежде всего обличение лжи, на которой было построено общество. Однако молодому человеку не могло не импонировать, что в работах Ибсена многие люди благодаря своему характеру все-таки одерживали верх над проблемами и невзгодами. Для Генриха это было еще одним подтверждением необходимости самоконтроля и закалки своей воли. В драме «Пожар», в которой рассказывалось о священнике, погубившем себя и своих прихожан, он видел «книгу о воле, о морали и о жизни без компромиссов». Кроме этого Гиммлер с удовольствием читал литературные переложения северо-германских героических сказаний. Роман Вернера фон Хайденштама о шведском короле Карле XII поразил его как «история железного мужчины, который своим духом и волей воодушевлял свой народ до самого последнего дня». В своем дневнике Генрих записал: «В наше время мы остро нуждаемся в таких людях, как он». Здесь же, на селе, он знакомится с готическим романом Феликса Данса «Борьба с Римом», в котором был преподнесен образ «истинных германцев». Не исключено, что именно это произведение

укрепило в Генрихе Гиммлере интерес к древней и ранней германской истории. Сразу же надо оговориться, что именно в это, сельское, время Генрих прочитал литературные произведения, которые позже как бы оказались воплощенными в его политических установках. Так, например, произошло с романом Рудольфа Штаннца «Свет с Востока», в котором рассказывалось о злоключения молодого немецкого дворянина в Эстонии во время Первой мировой войны. Для Гиммлера это литературное произведение стало еще одним подтверждением существования «ужасного Востока». После его прочтения Гиммлер стал рассуждать на страницах своего дневника о «переселении народов», о «силе балтийских германцев» и о «нашей собственной слабости». В случае с романом Эрнста Цана «Женщины Таннё», рассказывавшем о деревне, жители которой решили более не рожать детей, чтобы тем самым остановить передававшуюся из поколения в поколение гемофилию, Гиммлер пришел к мыслям, которые были отголосками его будущих евгенических программ. Он запишет в дневнике: «Борьба против силы крови. Как эту борьбу вести». Кроме этого Генрих прочел несколько исторических книг, которые были посвящены участию немцев в освободительной войне против Наполеона.

Сельскохозяйственная практика Генриха Гиммлера во Фридольфинге закончилась в августе 1921 года. После этого он, заметно поздоровевший и окрепший, вернулся в Инголыптадт, где должен был пройти двухмесячную стажировку на машиностроительном заводе. Генрих планировал продолжить свою учебу в Высшей технической школе Мюнхена с зимнего семестра 1921–1922 годов. Заново принявшись за учебу в ноябре 1921 года, Генрих в очередной раз решил поселиться как можно ближе к учебному заведению. На этот раз он снял комнату в доме № 9 по Биннерштрассе. Отсюда он мог без проблем добраться до университета, где посещал дополнительные курсы, и также до государственной библиотеки.

Если ранее Генрих Гиммлер почти постоянно обедал в гостях, то теперь ему приходится есть у себя дома. Визиты в дом фрау Лориц, которые были некогда для Генриха знаменательным событием, становятся редкими — он явно тяготится этим знакомством. Для этого есть свое объяснение. Дело в том, что его приятель Людвиг Цалер к тому времени был обручен с Кете Лориц. Гиммлер не готов воспринять девушку в качестве невесты своего ближайшего друга, хотя и пытался выглядеть ликующим по поводу этого события. Кроме этого по-прежнему сказывается зависимость от родителей. По большому счету Генрих Гиммлер не предпринимал никаких шагов, чтобы избавиться от нее. Он охотно выполняет в Мюнхене небольшие поручения своего отца и столь же радостно принимает посылки из дома. Переписка с родителями становится еще более интенсивной. В своих письмах Генрих описывает все мельчайшие происшествия в своей жизни. Он сообщает подробности о своей общественной жизни. Генрих поет в церковном хоре, делает визиты к знакомым отца, выставляет свою кандидатуру на выборах в студенческий совет.

Большую часть своего свободного времени Генрих Гиммлер проводит в «Аполло» и в студенческих корпорациях. Почти каждый день после обеда он тренируется в зале для фехтования. Однако искусство обращения с рапирой и шпагой ему дается не очень легко. Это его не может не огорчать, так как согласно строгим правилам студенческих корпораций он мог стать их полноправным членом только после того, как провел первую дуэль. Но Генрих неуклонно тренируется, ведет бесконечные споры о вопросах чести и дисциплине. Он посещает раненных во время дуэлей студенческих приятелей, что дает ему повод познакомиться с покровителями корпораций. Однако, несмотря на все эти старания, Генрих не обретает долгожданного признания. Даже в 1921 году его отказываются произвести в полноправные члены студенческой корпорации. То же самое происходит и во время попытки, предпринятой год спустя. После

этого «провала» Генрих Гиммлер запишет в дневнике: «С одной стороны, мне очень горько, что меня не избрали. Но с другой стороны, это даже хорошо, так как у меня появится больше свободного времени». Но как и во многих прочих случаях, Гиммлер не оставил свою затею. Он вновь пытается заручиться поддержкой сокурсников и других студентов. Однако они не слишком охотно идут на контакт, так как находят Генриха слишком навязчивым. Впрочем, общественная жизнь для Гиммлера не ограничивалась только студенческими корпорациями. Он был активистом еще нескольких организаций, посещал концерты, танцевальные вечера. Тем не менее даже в этих действиях было видно стремление завоевать популярность среди знакомых.

Отношения Генриха Гиммлера с противоположным полом в те дни нельзя назвать успешными. В то время как у брата Гебхарда была постоянная подружка, а у лучшего друга Людвига — невеста, сам же Генрих на личном фронте продолжал пребывать в гордом одиночестве. Нельзя сказать, что он не интересовался девушками. Во время второго пребывания в Мюнхене он делает в дневниках множество записей, которые посвящены девушкам вообще и отдельным аспектам общения с противоположным полом в частности. Он восторгается даже совершенно незнакомыми ему женщинами, например пианисткой, которую видит на одном из концертов. Генрих постоянно знакомится с девушками во время различных мероприятий, но фактически никак не развивает с ними свои отношения. Во время карнавала в Мюнхене он познакомился с «милой девушкой, 19 лет, у которой детский нрав и обаяние, но все же это зрелая женщина с огнем и темпераментом, хотя и легкомысленная, но все же не настолько плохая, как она говорила сама про себя».

Если ранее с Генрихом о своих любовных приключениях и переживаниях беседовал Людвиг Цалер, то весной 1922 года его

место занял сын квартирной хозяйки Альфонс Вольф. Он был в глазах Генриха Гиммлера форменным ловеласом. В некоторых случаях он даже давал прочитать Генриху любовные письма своих подружек. Словно оправдываясь перед самим собой, Гиммлер записал в своем дневнике: «Мне весьма интересны эти вещи с психологической точки зрения. Хочу поближе познакомиться с этой сферой». Одной из подружек Альфонса была танцовщица из кабаре по прозвищу Фифи. Как-то вечером Генрих Гиммлер даже посетил ее выход. Позже он констатировал, что «Фифи является в высшей мере порядочной девушкой… Танец — это один из ее талантов, в котором она хочет обрести себя. У нее утонченный вкус. Она хорошо поддерживала разговор. Мы говорили о танцах, ее костюмах». Однако, как и в прошлом, восхищение Гиммлера быстро сменилось негодованием. Генрих был явно занят поисками идеальной девушки, утонченной и возвышенной, на эту роль могла подойти Кете Лориц, но она уже была обручена с Людвигом Цалером. Казалось бы, Генрих сама себя загонял в некие надуманные рамки. В июне 1922 года он встретил в Мюнхене свою знакомую по Инголыптадту. «Она интересуется сельским хозяйством. Прямолинейная, нередко непринужденная и действительно свеженькая барышня…. Но я не могу привязываться к ней. К этому меня обязывает мой внутренний долг».

Как бы желая подавить свои сексуальные инстинкты, Гиммлер мечтал о том, как направится офицером на войну или же переселенцем в далекие страны. Любовь он обращал в мужественные, героические образы, в которых он представал как герой-одиночка, борец, не знающий слабостей. В 1922 году эта тема проходит красной нитью почти сквозь все дневниковые записи: «У меня очень странное настроение. В ожидании будущего требуется любовь. От нее можно скрыться только за границей, на войне».

Не снискав успеха в любовных делах, Генрих Гиммлер тем не менее не намеревался отказываться от карьеры офицера. В 1922 году он пытается налаживать отношения с представителями рейхсвера. Этому способствует то обстоятельство, что в 1921 году Генриху все-таки было присвоено звание прапорщика, в связи с чем он получил соответствующий документ. Почти целый год вращения в военизированной среде и парамилитаристских организациях привели к тому, что Генрих Гиммлер смог сблизиться с силами, которые были ориентированы на вооруженную борьбу и свержение демократического правительства. На одном из мероприятий стрелкового общества «Фрайвег» состоялось судьбоносное знакомство. Оно произошло в январе 1922 года. В те дни Генрих Гиммлер записал в своем дневнике: «Вечер стрелкового союза в Арцбергском погребке. Вновь собран взвод. Присутствовали также капитан Рём и майор Ангерер. Очень любезны».

Со временем для Генриха Гиммлера личные неприятности и разочарования сменились вполне оправданным беспокойством. Он волновался по поводу сдачи экзаменов и получения диплома. Эта мысль ему буквально не давала покоя. Эти тревоги разделяли его родители, которые знали, что Генрих большую часть времени посвящал отнюдь не учебе, а совершенно иным занятиям. В каких-то случаях Гиммлер полагал, что его отец зря волновался («честолюбие пожилого человека»), но в некоторых ситуациях он прямо-таки впадал в панику. Однажды он записал в дневнике: «Когда я размышляю об экзаменах и учебе, меня охватывает страх. Все очень интересно, но катастрофически не хватает времени». Несколько недель спустя Генрих впадает в меланхолическое состояние: «Размышляю над тем, как быстро летит время. Моя прекрасная студенческая молодость прошла мимо — остается только сожалеть о ней». Однако во многом опасения Генриха Гиммлера были беспочвенными. Ему удавалось находить понимание у преподавателей и доцентов. Во

многом этому способствовало то обстоятельство, что Генрих являлся представителем студенческого совета. Общественная активность иногда приносила свои плоды. «Доктор Николас жутко предупредителен. Я смог сказать ему, что не был на лекциях. На экзамене я попросил его, чтобы спросил меня по практической части».

Как правило, для того чтобы пройти выпускные экзамены в Высшей технической школе Мюнхена, требовалось обучаться по меньшей мере шесть семестров. Тем не менее Генрих Гиммлер смог воспользоваться льготами, которые предоставлялись участникам войны. Кроме этого он смог заверить преподавательский состав, что в течение двух семестров проходил сельскохозяйственную практику. В итоге учеба Генриха Гиммлера в Высшей школе сократилась до четырех семестров. В своем заявлении, поданном в деканат, он также указывал, что в период с апреля по июль 1919 года он состоял в добровольческих корпусах, в результате чего приобрел болезнь сердца. Генриху пошли навстречу, однако во время собеседования один из профессоров заявил, что его досрочное окончание высшего учебного заведения было совершенно «незаконным».

23 марта 1922 года Генрих Гиммлер сдал последнюю часть предварительных выпускных экзаменов. Половину трудного процесса он преодолел. После окончания семестра он решил наведаться к своим новым друзьям во Фридольфинг, чтобы «подзаправиться в деревне новыми силами». В конце мая он вновь вернулся в Мюнхен, где планировал пройти последний учебный семестр. Здесь его ожидал сюрприз. Оказалось, что весной 1922 года его отец был назначен директором очень престижной Виттельсбахской гимназии. Для Генриха это означало, что он вновь оказывался под отцовским контролем. Неожиданное появление Гиммлера-старшего в Мюнхене было

связано со многими проблемами. Генрих записал в дневнике: «Внезапно прибыл в плохом настроении и огромном волнении отец. Он начал изводить меня своими упреками. Мое хорошее настроение было испорчено». Однако это был лишь единичный конфликт. На самом деле отношения между отцом и сыном были дружеские, почти доверительные. Они постоянно беседовали во время обеда, в некоторых случаях даже посещали политические мероприятия. Оба были националистами с одинаковыми взглядами на жизнь, а потому Генрих смог доверить своему отцу небольшую тайну — он был связан с полулегальными военизированными организациями.

Глава 6

Знаменосец путчистов

В 1922 году в дневнике Генриха Гиммлера все чаще и чаще появляются записи, посвященные «еврейскому вопросу». С исследовательской точки зрения является весьма интересным, в каком контексте были сделаны эти заметки. Они позволяют сделать некоторые выводы относительно мировоззрения, которого в те дни придерживался Генрих Гиммлер. В феврале он беседовал с Людвигом Цалером о «еврейском вопросе, капитализме, Стиннесе и власти денег». В марте он говорил с одним из своих однокурсников о «земельной реформе, вырождении, гомосексуализме и еврейском вопросе».

В дневниковых записях этого периода содержится упоминание о том, что Генрих Гиммлер ознакомился с книгой Хьюстона Стюарта Чемберлена «Раса и нация». Фраза о том, что данная книга понравилась Генриху, так как «написана отнюдь не с вопиющей антисемитской ненавистью», указывает на то, что он в целом был знаком с распространенным в послевоенной Германии вульгарным антисемитизмом, который сводился к оскорблениям евреев и призывам к физической расправе с ними. Опять же,

можно сделать умозаключение, что в 1922 году Гиммлер не был радикальным антисемитом, предпочитая «объективную» критику евреев. Однако именно со знакомства с работой Чемберлена он стал переходить на позиции расового учения. Подобная трансформация привела к тому, что со временем отрицательные упоминания евреев стали встречаться в дневниках Гиммлера едва ли не постоянно. В частности, он упоминал одного из своих однокурсников, «назойливого парня с ярко выраженными еврейскими чертами», или некоторые кафе, в которых «находилась исключительно еврейская публика». Бывшего школьного приятеля Вольфганга Халльгартена, который в 20-е годы стал одним из организаторов демократического студенческого движения, Гиммлер уже именует не иначе как «мальчика на побегушках у евреев» или «еврейского прохвоста». Однако в то же время на страницах дневника встречаются фразы, посвященные отдельно взятым евреям, к которым Гиммлер не выказывал никакого предвзятого или негативного отношения. Так, например, 12 января 1922 года Генрих по просьбе отца посетил одного из адвокатов: «Крайне мил и любезен. Оказывается, даже еврей может быть весьма приличным человеком». Однако уже к лету 1922 года характеристики, даваемые евреям, сначала становятся пренебрежительными, а затем и вовсе отрицательными. Одновременно с этим Гиммлер стал позиционировать себя не просто как немец, но как «ариец».

Лето 1922 года стало важной вехой в формировании Гиммлера-антисемита. Не исключено, что это было во многом связано с политизацией общественной жизни Германии. Генрих, который никогда не скрывал своих симпатий к правому лагерю, уже не мог оставаться в стороне. Однако именно летом 1922 года он стал симпатизировать не просто правой идеологии, но стал поддерживать правых радикалов. Поводом для этого стало убийство Вальтера Ратенау. Этот министр иностранных дел являлся для правых самим воплощением ненавистной им

Веймарской республики. Если не брать в расчет его политическую позицию, то он являлся постоянным объектом для антисемитских нападок, поскольку по происхождению был евреем. Убийство Ратенау не оставило в Германии никого равнодушным. Страна фактически раскололась на тех, кто поддерживал террористов, и тех, кто их осуждал. Убийство имело большие политические последствия. Например, рейхстаг 21 июля 1922 года принял Закон «О защите республики», который формально должен был облегчить предотвращение политических преступлений, но на практике позволял Берлину вмешиваться в дела земель, в частности обладавшей особыми правами Баварии. Баварское правительство отказалось признать этот Закон и 24 июля издало собственный Указ «О защите конституции республики». Конкуренция между Берлином и Мюнхеном привела к тяжелейшему государственно-управленческому кризису. Ультранационалистические организации, в первую очередь национал-социалисты, решили использовать кризис для собственных целей. Кризис стал поводом для усиления пропаганды. Баварский премьер-министр Лерхенфельд, согласившийся пойти на уступки Берлину, фактически расколол правый лагерь. Его согласились поддержать лишь умеренные консерваторы из Баварской народной партии. В оппозиции же оказались как ультраконсерваторы, так и радикальные националисты. По этой причине ошибочными являются версии многих германских историков, которые говорят о том, что радикализм Генриха Гиммлера был неким «революционным протестом» против консервативных воззрений его отца. В указанное время большинство классических консерваторов (как отец Гиммлера) были солидарны с требованиями радикалов. Версия о «конфликте отцов и детей» кажется полностью несостоятельной, если принять во внимание, что именно в 1922 году Генрих вместе с отцом посещает многие политические мероприятия. Так, например, 14 июня 1922 года они оказались на собрании «Немецкого вынужденного союза

против черного позора», которое проходило в цирке «Корона». Организация со столь странным названием выступала с обличением политики стран-победительниц. В конкретном случае поводом для протеста являлось использование туземных войск на территории оккупированной Рейнской области. Собрание закончилось несанкционированной демонстрацией. Чтобы разогнать разъяренную толпу, властям Мюнхена пришлось прибегнуть к помощи полиции. После этого Генрих Гиммлер записал в своем дневнике: «Было очень много людей. Все кричали: “Месть!” Очень впечатляюще. Но все-таки я принимал участие в более внушительных мероприятиях аналогичного характера».

На следующий день Генрих с отцом обедали в трактире. Они вновь завели разговор о политике. Генрих перечислил в дневнике темы их беседы: «Владельцы, честные люди старого уклада, воспоминания о прошлом, война, революция, еврейство, травля офицеров, советское время, избавление, современность, цены на мясо, неуклонное погружение в нужду, желание вернуть монархию, нищета, безработица, борьба, оккупация, война». Отец Гиммлера, подобно его старому знакомому Кастелю, придерживался точки зрения, что страна находилась на грани больших перемен. Генрих был свидетелем этих разговоров: «Отец говорил с доктором Кастелем, который придерживается схожих воззрений. Маленький камешек может вызвать лавину. Возможно, от великих событий нас отделяют всего лишь несколько дней».

Когда через несколько дней произошло убийство Ратенау, обстановка еще более накалилась. Генрих Гиммлер полностью поддерживал этот террористический акт: «Ратенау застрелен. Я рад. Дядя Эрнст тоже. Он [Ратенау. — А.В.] был мошенником, но очень способным человеком, в противном случае его не имело смысла убивать. Я убежден, что он был талантлив, но вот

действовал отнюдь не в интересах Германии». Однако среди знакомых семейства Гиммлеров не все придерживались такого мнения: «Фанфары. Большинство осуждает убийство. Ратенау, оказывается, — мученик! Народ ввели в заблуждение».

28 июня 1922 года Генрих Гиммлер принимал участие в демонстрации, которая проходила на Королевской площади под лозунгами «Против лжи о виновности Германии». Это мероприятие было нацелено против «диктата западных держав», которые пытались представить Германию виновной в развязывании мировой войны. Участники митинга выступали против грабительского Версальского мирного договора. Генрих был немало разочарован тем, что члены «Аполло» не решились поддержать эту акцию. Гиммлер так описывал происходившее в своем дневнике: «В нашем союзе не все ладится. А потому пошли только я и Т.Г. На Королевской площади яблоку негде упасть. 60 тысяч человек. Достойное, прекрасное мероприятие без эксцессов и необдуманных выходок… Мальчишка в форме поднял черно-бело-красное знамя. Хорошо, что это не видел капитан полиции безопасности, так как за это можно было бы получить три месяца тюрьмы. Мы пели "Стражу на Рейне", "Мушкетеров" и т. д. Было великолепно. Домой и пить чай». Иногда в дневнике Генриха Гиммлера попадались фразы, которые можно было бы назвать политическими секретами. Так, например, пять дней спустя после убийства Ратенау он писал: «Мне известны убийцы Ратенау. Организация К. Ужасно, если об этом узнает кто-то посторонний». Организация «Консул», которая возникла на базе бригады Эрхардта, осуществляла свою деятельность по всей Германии из Мюнхена, где ее негласно поддерживало баварское правительство. Ее члены постоянно бывали в тех кругах, в которых в 1922 году вращался Генрих Гиммлер. В частности, можно вести речь о стрелковом обществе «Фрайвег». Там нередко появлялся Эрнст Рём и многие другие офицеры, склонные политическому насилию и вооруженным акциям. Еще

во время пребывания у родителей в Инголыптадте Генрих Гиммлер узнал о снабжении полулегальных баварских формирований оружием. Хотя сейчас очень сложно установить, действительно ли Гиммлер знал о подготовке к покушению на Ратенау или же просто пересказал на страницах дневника слухи, которые циркулировали в «Фрайвеге».

Если говорить о взаимоотношениях Генриха Гиммлера с отцом в части политических дел, то надо остановиться на одном сюжете. В первых числах июля 1922 года Генрих по совету Гиммлера-старшего направился в санаторий к доктору Кастелю. «Я должен был собирать подписи для имперского союза “Черно-бело-красный стяг”, чтобы организовать плебисцит, который должен был легализовать использование черно-бело-красных цветов. Само собой разумеется, я получил согласие». Как видим, Гиммлер-старший не просто разделял взгляды своего сына, но всячески пытался ему помочь. Сам же Генрих Гиммлер с неимоверной активностью взялся за эту деятельность. Он обошел не только своих знакомых, однокурсников, но и членов стрелкового общества «Фрайвег», где собрал массу подписей. В тот же вечер на него обратили внимание, о чем Генрих поведал своему дневнику: «Говорил о всякой всячине с оберлейтенантом Харрахом и Обермайером. Меня предложено использовать для специальных целей». Генрих Гиммлер предчувствовал, что приближался натиск на республику, и он хотел сыграть в этих событиях важную роль.

Переход Гиммлера на радикальные позиции во многом был вызван тем, что именно в 1922 году он выяснил, что все его планы на будущее были не более чем воздушными замками. Он не мог рассчитывать на карьеру офицера, а потому решил попробовать себя на государственно-научном факультете Мюнхенского университета, куда он подал документы в мае 1922 года. Этим он как бы продлевал свою студенческую жизнь.

Гиммлер-старший был готов поддержать это решение только при одном условии — Генрих должен был заниматься исключительно наукой. Отцу было лестно, если бы его сын смог получить ученую степень. Однако оказалось, что на факультете Генриха использовали не для исследований, а для плохо оплачиваемой канцелярской работы. Прозрение пришло очень быстро. Осенью 1922 года в Германии началась стремительная инфляция, и родители не могли обеспечить учебу сразу трех сыновей. После этого Генрих утратил чувство беспечности, которое во многом характеризовало всю его прошлую жизнью. Он более не мог рассчитывать на родителей.

Стоит отметить, что осенью 1922 года Германия находилась еще не на самом дне кризиса — ее еще ожидала гиперинфляция 1923 года. Имея диплом агронома, Генрих Гиммлер должен был самостоятельно искать работу. Надо отметить, что с этой задачей он справился без лишних проблем. Он смог найти место на фабрике минеральных удобрений «Штикхофф-Ланд», которая находилась на окраине Мюнхена. На ней он проработал равно год — с сентября 1922 по сентябрь 1923 года. В это время он не ведет дневники, что для историков является весьма досадным обстоятельством, так как именно осенью 1923 года в Мюнхене произошел национал-социалистический мятеж, более известный как «пивной путч». Известно, что Гиммлер принимал в нем участие, однако многие детали так и не удалось установить.

Летом 1923 года Веймарскую республику потряс один из тяжелейших кризисов за всю немецкую историю. Французские войска, под предлогом невыплаты репараций, оккупировали Рур. Страну потрясли забастовки. Деньги обесценивались буквально каждый день. В Тюрингии и Саксонии у власти оказались социалисты, что стало поводом для формирования в этих землях вооруженных коммунистических организаций. В этих условиях в Баварии происходила консолидация националистических

организаций. В сентябре 1923 года в Мюнхене возник «Немецкий боевой союз», в который вошли штурмовые отряды Национал-социалистической партии (СА), добровольческий корпус «Оберланд» и возглавляемая Эрнстом Рёмом организация «Имперский флаг», членом которой на тот момент и являлся Генрих Гиммлер. Эрнсту Рёму, который осуществлял взаимодействие с рейхсвером, удалось поставить во главе нового объединения Адольфа Гитлера. Однако на тот момент настоящим лидером являлся генерал Людендорф, известный всей Германии как герой мировой войны.

В самой Баварии правительство прореагировало на кризис, назначив на пост «генерального комиссара» бывшего земельного премьер-министра Густава Риттера фон Карра, который фактически получил диктаторские полномочия. В сложившейся ситуации фон Карр опирался именно на союз «Имперский флаг». По этой причине Эрнст Рём решил создать новую организацию, которую назвал «Имперский боевой флаг». Среди ее первых членов был Генрих Гиммлер. Он получил членский билет № 9. В это время баварский рейхсвер фактически вышел из подчинения Берлина. Наметился очередной конфликт между немецкой столицей и Мюнхеном. Тем временем в руководстве «Немецкого боевого союза» планировали поставить во главе баварской диктатуры Гитлера и Людендорфа, после чего вооруженные соединения (по образцу марша Муссолини на Рим) должны были начать «марш на Берлин». По ходу они должны были низвергнуть социалистические правительства в Тюрингии и Саксонии, а затем захватить власть в Германии. Однако время работало отнюдь не на планы «Немецкого боевого союза». К осени Бавария, представленная триумвиратом: фон Карр, фон Лоссов и фон Зейссер, — была готова начать переговоры с берлинским правительством. Вооруженное выступление против республики было запланировано, когда эти три консервативных деятеля будут выступать на собрании в пивной

«Бюргербройкеллер». Это был единственный удобный случай. Дальнейшие события достаточно хорошо описаны в исследовательской литературе, а потому не будем вдаваться в лишние детали. 8 ноября 1923 года Гитлер в сопровождении штурмовиков захватил пивную и находившийся там триумвират, провозгласив тем самым начало «национальной революции». Поддержав на словах действия Гитлера, следующим утром триумвират скрылся из «Бюргербройкеллера». После этого рейхсверу и полиции был отдан приказ начать операцию против путчистов. Гитлер со своими штурмовиками решил захватить центр города, чтобы деблокировать здание командования военного округа, где были окружены Эрнст Рём и его сторонники из «Имперского боевого флага». Как и стоило предполагать, среди «осажденных» на Людвигштрассе был и Генрих Гиммлер.

Утром 9 ноября 1923 года жителям Мюнхена предстала странная картина: у здания командования военного округа (в прошлом военное министерство) был вывешен имперский флаг. Строение было взято в кольцо частями рейхсвера, но подступы к нему были перекрыты проволочным заграждением, которое удерживали активисты Эрнста Рёма. Рядом с вооруженными добровольцами стоял молодой прапорщик в круглых очках, которому было доверено держать символ военизированной организации — имперское боевое знамя. Это и был Генрих Гиммлер. Между тем в городе стали происходить стычки. Была расстреляна колонна, которую возглавлял Гитлер. Захват здания военного командования тоже произошел небескровно: завязалась перестрелка, и двое членов организации Рёма погибли. Однако до расстрелов и арестов дело не дошло. Командование баварского рейхсвера и руководство «Имперского боевого флага» смогли договориться о мирной сдаче здания. Эрнст Рём и его сторонники оставляли его без боя, но в обмен они хотели беспрепятственно покинуть место столкновения. Это относилось и к знаменосцу Генриху Гиммлеру. Именно после провала «пивного путча»

распалась коалиция между консерваторами и радикальными националистами, которые еще недавно планировали совместными усилиями уничтожить Веймарскую республику. Она просуществовала еще десять лет, пока не сложился очередной союз между правыми консерваторами и радикальными националистами.

Глава 7. На перепутье

После закончившегося провалом «пивного путча» жизненные перспективы Генриха Гиммлера оказались как никогда туманными. Через пять лет после окончания Первой мировой войны он так и не стал офицером. Он был безработным агрономом, который возлагал надежды на политический переворот. Путч закончился провалом, фактически не начавшись. Тем не менее Генрих Гиммлер решил связать свою судьбу с запрещенной Национал-социалистической партией. Из его дневников следует, что он продолжал выполнять некие тайные задания. Кроме этого в феврале 1924 года он навестил в тюрьме Штадельхайм Эрнста Рёма. «Мы довольно непринужденно и весело болтали… Я принес ему “Великогерманскую газету” и апельсины, что очень его обрадовало. У него все тот же отличный юмор, он остался все тем же славным капитаном Рём ом». Приблизительно в то же самое время Генрих Гиммлер перебирается от родителей в Нижнюю Баварию, которая была ему хорошо знакома с самого детства. Теперь он пробует себя в качестве национал-социалистического агитатора. Вместе с тем он предпринимает попытки реализовать себя в качестве журналиста. Для газеты «Лангквайдер Цайтунг» он пишет большую политическую статью, которую назвал «Мюнхенское письмо». Изначально он планировал, что «Мюнхенское письмо» превратится в постоянную газетную рубрику, которая предназначалась для скрывавшихся в Нижней Баварии национал-

социалистов. Гиммлер должен был не только морально поддерживать их, но и налаживать утраченные связи.

Нельзя сказать, что Гиммлер был напрочь лишен журналистского таланта. Во всяком случае его «Мюнхенское письмо» было перепечатано 24 февраля 1924 года «Роттенбургским вестником». Редакция охарактеризовала статью как «памфлет, присланный из национально ориентированных кругов». Действительно, статья была специально написана на подчеркнуто баварском диалекте от лица несуществующего депутата ландтага. В данном случае Гиммлер взял себе весьма успешный псевдоним — Хайнц Дойч. В своем материале Гиммлер-Дойч обличал самодовольного баварского обывателя, который заботился лишь о своем благополучии. При всем том «Мюнхенское письмо» заканчивалось весьма воинственным призывом: «В Германии, где сейчас полагают допустимым спекулировать лозунгами и принципами, однажды все-таки наступит день, когда распадется империя, построенная на деньгах. И страну придется восстанавливать кровью и железом, как это делал Бисмарк. И это будет наш день».

Кроме этого Гиммлер пробовал себя в роли оратора. В день, когда его статья была перепечатана в «Роттенбургском вестнике», он занимался агитацией в нижнебаварском городке Кельхайм. Он призывал жителей города отдать свои голоса за «Национал-социалистическое освободительное движение». Сохранилась запись в дневнике: «Для собрания был выбран большой зал. Он оказался полностью заполненным. Мероприятие вел доктор Руц. Он сделал паузу. Тогда заговорил я. Я говорил об угнетении трудящихся биржевым капиталом, о том, что мы должны были сами устанавливать цены на продукты, определять уровень заработной платы… Собрание стало нашим большим успехом». Вечером того же дня Гиммлеру предстояло выступать в соседнем зале: «Там было полным-полно крестьян и

коммунистов. Сначала говорил доктор Руц, затем я. Говорил исключительно о проблемах трудящихся… Наши высказывания фактически граничили с национал-большевизмом. Однако упор делался на еврейский вопрос». На следующий день Гиммлер вновь выступал перед крестьянами. На этот раз не обошлось без инцидентов. Во время выступления Гиммлера стал громко возмущаться «еврейский торговец спиртным». «Я полагаю, что скорее всего крестьяне затем прижали его к стенке». В это время Гиммлер изображает из себя самоотверженного глашатая партии: «Мы оставались в помещении с людьми до 3 часов. Очень горькой и тяжелой является эта служба народу, которого обманули и ввели в заблуждение. Нередко люди недоверчивы. Они до глубины души боятся войны и смерти».

В то время как Гиммлер практиковался в своих словесных баталиях, в Мюнхене начался процесс над путчистами. Он стартовал 26 февраля 1924 года. Много ранее Генрих Гиммлер уже допрашивался прокурорскими работниками. Они пытались установить, какую роль молодой человек играл в захвате здания командования военного округа. Однако собранных сведений явно не хватало для того, чтобы выдвинуть против Гиммлера обвинение, а затем привлечь к уголовной или административной ответственности. Во время процесса над Гитлером и его соратниками сторона защиты не раз прибегала к показаниям Гиммлера как свидетеля, но сам он категорически отказался прибыть в здание суда.

Между тем Генрих Гиммлер вновь начинает задумываться о возможной эмиграции. Еще во время учебы в Высшей технической школе Мюнхена он подружился с однокурсником, выходцем из Турции. Впервые мысль переехать в Турцию Генрих высказал в 1921 году. После этого он постоянно переписывался со своим приятелем. Тот же вернулся к себе на родину и предлагал свою помощь Гиммлеру в том, чтобы тот занял место

управляющего имением в Западной Анатолии. Не исключено, что Генрих Гиммлер серьезно отнесся к этому предложению, так как имеются сведения о том, что он собрал справки, необходимые для эмиграции. Однако он не решился на столь смелый поступок. Если говорить об «эмиграционных мечтаниях» Генриха Гиммлера, то он рассматривал возможности переезда на Кавказ, в Италию, в Персию и на Украину. Но в итоге он пришел к выводу о том, что в качестве управляющего имением ему было бы лучше остаться в Германии. Тем не менее его «аграрные перспективы» были не очень велики. В ноябре 1924 года он пытается претендовать на место в «Имперском союзе академически образованных агрономов». Однако ему были предложены совсем ничтожные должности, на которые он никак не мог согласиться.

Генрих Гиммлер не был готов смириться с тем, что все его проекты потерпели неудачу. Подобная настойчивость привела к тому, что он становится раздражительным, надменным и несговорчивым. Эти стороны своего характера он демонстрировал и раньше, но теперь они делались слишком заметными. Генрих Гиммлер дал волю своим негативным чувствам во время помолвки его брата Гебхар да. Разочарованный провалившимся путчем Гиммлер был готов излить свою злость и агрессивность на кого угодно. Впрочем, эта история началась задолго до событий ноября 1923 года. Осенью 1921 года Гебхард стал встречаться в Паулой Штельцле, дочерью банкира. Генрих с самого начала был против этой связи. На это хотя бы указывал его подарок, который он выбрал для помолвки. Это был роман Агнесс Гюнтер «Святая и ее глупец». Старания Генриха Гиммлера не были напрасными. В 1923 году отношения между влюбленными стали портиться. Гебхард упрекал Паулу в том, что она слишком вольно вела себя с другими мужчинами. По просьбе брата Генрих должен стать посредником, способствующим примирению. Однако Генрих совершенно превратно понял отведенную ему роль. Он написал письмо

Пауле, в котором сообщал, что «мужчина должен быть уверенным в своей невесте, даже если они не виделись и не встречались несколько лет, что будет нелегко в условиях приближающейся войны, когда нельзя быть неверными ни в мыслях, ни во взглядах, ни в невольных прикосновениях». Далее Генрих Гиммлер обличал Паулу, так как та «самым позорным образом» не собиралась хранить эту верность. Он заявлял, что «брат был слишком хорош для нее, но он, к сожалению, был слишком неопытен в личных делах». Паула решила не игнорировать это письмо. В ответном сообщении она рекомендовала Генриху держаться подальше от ее личной жизни.

Однако Генрих Гиммлер не мог оставить девушку в покое. Несколько месяцев спустя до Паулы дошли сведения о том, что он уговаривал родителей пойти на разрыв помолвки. Гебхард попал под влияние брата, после того как Генрих сообщил ему, что Паула не была «невинной девушкой». Когда было решено разорвать помолвку, Генрих в очередной раз оказался недовольным. На этот раз его возмущала реакция брата: «Гебхард без каких-либо проблем пошел на это. Он кажется вполне довольным. Как если бы он не имел души, и подобно пуделю стряхивал с себя пыль». Когда Паулу уведомили о расторжении помолвки, она написала письмо своему бывшему возлюбленному, в котором упрекала своего несостоявшегося жениха в том, что «он не имеет мужества противостоять Генриху». Для нее было удивительным, как «твой младший брат мог себе вообразить, что имеет право воспитывать меня на основании некого его личного жизненного опыта». Сложный характер Генриха Гиммлера, в особенности в те дни, как нельзя лучше характеризует продолжение этой истории. В марте 1924 года (то есть когда помолвка была уже официально расторгнута) Генрих нанял частного детектива, который должен был собрать сведения, порочащие Паулу. Этим он хотел содействовать

распространению неприглядных слухов про бывшую невесту своего брата.

Уже «дело Паулы» показало, что Генрих Гиммлер имел патологическую страсть к вмешательству в личные дела, собирая даже мельчайшие подробности из интимной жизни. На тот момент это были близкие ему люди. Однако обладание этим компроматом позволяло ему выглядеть в компании приятелей заносчивым и самоуверенным. В некоторых случаях Генриху удавалось произвести впечатление, когда он занимал позу героя-одиночки. В июне 1924 года Гиммлер получил письмо от своей давнишней подруги, которое та написала более полугода назад, но все никак не решалась отправить. Речь шла о Марии (Мариель) Раушмайер, дочери мюнхенского профессора, который водил дружбу с Гиммлером-старшим. К слову сказать, Мариель очень часто появлялась на страницах дневника Гиммлера. Он считал ее «весьма рассудительной, обладающей твердым характером честной девушкой, которая заслуживала самого глубочайшего почтения». Мария Раушмайер была политической единомышленницей Генриха Гиммлера. Она поддержала гитлеровский путч 1923 года и люто ненавидела Веймарскую республику. В своем письме она описывала свои чувства, когда увидела 9 ноября 1923 года Генриха Гиммлера перед зданием военного командования. Она не скрывала своего восторга. Гиммлер долгие годы хранил это письмо в своих личных бумагах.

Если обратиться к списку литературы, которую читал Генрих Гиммлер в 1923–1924 годах, то можно обнаружить, что он занимался активными поисками идеологии или мировоззрения, которое бы соответствовало его психологическому настрою. На фоне многочисленных статей по «еврейскому вопросу», расовым доктринам, критике демократии в глаза бросается ярко выраженная увлеченность Генриха Гиммлера мистикой. Он

штудирует работы по астрологии, гипнозу, «сидерической силе», телепатии, в которых он пытается найти «рациональное зерно». Тогда же он знакомится с «загадкой пирамиды Хеопса». Именно в это время Генрих начинает верить, что он в состоянии контактировать с душами умерших людей. Подобные представления возникли отнюдь не на пустом месте. Еще в 1921 году он несколько раз перечитывал книгу, в которой приводились доказательства жизни после смерти. Позже эти взгляды вылились в то, что Гиммлер, уже являвшийся рейхсфюрером СС, верил в реинкарнацию — переселение душ. Многие из прочитанных книг способствовали формированию веры, которую позже Гиммлер будет насаждать в СС. Например «Жизнь Иисуса» Эрнста Ренана использовалась им для того, чтобы опровергнуть еврейское происхождение Христа, а книга Эрнста Хекеля «Всемирная загадка» служила для критики монистической системы мира. Несмотря на то что Гиммлер постепенно отходил от католицизма, неверие, атеизм, равно как и критика доказательств существования Бога, были для него неприемлемыми и даже отвратительными.

Генрих отнюдь не сокращает чтение по «германской» тематике, но, напротив, приобретает все больше и больше книг, посвященных немецкой мифологии и сказаниям. В частности, он взахлеб читает трехтомник Вернера Яна. Это были германские саги, изложенные в форме приключенческих романов, так сказать, Карл Май для германофильской молодежи. Тогда он два раза перечитывает работу Ганса Гюнтера «Рыцарь, смерть и дьявол», которая была посвящена «героическому мышлению». После ее очередного прочтения Генрих Гиммлер лаконично записал в своем дневнике: «Книга, передавшая в мудрых словах чувства, которые я испытывал».

Лето 1924 года стало для Гиммлера не только временем формирования его новых религиозных взглядов, но и периодом,

когда он окончательно решил связать свою судьбу с национал-социализмом. Он принимает решение, что должен полностью посвятить себя политической работе, которая должна стать смыслом его жизни. Поначалу он попадает в окружение Грегора Штрассера, который в то время был одним из виднейших национал-социалистов Нижней Баварии. Несмотря на участие в «пивном путче», Штрассер не был отдан под суд, он всего лишь некоторое время провел в предварительном заключении. Еще находясь в тюрьме, в 1924 году он выставил свою кандидатуру на выборах в ландтаг. Он шел по списку «Фёлькише блока». Это была одна из организаций, в ряды которой перешли активисты запрещенной Национал-социалистической партии.

Неожиданно для всех «Фёлькише блок» набрал на выборах 17,4 % голосов. По этой причине Штрассера, уже депутата ландтага, пришлось отпустить из тюрьмы. Сразу же после этого он формирует «Национал-социалистическое освободительное движение», которое должно вместо НСДАП пойти на общегерманские выборы в рейхстаг. Грегор Штрассер был поборником идей «немецкого социализма», что отличало его от Гитлера. Штрассер был выразителем идей националистического антикапитализма, а потому изначально делал ставку на Северную Германию, где планировал создать мощную национал-социалистическую организацию. По этой причине Генрих Гиммлер, оставшийся в Нижней Баварии, был фактически предоставлен сам себе.

Оказавшись в «свободном плавании», Генрих Гиммлер пребывал в растерянности. В августе 1924 года он написал в Милан своему знакомому письмо, в котором сообщал, что должен руководить национал-социалистической организацией Нижней Баварии. Генрих не без некоторой затаенной обиды сообщал, что «его работа не принесет в ближайшее время очевидных результатов, но ее плоды появятся в течение последующих лет». Он видел в

своей деятельности «бескорыстное служение великой идее и великому делу, в котором мы не можем рассчитывать на признание». Однако условия для политической работы были не настолько плохи, как изображал в своем письме Генрих Гиммлер. «Фёлькише блок» на выборах в ландтаг, которые состоялись в декабре 1924 года, получил в Ландсхуте (именно там располагалось руководство национал-социалистов Нижней Баварии) 10 % голосов. Блок стал третьей силой, уступая по популярности лишь социал-демократами и Баварской народной партии. Сразу же надо обратить внимание на то, что в целом по Баварии национал-социалисты получили 5,1 % голосов, а на выборах в рейхстаг 3 % голосов. А стало быть, дела в Ландсхуте обстояли совсем неплохо.

Между тем в декабре 1924 года на свободу вышел Адольф Гитлер. Год спустя он заново основал Национал-социалистическую партию немецких трудящихся (НСДАП). Запрет на ее деятельность был снят только после того, как Гитлер дал гарантии своей легальной деятельности и лояльного отношения к баварскому правительству. После этого Гиммлеру, который пребывал в Ландсхуте, предстояло перетащить в НСДАП национал-социалистов, которых Грегор Штрассер собрал в своем «Национал-социалистическом освободительном движении». Однако это было не так уж просто, как могло показаться на первый взгляд. В июле 1925 года главная канцелярия НСДАП жаловалась Грегору Штрассеру, что в Мюнхен не прибыло ни одного нового формуляра на вступление в партию, ни пфеннига членских взносов. В итоге в августе 1925 года Гиммлера вызвали в Мюнхен «на ковер». Он должен был дать объяснения по поводу несостоявшегося перехода в НСДАП тысячи членов партии, которые образовывали в Нижней Баварии 25 организационных групп. Гиммлер сообщил, что «само собой разумеется» должен был вести дела не с Максом Амманом, руководителем партийного издательства. Полгода назад между

Амманом и Гиммлером уже возник конфликт. Причиной организационных проблем было отнюдь не только честолюбие Гиммлера. Конфликт между Мюнхеном и Ландсхутом мог разгореться хотя бы потому, что у Генриха Гиммлера банально не хватало времени на канцелярскую работу. Он предпочитал быть оратором, а потому не мог уложиться в отведенные ему сроки.

В итоге пересылка заявлений о вступлении в НСДАП и членских взносов затянулась на несколько месяцев. В свое оправдание Гиммлер то ли по наивности, то ли с иронией заявлял, что жители Нижней Баварии имеют врожденную антипатию к письменным заявлениям и прочим формальностям. Имелись и идеологические расхождения. Например, в Ландсхуте интересовались, почему к ним на мероприятия не прибывал Антон Дрекслер, который считался одним из учредителей Немецкой партии трудящихся, которая позже превратилась в НСДАП. Конечно же, в Нижней Баварии было известно, что Гитлер к тому времени фактически лишил Дрекслера всех постов в партии. Однако нельзя не признать, что у Гиммлера были и свои заслуги. Так, например, в Мюнхене были все-таки вынуждены признать официальное существование местной организации НСДАП в Ландсхуте, а издаваемый ею «Курьер Нижней Баварии» (тираж 4 тысячи экземпляров) был признан партийным изданием. Со временем стал «исправляться» и сам Гиммлер. Когда 2 мая 1926 года он отчитывался в Мюнхене о своей деятельности, он уже оперировал четкими цифрами.

Однако нельзя не заметить, что Генрих Гиммлер не был педантичным и усидчивым канцелярским работником, точнее говоря, партийным бюрократом, который управлял всеми делами, сидя за письменным столом. Он был действительным организатором, который непрерывно объезжал все местные группы и ячейки партии. Например, в период с ноября 1925 года по май 1926 года он принял участие в 27 мероприятиях

(митингах, собраниях, шествиях). Кроме этого он 20 раз бывал в Вестфалии, Северной Германии, Гамбурге, Шлезвиге, Мекленбурге. На тот момент его можно было считать одним из самых активнейших баварских национал-социалистов. Ко всему этому надо добавить редактирование «Курьера Нижней Баварии». Однако нельзя не отметить, что в своих выступлениях Гиммлер стал постепенно переходить от критики капитализма к антисемитским лозунгам.

9 октября 1924 года он опубликовал в партийном вестнике большую антисемитскую статью, которая была посвящена проблеме «еврейских средств массовой информации». Он укорял евреев даже за то, что «современное средство — беспроволочная телефония [радио], которая могла бы служить средством воспитания всего народа, превратилось в развлечение», которое «безусловно контролируется еврейскими коммерсантами». Некоторое время спустя Гиммлер в своих выступлениях обращается к теме масонства. Однако в мыслях он придерживается своего собственного плана. Гиммлер начинает задумываться о формировании элиты, которая должна была создаваться по образцу военной индийской касты: «Мы должны быть кшатриями! В этом наше спасение». Более того, в частных беседах Гиммлер не раз высказывает мысли, которые не были предназначены для крестьян Нижней Баварии. Он полагает, что национал-социалисты могли бы учиться у масонов делу создания «небольшой, но безупречно функционирующей организации».

Тем временем в стране начался сельскохозяйственный кризис. Многие крестьяне оказались в долгах, многие — разорялись. В этой ситуации Гиммлер решил использовать полученное образование. Он перемешивал свои агрономические знания с антисемитской риторикой. В частности, он говорил о том, что надо избавить немецких крестьян от «еврейского гнета». В качестве примера он приводил сведения о сознательном

завышении цен на минеральные удобрения, о сговоре биржевых деляг, намеревавшихся закупать у крестьян их продукцию по минимальным ценам. Написанная на эту тему статья была даже опубликована в «Национал-социалистической корреспонденции», центральном печатном органе НСДАП в Северной Германии. Это позволяет говорить о том, что по меньшей мере до осени 1925 года Гиммлер придерживался штрассеровских идей, в которых говорилось о «немецком национальном социализме» (не путать с национал-социализмом). Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что после выступлений Гиммлера в Нижней Баварии появлялись новые партийные ячейки, а в НСДАП вступали многие крестьяне. Дело дошло до того, что Гиммлера стали приглашать на выступления перед крестьянами других немецких земель. Так, например, очевидец описывал, что выступление в Вестфалии закончилось форменным триумфом.

Между тем Адольф Гитлер начал формировать вокруг себя ореол «мученика» провалившегося путча, что было одной из составных частей нового «мифа о вожде». Грегор Штрассер, полагавший себя действительным организационным руководителем НСДАП, видел в Гитлере всего лишь «полезного движению оратора». Но публикация книги «Моя борьба» несколько изменила соотношение сил. Нельзя сказать, что эта книга, написанная Гитлером, сразу же стала восприниматься как «библия нацизма». Ее читали в партийных кругах, но не более того. Генрих Гиммлер не был исключением. Сначала он прочел первый том «Моей борьбы», после чего сделал запись в дневнике: «Много горькой правды. Однако первые главы о собственной молодости откровенно слабы». Второй том «Моей борьбы» он прочитал в декабре 1927 года. И опять последовала сдержанная запись, что он согласен с некоторыми из идей Гитлера. В этих записях не было даже намека на то, что Гиммлер с каким-то восхитительным упоением читал «Мою борьбу». Более того, в то время он даже не воспринимал Гитлера в качестве фюрера.

Если рассматривать ораторскую деятельность Гиммлера в указанный период, то можно будет понять, почему ему не хватало времени на выполнение бюрократических поручений. Он бывал в своем офисе в Ландсхуте буквально набегами. Гиммлер полагал, что личный контакт с людьми был много важнее, нежели правильно заполненные бумажки. Кроме этого молодой активист не намеревался отказываться от «военной подготовки», в которой он постоянно участвовал с 1918 года. Здесь он мог рассчитывать на стрелковый и туристический союз «Телль», который был преемником в свое время распущенного добровольческого корпуса «Ландсхут». В 1926 году союз «Телль» попал в поле зрения полиции. Гиммлеру удалось съехать из офиса НСДАП, который располагался в том же здании, что и правление союза «Телль», буквально за несколько часов до того, как там начались обыски. Во время допросов Гиммлер заявил, что союз «Телль» занимался исключительно «физическим и духовным воспитанием молодежи». Однако во время обысков, которые прошли у Гиммлера и майора Малера, который, собственно, и возглавлял союз «Телль», были обнаружены документы, подтверждавшие, что члены союза использовали во время занятий пехотное оружие. Это подтвердил также лейтенант рейхсвера. Но именно после этих показаний полиция прекратила дело. Органы правопорядка предпочитали не связываться с делами, в которых был замешан рейхсвер.

Итак, предоставленному самому себе Генриху Гиммлеру исполнилось 26 лет. Он был одним из самых молодых руководителей в НСДАП. Знакомство с Грегором Штрассером приносило свои (иногда совсем неожиданные) плоды. В апреле 1926 года в Нижнюю Баварию прибыл гость из Рейнской области. Это был молодой агитатор, которого звали Йозеф Геббельс. Подобно Гиммлеру, он постоянно вел дневник. После знакомства с Генрихом Гиммлером Геббельс записал: «Был в Ландсхуте. Гиммлер — хороший парень с немалым интеллектом».

Глава 8. В партийной паутине

В сентябре 1926 года Грегор Штрассер был назначен руководителем пропаганды НСДАП. Это назначение было частью внутрипартийных перестановок, которые имели своим поводом давно зревший конфликт между «мюнхенским центром» и «левым крылом», которое было в первую очередь представлено «Рабочим сообществом северо-западных гауляйтеров НСДАП». Видные деятели «левого крыла» получили хорошие посты в партийном аппарате, что позволило Гитлеру раздробить и ослабить внутрипартийную оппозицию. Это произошло в феврале 1926 года на так называемом Бамбергском слете гауляйтеров, когда в обмен на посты они были вынуждены признать Гитлера «фюрером», которому должны были подчиняться.

Если говорить о важнейших назначениях «левых национал-социалистов», то кроме Грегора Штрассера надо упомянуть Йозефа Геббельса, провозглашенного гауляйтером Берлина, и Франца Пфеффера Заломона, который был поставлен во главе штурмовых отрядов. Сразу же после этого он стал именовать себя Францем фон Пфеффером. В указанное время Генрих Гиммлер не раз сопровождал Грегора Штрассера во время визитов в Мюнхен в качестве его заместителя. В конце января 1927 года Штрассер информировал партийное руководство о том, что официально поручил своему заместителю руководить гау Нижняя Бавария.

Указанное время можно расценивать как период усиления влияния Грегора Штрассера. Он сознательно поставил во главе штурмовых отрядов НСДАП фон Пфеффера, который полагал, что СА должны были продолжить традицию военизированных формирований времен первых лет республики. Нельзя сказать, что во главе СА оказались талантливые люди, однако они могли,

подобно Генриху Гиммлеру, работать самостоятельно, не озираясь на «мюнхенский центр». После этого Национал-социалистическая партия оказалась как бы разделенной на две части: с одной стороны находилась политическая организация, с другой стороны фактически самостоятельные штурмовые отряды. Было бы ошибкой говорить, что Гитлер был слишком огорчен подобным развитием событий. Он был доволен тем, что ему удалось сохранить за собой «титул» фюрера, а потому он в характерной для себя манере предпочитал наблюдать со стороны за борьбой между отдельными функционерами и структурами партии, что позволяло ему при определенных условиях выступать в качестве третейского судьи. В Третьем рейхе этот процесс станет повсеместным и получит название «борьбы компетенций».

Генрих Гиммлер смог расширить компетенцию своей деятельности, когда отвечавший за партийную пропаганду Грегор Штрассер был избран депутатом рейхстага. Поскольку в январе 1928 года Штрассера назначили организационным руководителем партии, Гиммлер оказался включенным в партийную иерархию. Тогда он был занят преимущественно организационными вопросами: вел переписку с местными группами НСДАП, отправлял на места пропагандистские материалы, требовал предоставления отчетов и т. д. При этом Гиммлер пытался унифицировать различные пропагандистские и агитационные мероприятия НСДАП, полностью их подчинить пропагандистскому руководству НСДАП. С этой целью он с октября 1926 года стал публиковать в партийной прессе «пронумерованные» призывы и обращения. Весной 1927 года Генрих Гиммлер подготовил брошюру «Пропаганда», в которой он давал практические советы по ведению агитации. Кроме этого ему вменялась в обязанность координация действий партийных ораторов, которые должны были согласовывать свои выступления с руководством НСДАП. Особое внимание он должен был уделять подготовке мероприятий, на которых было

запланировано выступление Гитлера. Такие собрания по-прежнему считались одним из самых действенных средств агитации.

Гиммлер пытался использовать свою работу в качестве заместителя имперского руководителя пропаганды для того, чтобы создать обширную внутрипартийную службу связи. На двух страницах написанной им брошюры он перечислял тринадцать видов сообщений, которые должны были постоянно поступать из местных организаций. Уже тогда он попытался проявить себя как жесткий руководитель: «Несоблюдение сроков предоставления информации влечет за собой дисциплинарное взыскание, а при необходимости об этом проступке может быть доложено фюреру». Какие же сведения интересовали Генриха Гиммлера? В первую очередь количество евреев, проживавших в конкретных населенных пунктах, их возраст, профессии, а также доля еврейского населения от общего количества населения. Кроме этого он хотел все знать о деятельности масонов, о наиболее «опасных противниках партии», о случаях нападения антифашистов на национал-социалистов, обо всех случаях, связанных с попытками ареста членов партии, и т. д.

Брошюра, подготовленная Генрихом Гиммлером, показывает, что, с одной стороны, он нуждался в наличии подконтрольной ему организации, а с другой стороны, он имел очевидную тягу к собиранию компромата, что, как он полагал, позволяло ему контролировать ситуацию. Однако в силу своей привычки Генрих Гиммлер решил не ограничиваться сугубо бумажной работой. Записи и пометки того времени говорят о том, что он постоянно находился в разъездах. Он колесил не только по всей Баварии, включая вверенное ему гау «Нижняя Бавария», но и по всей Германии. Когда в Тюрингии проходили выборы в ландтаг, он в январе 1927 года выступал там на митингах. В начале февраля он оказывается в Вестфалии. В апреле посещает Рур. В мае

пребывает в Мекленбурге. На обратном пути в Баварию он задерживается сначала в Потсдаме, затем в Хемнице. В июле его можно было видеть в Вене, а в середине октября в Гессене. Подобные поездки были фактически постоянными, они не прерывались никогда.

Если говорить о выступлениях Гиммлера этого периода, то в них отчетливо прослеживалась антикапиталистическая нотка, что было присуще для Грегора Штрассера и сплотившегося вокруг него «левого крыла». Например, он постоянно повторял тезис о том, что «социализм является естественной хозяйственной системой, а капитализм — противоестественной». От себя Гиммлер добавлял, что в истории «социалистические» и «капиталистические» фазы развития сменяли друг друга. В качестве «социалистических» периодов в немецкой истории он определял Крестьянские войны, эпоху Фридриха II, преобразования барона фон Штайна. Однако все эти эпохи и их достижения были подточены «капиталистическим духом». «Капитализм вновь занял трон. Теперь людей интересовало, не насколько честным был тот или иной парень, а сколько денег было у него. При этом не задаются вопросом, откуда взялись эти деньги? Все только думают, насколько мне может быть выгодным этот человек. Капитализм использовал наивысшее порождение человеческого духа — технику — для порабощения людей. Это устремляет людей к свободе, однако их свободу воли направили в русло классовой борьбы. Немецкая буржуазия до 1918 года не была в состоянии понять, за что борется социализм». В некоторых случаях Генрих Гиммлер даже не боялся сравнивать национал-социалистов и коммунистов. «У национал-социалистов и “Рот фронта” одни и те же жилы. Евреи пытались направить революцию по марксистскому пути, а потому она не была осуществлена до конца. Поэтому вопрос о революции вновь стоит на повестке дня. Сегодня как никогда сильно стремление к социализму». Впрочем, в большинстве случаев Генрих Гиммлер

смешивал между собой антикапиталистические и антисемитские лозунги. В апреле 1927 года он заявлял: «Евреи восприняли капитализм и в борьбе за собственное владычество умеют ловко противопоставлять его интернационализму. Интернационализм не имеет значения для отдельного народа, он был предназначен для порабощения трудящихся всего мира. Чтобы избежать этой печальной судьбы, имеется только один выход — объединение немецкого народа на национальной платформе во имя установления социалистического государственного режима. Эту цель способна осуществить лишь мощная национальная и социалистическая партия всех немецких трудящихся».

Между тем надо отметить, что позиции Гиммлера в имперском руководстве НСДАП были достаточно шаткими. Во время выборов в ландтаг Саксонии партия получила всего лишь 1,6 % голосов, на выборах в ландтаг Мекленбурга — 1,7 % голосов. Местные партийные функционеры предпочитали во всем винить только что занявшего свой пост заместителя имперского руководителя пропаганды, то есть Генриха Гиммлера. В январе 1927 года проходили выборы в ландтаг Тюрингии. Предварительно один из местных партийцев написал в Мюнхен: «Если предвыборная агитация будет проходить так же, как в Мекленбурге и Саксонии, то можно сразу же предположить, что итоги будут плачевными. Поэтому я прошу имперское руководство, чтобы оно делало что угодно, но на наших выборах не было той бесцельной неразберихи, как в Саксонии». Однако Генрих Гиммлер едва ли мог сделать что-то. Партия не обладала большими финансовыми средствами, кроме того, ее популярность неуклонно падала, что было вызвано так называемой стабилизацией республики. В итоге национал-социалисты в Тюрингии получили 3,5 % голосов, что можно было считать политическим провалом. Однако Генрих Гиммлер не думал отчаиваться. Он, как и всегда, хотел подойти к проблеме систематично. Он полагал, что страну надо было покрыть сетью

политических ораторов. Он даже установил некие оценки ораторского искусства: III — высокое, II — удовлетворительное, I — посредственное. Как результат, Гиммлер планировал проводить 300 митингов с участием ораторов категории I, около 70 — с категорией II и около 50 — с категорией III. Такое количество митингов и собраний Гиммлер установил для организации очередной предвыборной кампании в Мекленбурге. Однако этот план потерпел неудачу. Причина этого крылась в излишней требовательности Гиммлера. Он намеревался допустить местную организацию до выборов только в том случае, если та соответствовала неким формальным критериям. За месяц до начала предвыборной кампании Гиммлер потребовал явить ему гарантии работоспособности местной организации, что должно было выразиться в представлении 3 тысяч подписей и условного «залога» в 3 тысячи рейхсмарок. Если эти два условия не были бы выполнены своевременно, то Гиммлер угрожал не допустить мекленбургских национал-социалистов до выборов.

В гау Мекленбург — Любек были ошеломлены таким требованием. Там было решено начать предвыборную агитацию, не дожидаясь разрешения из Мюнхена. Когда же Гиммлер рекомендовал сосредоточиться на последних двух неделях перед выборами, чтобы использовать в это время все силы и ресурсы, один из местных партийцев посчитал, что это «вздор». В Мюнхен посыпались возмущенные письма. Для того чтобы все-таки получить разрешение на начало агитации, пришлось связаться с Рудольфом Гессом, заместителем Гитлера по партии. После этого Гиммлер смог объяснить Гитлеру свою позицию по данному вопросу. В ответном письме с характерным сарказмом Гиммлер сообщал в Мекленбург, что «господин Гитлер» полностью согласился с его «вздором». Однако план выборов в Мекленбурге был сорван. Из запланированных 400 мероприятий было проведено только 106.

В итоге национал-социалисты получили всего лишь 5611 голосов (1,8 %). На последовавших в феврале 1928 года выборах в Гамбурге результаты были не лучше — 2,2 % голосов. Во время выборов в рейхстаг, которые проходили 20 мая 1928 года, НСДАП получила 2,6 %. Партия могла отметить успех только в некоторых сельских районах. Между тем партийное руководство (в первую очередь под влиянием Грегора Штрассера) настаивало на том, что в городской среде надо было перетянуть избирателя у левых партий. Не стоит полагать, что провал НСДАП на выборах был итогом некой некомпетентности Генриха Гиммлера. Даже в нынешних условиях его предложения относительно ведения предвыборной агитации кажутся более чем оправданными. Более того, не исключено, что именно его заслугой был относительный успех национал-социалистов среди крестьянского населения.

Каков же был план Гиммлера? Он полагал, что время от времени во всех немецких землях надо было проводить крупные агитационные мероприятия. Во время высшей предвыборной активности надо было проводить за неделю от 70 до 200 акций. Особо надо было работать с независимой прессой. Несмотря на рациональность, план Гиммлера был все-таки схематичным. Кроме этого он явно переоценивал возможности местных партийных структур. Многие из местных групп НСДАП были слаборазвитыми, а потому им едва ли под силу было вообще что-то организовать. Кроме этого партийные структуры остро нуждались в талантливых ораторах и грамотных агитаторах. Принимая во внимание это обстоятельство, Генрих Гиммлер стал настаивать на создании специальных учебных курсов, предназначенных для подготовки пропагандистского корпуса. Он планировал, что «ораторскую школу НСДАП» возглавит тюрингский гауляйтер Фриц Рейнхард. Забегая вперед, надо отметить, что некоторое время спустя национал-социалисты возьмут на вооружение тактику «больших акций», предложенную Генрихом Гиммлером. Целенаправленная пропагандистская

обработка регионов достигнет своего пика в 1930–1932 годах, то есть накануне прихода Гитлера к власти.

Не стоит отрицать того факта, что в описываемое время Гиммлер был излишне груб и даже надменен. Его манера держаться очень сильно раздражала многих из провинциальных национал-социалистов. Одна из таких историй произошла в октябре 1928 года, когда партийная газета «Западногерманский наблюдатель» попросила предоставить «25 пунктов», то есть программу НСДАП. Дело в том, что ее надо было в особом формате напечатать на станицах газеты. Однако Генрих Гиммлер не понял просьбы. Он предположил, что в Кельне, где выпускалась указанная газета, не знали партийную программу. В итоге он прореагировал в характерной для него язвительной и даже оскорбительной манере. Он рекомендовал «почаще заглядывать в партийный билет». Недоразумение чуть было не переросло в скандал. Члены НСДАП из Кельна направили обращение к партийному руководству, в котором говорили о том, что Генрих Гиммлер не имел права оскорблять «членов партии, который принесли немалые жертвы во имя нашего движения». Письмо заканчивалось обвинением в бюрократизме. Сам же Гиммлер предпочел оправдать свою несдержанность тем, что он в свое время показал «двум господам из руководства» упоминавшееся письмо-просьбу. В то время Гиммлер почти постоянно предпочитал ссылаться либо на Гитлера, либо на кого-то из партийного руководства. Именно этим можно объяснить то, что его партийная карьера не закончилась еще в 20-е годы. Кроме того, Генрих Гиммлер имел сильного покровителя в лице Грегора Штрассера, который при необходимости и мог прикрыть ему спину. Несмотря на то что Гиммлер постепенно входил в число людей, приближенных к фюреру, он все-таки не имел никаких личных отношений с «герром Гитлером». Их встречи были единичными. Наверняка в это время Гитлер заводил свои скучные монологи. Кроме этого весьма показательным является

то обстоятельство, что уже в годы национал-социалистической диктатуры Гиммлер фактически ни разу не вспоминал об эпизодах «эпохи борьбы», которые бы связывали его с именем фюрера. В конечном счете заместитель имперского руководителя пропаганды в 1927–1928 годах был малозаметным партийным клерком, в общении с которым Гитлер предпочитал держаться на определенной дистанции.

В те годы Генрих Гиммлер воспринимался в НСДАП не столько как пропагандист, сколько как эксперт по сельскохозяйственным вопросам. Именно в этом качестве он разрабатывал подобие аграрно-политической программы национал-социалистов, которую он предпочитал называть «фёлькише крестьянской политикой». Значительную часть идей, которые были положены в основу «фёлькише крестьянской политики», Генрих Гиммлер сформулировал в процессе общения с организацией «Артаманы». Движение артаманов возникло в 1924 году. К 1927 году оно оформилось в сплоченную организацию, которая официально называлась союз «Артам». Это была молодежная фёлькише организация, которая изначально ориентировалась на помощь сельскому хозяйству в восточных землях Германии, чтобы тем самым вытеснить польское население. В большинстве своем «Артаманы» были городской молодежью, которая идеализировала общение с «землей». К концу 20-х годов в рядах союза состояло около 2 тысяч молодых людей. Они рассматривали тяжелый труд на селе в качестве добровольной трудовой повинности, которую планировали превратить в первый этап «внутренней колонизации» «немецкого Востока». Было даже предпринято несколько попыток создания собственных сельскохозяйственных поселений.

Артаманы придерживались идей «крови и почвы», на базе которых возникла специфическая расистская идеология, отличавшаяся утопическим антиурбанизмом. С самого начала

идеология артаманов была близка к национал-социалистическому мировоззрению. Многие из молодых людей были членами НСДАП. Фридрих Шмидт, являвшийся канцлером союза с 1925 по 1927 год, в середине 30-х годов стал руководителем главного управления обучения НСДАП. Его преемник на посту канцлера союза Ганс Хольфельдер также поддерживал тесные связи с национал-социалистами. Именно через него Генрих Гиммлер был связан с организацией артаманов. Их принципы весьма напоминали идеи, которые Гиммлер вынашивал в начале 20-х годов. Его не могла не привлекать ориентация на спартанский образ жизни, умеренность в употреблении спиртных напитков, отказ от курения, отказ от сексуальной распущенности, прославление германской древности. В 1928 году Гиммлер фактически стал руководителем баварских артаманов. Официально филиал союза возник здесь только в январе 1929 года, то есть несколько недель спустя после того, как Гиммлер был назначен рейхсфюрером СС. Весьма показательно, что офис баварских артаманов располагался в здании имперского руководства НСДАП (Мюнхен). Это позволяло Гиммлеру выполнять сразу же двойную работу. Однако дела союза «Артам» не занимали у него слишком много времени. Дело в том, что в Баварии эта организация была развита очень слабо, и в местном филиале числилось всего лишь 20 человек.

О конкретной деятельности Гиммлера в среде артаманов фактически не сохранилось никаких сведений. Известно лишь, что он два раза принимал участие в их общеимперских слетах. Можно предположить, что его главная задача состояла в том, чтобы наладить продуктивное общение между артаманами и национал-социалистами. Нет никаких сомнений в том, что это направление деятельности Гиммлера было санкционировано руководством партии, а отнюдь не было самодеятельностью.

Забегая несколько вперед, можно сказать, что в конце 20-х годов в союзе «Артам» обнаружились серьезные внутренние противоречия. Разгорелся конфликт между двумя крайними группировками. На одной стороне находились умеренные «бюндише», которые хотели сделать акцент на работе с молодежью, на другой стороне — «фёлькише», которые выступали за подчинение союза НСДАП. Гиммлер, естественно, поддерживал вторую группу. 21 декабря 1929 года умеренное крыло союза попыталось сместить руководство организации, которое было ориентировано на национал-социалистов. Переворот удался. Фридрих Шмидт незамедлительно информировал об этом Генриха Гиммлера, призвав его исключить «мятежников» из членов НСДАП. Однако Гиммлер не спешил с действиями — он решил выжидать. После раскола радикальное крыло создало объединение «Артаманы», которое продолжило поддерживать связи с НСДАП. Именно в этой новой организации Гиммлер познакомился с Рихардом Вальтером Дарре, официальным создателем идеологии «крови и почвы», которому в 1930 году было предложено возглавить аграрно-политический аппарат НСДАП. В качестве ответного шага Дарре попытался влить всех артаманов в НСДАП.

Аграрно-политическая деятельность Гиммлера в конце 20-х годов не ограничивалась контактами с артаманами и сочинением собственной идеологии. Некоторое время он редактировал еженедельную газету «Крестьянский башмак», которая имела подзаголовок: «Боевой вестник пробуждающегося крестьянства». Первый номер этого издания увидел свет 2 мая 1929 года. В нем Гиммлер разъяснял читателю, почему газета носила такое странное (на первый взгляд) название. Башмак использовался в качестве символа тайными организациями во время Крестьянской войны. Сама же газета состояла наполовину из практических советов, которые могли помочь крестьянам, а наполовину из

политических статей, антисемитских призывов и объявлений, которые давали артаманы.

Глава 9. Генрих и Марга

В 1927 году состоялось знакомство, которое многое изменило в жизни Генриха Гиммлера.

Он встретил Маргарету Зигрот, которая в будущем стала его женой. В своем карманном календарике Гиммлер жирно обвел дату 12 сентября. Возможно, это был день, когда он впервые увидел Маргарету. Если исходить из этой версии, то их знакомство произошло в баварском городке Зульцбах, где Генрих Гиммлер в тот день выступал в одной из своих пропагандистских речей. Впрочем, Катрин Гиммлер рассказывает несколько иную версию этого знакомства. Она полагает, что это произошло в декабре 1926 года на курорте Райханхалл. Тогда Генрих Гиммлер попал под проливной дождь, от которого решил спрятаться в ближайшей гостинице. В центральном зале он настолько сильно взмахнул промокшей охотничьей шляпой, что обрызгал рядом стоявшую женщину. Это и была Маргарета Зигрот, которая прибыла в этот городок на отдых.

Катрин Гиммлер описывает ее как красивую женщину, с голубыми глазами и изумительными длинными светлыми волосами. Однако при изучении фотографий, на которых была запечатлена Маргарета, едва ли можно найти признаки не только красоты, но и миловидности. Если принимать в расчет, насколько требовательно Гиммлер относился к «женскому идеалу», то его выбор не может не изумлять. Маргарета была обыкновенной медицинской сестрой. Маргарет Зигрот (в девичестве Боден) выросла в семье, где кроме нее воспитывались еще четыре брата и сестры. Ее семья происходила родом из Померании. В годы Первой мировой войны она устроилась медицинской сестрой в военный госпиталь, что стало ее основной профессией. Со

временем она пустила часть полученного ею отцовского наследства на то, чтобы создать свою небольшую медицинскую клинику. Однако ее содержание оказалось делом хлопотным. После развода, который почти сразу же последовал за ее первым неудачным браком, она едва сводила концы с концами. Генрих не сразу решился рассказать родителям о своих отношениях с Маргаретой. Во-первых, она была разведена. Во-вторых, она была на семь лет его старше. В-третьих, она была пруссачкой евангелического вероисповедания, что едва ли могло привести в восторг католиков-баварцев. Первым о любовной связи Генриха узнал его брат Гебхард. В то время братья полностью доверяли друг другу. Сам Генрих заявил как-то ему, что «лучше зашел бы в зал, набитый тысячей коммунистов, чем поделился бы этой тайной с родителями».

Сохранились письма, которые Маргарета писала Генриху. Исследователи не смогли обнаружить ответных писем, однако из этого вовсе не следует, что их не было вовсе. Для писем, полученных от Маргареты, Генрих завел специальный список, в котором с привычной аккуратностью отмечал день и час, когда оно было доставлено. Из этих сообщений следовало, что Гиммлер регулярно посылал в своих письмах газетные вырезки, в которых сообщалось о его поездках по стране и выступлениях. Маргарета же могла только выражать обеспокоенность напряженным графиком работы и связанными с ней трудностями. Она не раз справлялась о здоровье Генриха Гиммлера.

К ноябрю 1927 года переписка приобретает достаточно личный характер. В одном из своих посланий Генрих делал намек, что был разочарован последним письмом Маргареты. Та же отвечала: «Я полагаю, Вы заметили, что получили два письма за такое короткое время?» Судя по всему, Марга, как звали знакомые эту молодую женщину, не понимала, чем было вызвано «разочарование». Она неоднократно пыталась добиться ответа,

но Генрих Гиммлер предпочитал обходить стороной этот вопрос. Уже с первых писем становилось ясно, что Маргарета была женщиной, разочарованной жизнью. Она писала Генриху: «Во всех Ваших письмах неизменно говорится о “недоверии” с моей стороны. Да, действительно мне приходится быть такой. Я утратила веру в людей, в первую очередь в честность и откровенность мужчины по отношению к женщине. Наивно верить — это много хуже, чем быть недоверчивой. Я просто боюсь поверить в правдивость слов». Однако она не возражала продолжить знакомство, для чего было назначено подобие свидания, которое должно было происходить в Берлине. Встреча произошла в декабре 1927 года, как уже говорилось, в Берлине. Генрих Гиммлер устал изображал из себя неприступность и саму мужскую добродетель. В любом случае именно после встречи в Берлине Маргарета Зигрот стала обращаться в письмах к Генриху Гиммлеру на «ты». Более того, фривольными стали и сами обращения. Нередко употреблялась фраза: «мой дорогой упрямец». В итоге женщина все-таки поинтересовалась, как она должна была звать Гиммлера в своей личной переписке. Тот предложил назвать его уменьшительным именем — Хайни. В ответ задавался лукавый вопрос: «Так обычно зовут мальчишек. Но ты уже большой. Или дела обстоят иначе?»

В общении с Маргаретой Генрих Гиммлер по привычке предпочел занять героическую позу. Как следовало из ее писем, он в первых же строках стал характеризовать себя как «ландскнехта» («Мы, ландскнехты, должны оставаться одинокими и быть выше законов»). Однако «ландскнехт» не стеснялся в переписке признаваться в собственных слабостях. Например, Гиммлер очень сожалел, что продолжал проявлять «податливость» в отношении родителей. В ответ Маргарета успокаивала, что при характере Генриха нельзя было сразу же измениться таким образом, чтобы это стало заметно абсолютно всем.

Может возникнуть логичный вопрос, что связывало между собой Генриха Гиммлера и Маргарету? Они происходили из разных кругов, принадлежали к разным социальным слоям. Оказывается, общим у них был интерес к лекарственным травам и гомеопатии. И Генрих, и Маргарета мечтали обладать небольшим земельным участком, на котором бы они разводили кур, овощи и выращивали лекарственные растения. Кроме этого они оба любили загадки, шарады, кроссворды, которые уже в те времена стали печататься отдельными брошюрами. Во время коротких встреч это было их любым средством от скуки. Маргарета за неделю до свиданий просила Генриха, чтобы тот запасся книжками с загадками, чтобы «им было чем заняться». Уже одна эта фраза указывает на то, что продолжительное время отношения Генриха и Маргареты носили преимущественно платонический характер. Со временем Гиммлер стал давать своей приятельнице книги, которые были посвящены разоблачению «масонского заговора». Затем последовала литература по «еврейскому вопросу».

Постепенно в переписке Генриха и Маргареты стали мелькать политические темы.

Например, Гиммлер не раз выражал свое яростное неприятие крупных городов, которые он полагал «погибелью нации». Маргарета пыталась с мягкой иронией устранить эти опасения: «Ты не должен бояться “больших городов”, доверь мне заботу о тебе, чтобы я могла тебя защитить». Нередко Маргарета интересовалась болями в желудке, которые во второй половине 20-х годов беспокоили Гиммлера едва ли не постоянно. Как можно было установить из писем Маргареты, Гиммлер полагал, что его проблемы с желудком имели психосоматический характер. Он считал, что боли являлись результатом его неимоверных усилий по сохранению самоконтроля и соблюдению самодисциплины. Кроме этого не исключено, что

Гиммлер был явно недоволен своей внешностью. На это указывают слова, которые Маргарета написала в одном из писем. Она комментировала одну из присланных фотографий: «Зачем ты прикрыл лицо рукой? Надо ли тебе скрывать свой подбородок?» Действительно, слабо выраженный подбородок мало соответствовал образу «героического солдата».

Надо отметить, что и Генрих, и Маргарета долгое время сомневались в искренности своих отношений. Женщина не раз интересовалась, не считал ли Генрих их отношения обузой, не сомневался ли он в том, что ее любовь была столь же сильной, как и его к ней. «Моя любовь не должна быть для тебя бременем. Она никогда не будет навязчивой. Но ты еще не достиг того состояния, чтобы честно говорить со мной. Ты не отвечаешь мне, когда я спрашиваю, что ты чувствуешь в глубине души». Не исключено, что Маргарета опасалась, что писала Генриху слишком много писем. По большому счету любовные отношения Маргареты и Генриха Гиммлера развивались очень сложно. Она писала: «Я не могу представить себе любовь без горя и печали… Ты не знаешь, насколько я печальна сейчас… Ты сомневаешься в моей любви? Я могу тебя смело заверить, что ни одна женщина не будет любить тебя так сильно, как люблю я».

В конце 1927 года Генрих Гиммлер направился в родительский дом, чтобы провести там все праздники. С отцом он в основном беседовал о тактике уличной борьбы. Маргарета, которая хотя и была немецкой националисткой, но все-таки не разделяла радикальных идей Гиммлера. «Почему ты постоянно кровожадно хватаешься за нож? — спрашивала она, подразумевая стремление Гиммлера к энергичным действиям. — Тебе стоит быть более консервативным». Кроме этого Маргарета полагала, что Национал-социалистическая партия использовала Генриха, не давая ему ничего взамен. «Я не могу понять, как можно настолько беспрекословно подчиняться партии, что в итоге не

иметь времени, чтобы написать небольшое письмо. Эти господа не имеют права столь жестко тебя эксплуатировать. Они, наверное, больше спят и меньше работают. Это рискует закончиться тем, что ты будешь больным и уставшим». Не исключено, что Гиммлер, который не решался развивать свои отношения с Маргаретой, нередко «прикрывался» служебными делами, чтобы избежать некоторых из свиданий. В первые месяцы 1928 года они встречались всего лишь несколько раз: в январе — в Баварии, в феврале — в Берлине, затем в апреле — вновь в Берлине, в мае — в Мюнхене. Маргарета не раз пыталась беседовать о возможной совместной жизни, но Генрих Гиммлер не мог сказать ничего определенного.

По мере того как более очевидными становились общие планы на будущее, тем меньше значения Маргарета придавала своему независимому существованию в качестве руководительницы медицинской клиники. Она в своих письмах сообщала Генриху, что расставание с клиникой, в которой она провела четыре года, произойдет легко, так как в ней она постоянно сталкивалась с «людской подлостью», а потому все воспоминания, связанные с этим заведением, вызывают у нее досаду. Однако в этих условиях Маргарета опасалась, что она окажется совершенно одна в незнакомой ей местности. Гиммлер же не всегда шел на ее поводу. Так, например, буквально накануне свадьбы не раз вспыхивали горячие споры, где должна была состояться свадьба: в Берлине или в Мюнхене. Кроме этого Маргарета решительно отказалась от свадебного путешествия. Она не сразу согласилась на продажу своей клиники. А после этого отвергала идею о приобретении собственного дома в окрестностях Мюнхена. Она ни в коем случае не хотела быть домохозяйкой. В одном из писем она сообщала: «Ты собираешься превратиться в мещанина. Я тебе этого не позволю. Если ты хочешь готовить на кухне, то тебе придется взять на себя все женские домашние хлопоты».

Подобная перемена социальных ролей никак не могла устроить Генриха Гиммлера.

Письма, которые писала Маргарета, были наполнены множеством сомнений относительно того, что у нее с Генрихом может быть общее будущее. Как-то она сообщила, что ее приятельница отговаривала выходить замуж за мужичину, который был моложе на семь лет.

По этой причине она настаивала на том, что жених должен был смириться с тем, что он вскоре расстанется со свободной холостяцкой жизнью: «В театре и в кино ты был жаждущим развлечений человеком. Однако у тебя будет любимая, а потому все эти развлечения должны стать редкими». После этого Гиммлер направил ответное письмо, в котором попросил составить список всех пожеланий и требований. Это немало рассердило Маргарету. Она возмущенно писала: «Больше никогда не пиши: во-первых, во-вторых, в-третьих. Ты ведешь себя как чиновник». Однако настоящий страх Маргарета испытывала перед предстоящим знакомством с родителями Генриха. Этот страх превратился в форменную фобию, панический ужас. Это указывает на то, что Маргарета очень трудно сходилась с незнакомыми ей людьми.

Самое вероятное в феврале 1928 года Генрих Гиммлер и Маргарета приняли решение сочетаться браком. Она все-таки решилась продать свою клинику. В итоге она договорилась о цене в 12 тысяч рейхсмарок, что было не очень большой суммой. Находясь под влиянием антисемитских идей, она написала: «Ох уж этот Хаушильдт! Еврей останется евреем. Но другие не лучше — все они одним миром мазаны». Гиммлер же рассказал родителям о своем намерении жениться приблизительно весной 1928 года. Однако он решил до поры до времени опустить некоторые детали из биографии своей невесты. По этой причине

можно было отметить изменение отношения к предстоящему браку матери Генриха Гиммлера. В апреле 1928 года она пишет своему сыну, что искренне желает ему «найти спутницу жизни, которая будет делить с ним радости и горе». После этого был выбран день для знакомства с невестой. При этом непременно должен был присутствовать отец. Надо сказать, что, несмотря на то что во время встречи не было сказано ни одного резкого слова, опасения Маргареты не были беспочвенными. Некоторое время спустя Генрих получил от своей матери письмо, в котором она не скрывала своего ужаса: невестой ее сына была немолодая и разведенная лютеранка! Это было нарушением всех правил и приличий, которых придерживались в семье Гиммлеров. Впрочем, отец Генриха Гиммлера был более сдержанным в своих реакциях. В итоге оба родителя решили принять Маргарету как можно более любезно. Когда та в мае 1928 года жила в Мюнхене, они непременно хотели, чтобы она гостила в родительском доме. Сама же Маргарета весьма неохотно приняла это предложение.

После того как родители смирились с выбором Генриха, они стали подыскивать для него подходящий дом. Отец регулярно направлял своему сыну вырезки из газет, в которых сообщалось о продаже домов. В итоге было приобретено деревянное здание в Вальдтрудеринге. Это местечко можно было назвать восточной окраиной Мюнхена. Все заботы по обустройству дома, закупке мебели были переложены на плечи Генриха Гиммлера, так как Маргарета до самой свадьбы продолжала работать в Берлине. Генрих же впервые за многие годы, что он пребывал в бедственном положении, почувствовал вкус к «хорошей жизни». Маргарета в те дни весьма беспокоилась, что ее «приданое» рисковало слишком быстро закончиться. «Я не знаю, как мы будем все это оплачивать. Я прошу, чтобы ты больше ничего не покупал», — писала она 27 июня 1928 года, буквально накануне свадьбы.

Несмотря на то что домик был куплен в окрестностях Мюнхена, свадьба состоялась 3 июля 1928 года в Берлине. ЗАГС располагался в непосредственной близости от дома отца Маргареты. На свадьбе было очень мало гостей. Со стороны невесты присутствовали ее отец и брат. Со стороны жениха вообще никого не было. На свадьбу планировал в качестве единственного гостя от семейства Гиммлеров прибыть младший брат Эрнст, однако он не смог выбраться в Берлин, так как сдавал экзамены на инженера. Одиннадцать лет спустя Генриха Гиммлера сделают почетным жителем местечка Цеп ерник, где и жила семья невесты. После свадьбы Генрих уговаривает свою супругу вступить в НСДАП. Они перебираются в Вальдтрудеринг, где пытаются разводить кур. Однако дела идут не очень хорошо. Кроме этого Генрих постоянно находится в политических командировках, а потому все хозяйство ведет Маргарета. Изредка к ней приезжает Эрнст Гиммлер, который привозит газеты и брошюры с загадками. Маргарета с трудом может смириться с одиночеством.

8 августа 1929 года у Маргареты и Генриха Гиммлеров родилась дочь. Ее решили крестить по лютеранскому обряду, а потому дали ярко выраженое «нордическое» имя — Гудрун. Однако роды происходили очень тяжело. А потому Маргарета провела почти месяц в специальной клинике. Когда мать и дитя прибыли домой, Гиммлер попытался сделать все возможное, чтобы им было как можно комфортнее. Впрочем, вскоре после этого он вновь пустился в политические разъезды. Самочувствием внучки постоянно интересовался Гиммлер-старший, который, собственно, и дал ей прозвище “Куколка”, которое почти на всю жизнь закрепилось за Гудрун Гиммлер. После рождения ребенка Маргарета фактически не могла заниматься хозяйством, а потому рассчитывать приходилось только на зарплату Генриха Гиммлера, которую он получал в качестве партийного функционера НСДАП.

Глава 10. Новое назначение

Для Генриха Гиммлера 1927 год был богат событиями, которые в дальнейшем предопределили его судьбу. С одной стороны, он знакомится со своей будущей женой. С другой стороны, он вдобавок ко всем своим должностям в октябре 1927 года был назначен заместителем рейхсфюрера СС. На тот момент СС (охранные отряды НСДАП) были еще мало кому известны. Это была немногочисленная группа партийных активистов, которые в первую очередь отвечали за охрану крупных мероприятий и безопасность во время появления на публике видных партийных деятелей. Может возникнуть вопрос: почему агитатор и специалист по аграрной идеологии Генрих Гиммлер был назначен заместителем руководителя военизированной организации? Дело в том, что деятельность Гиммлера в качестве заместителя имперского руководителя пропаганды была почти постоянно связана с планированием крупных агитационных мероприятий. Он в том числе отвечал за организацию их безопасности. Получается, что волей-неволей Гиммлер был связан с деятельностью специальных подразделений Национал-социалистической партии. Его назначение на пост заместителя рейхсфюрера СС (главой СС тогда был Эрхард Хайден) было всего лишь официальным подтверждением уже сложившейся ситуации. Не стоит забывать, что Гиммлер и до этого времени был связан с деятельностью СС. Например, он с 1926 года руководил отрядом эсэсовцев, который действовал на территории Нижней Баварии. По большому счету новое назначение не давало никаких привилегий — СС были крошечным формированием. Их основа была заложена в 1925 году. Именно тогда Адольф Гитлер поручил своему старому знакомому и личному телохранителю Юлиусу Шреку создать подобие личной гвардии — «штабной караул», который несколькими неделями позже был переименован в «охранные отряды». Попытки создать нечто аналогичное предпринимались еще до «пивного путча». В марте

1923 года Гитлер уже сформировал «штабную охрану», на базе которой позже возникла «ударная группа Адольф Гитлер». Почти все члены возникших в 1925 году СС в свое время входили в состав этой «ударной группы».

Созданные СС даже в стилистическом отношении продолжили традиции «ударной группы Адольф Гитлер», хотя по большому счету и не являлись ее преемниками. В качестве униформы «ударники» использовали серые армейские куртки, черные лыжные шапочки, к которым крепили популярный среди фрайкоровцев символ — череп с костьми («Адамова голова» или «мертвая голова»). Кроме этого они носили повязки, несколько отличавшиеся от партийных. По красному полю с белым кругом и свастикой с двух сторон шла черная окантовка. При создании СС было решено воспользоваться прошлой традицией. Эсэсовцы носили традиционную для национал-социалистов коричневую рубашку, черное кепи с «мертвой головой» и черно-бело-красной кокардой, черные галифе.

В сентябре 1925 года Юлиус Шрек разослал во все гау и самостоятельные группы НСДАП циркуляр, в котором призывал сформировать «охранные отряды». При этом подчеркивалось, что СС отнюдь не являлись «ни военизированной организацией, ни кучкой попутчиков, но небольшим формированием, составленным из мужчин, на которых бы могло положиться наше движение и наш фюрер». В СС планировалось набирать членов партии в возрасте от 25 до 35 лет «крепкого телосложения». «Они должны быть людьми, о которых говорится в старой поговорке: один за всех и все за одного». По большому счету СС никогда не являлись и не могли являться неким подразделением штурмовых отрядов. Дело было даже не в различном подчинении и не в различных установках, критериях отбора и т. д. Когда формировались «охранные отряды», у НСДАП просто-напросто

официально не было штурмовых отрядов. Они будут воссозданы по решению Гитлера годом позже.

Между тем в апреле 1926 года из австрийской эмиграции вернулся прошлый командир «ударников» Берхтольд. Именно ему Шрек поручил командовать создававшимися СС. Причина того, что Шрек отошел от этого проекта, крылась в широко распространенном среди партийцев предубеждении к нему. В одном из писем, адресованных Гитлеру, сообщалось: «Шрек не обладал ни талантами руководителя, ни организаторскими способностями. В его распоряжении нет ни одного человека, которые бы могли гарантировать, что СС станут элитным подразделением движения». Сразу же оговоримся — попытка превратить СС в партийную элиту была предпринята впервые отнюдь не Генрихом Гиммлером. Об этом начал говорить в 1926 году Йозеф Берхтольд. В рассылаемых циркулярах он писал о том, что СС «должны были сплотить лучшие и активнейшие силы нашего движения». Он сознательно предлагал не гнаться за численностью СС, но делать ставку на личные качества каждого из членов «охранных отрядов». То, что новое партийное формирование должно было иметь особое предназначение, стало ясно многим уже в 1926 году, когда Гитлер передал Берхтольду «знамя крови», полотнище, «которое было обагрено 9 ноября 1923 года кровью мучеников». Однако Берхтольд не смог проводить самостоятельную политику, в итоге подчинившись командованию СА во главе с Францем фон Пфеффером. В марте 1927 года на посту рейхсфюрера СС его сменил Эрхард Хайден, чьим заместителем и стал Генрих Гиммлер.

О деятельности Гиммлера именно в качестве заместителя рейхсфюрера СС известно не очень много. Однако из документов следует, что он с самого начала предпочел не довольствоваться заданием по использованию СС для охраны мероприятий, а всячески изменить внутреннюю структуру СС. Сразу же после

вступления в новую должность Генрих Гиммлер разослал по СС свой «приказ № 1», в котором обязывал все «охранные отряды» вовремя платить членские взносы, а также регулярно сообщать ему обо всем происходившем в партии, а также о деятельности противников, «обращая особое внимание на масонов и еврейских руководителей». В очередной раз Гиммлер предпринимал попытку создать подобие «разведывательной службы», что в свое время ему не удалось сделать внутри сугубо партийных структур. В дальнейшем Гиммлер стал редактировать выходивший еженедельно печатный вестник, который назывался «СС-служба». С его страниц он призывал служащих СС держаться особняком во время всех внутрипартийных дискуссий и споров, не принимать участия в сомнительных мероприятиях. Кроме этого Гиммлер стал настаивать на введении для СС единообразной униформы. Когда он присутствовал на партийном съезде 1927 года, ему бросилось в глаза, что большинство эсэсовцев самостоятельно подбирали себе черные галифе, черные кепи, а «мертвые головы» были самых разных образцов.

В январе 1929 года Гитлер решил освободить Хайдена от должности рейхсфюрера СС. Его преемником стал Генрих Гиммлер. До настоящего времени точно неизвестно, почему было решено убрать Хайдена (официальная версия — «по семейным обстоятельствам»), а на его место поставить Генриха Гиммлера. В любом случае даже в этих условиях Гиммлер продолжал числиться заместителем имперского руководителя пропаганды. Должность рейхсфюрера СС он занимал, так сказать, по совместительству. Не менее сложно сказать, какова была реальная численность «охранных отрядов», когда Гиммлер стал рейхсфюрером СС. Опираться на сведения, которые годами позже давал сам Гиммлер, нельзя — они очень сильно колеблются. В разное время он говорил о 260, 280, 290 и 300 членах СС. В издаваемых «Направляющих тетрадях СС» (своего рода журнал, предназначенный для мировоззренческого

воспитания) он говорил о 270 членах. Не исключено, что Гиммлер сознательно занижал численность СС, чтобы выставить себя в более выгодном свете. Мол, именно при нем численность «охранных отрядов» стала стремительно расти. В любом случае в полицейском отчете, который датирован 23 мая 1929 года, говорилось о 1402 эсэсовцах. Во внутреннем циркуляре руководства СА от 4 мая 1929 года сообщалось, что в СС и «примыкающих к ним структурах» состоит 748 человек, которые были организованы по принципу «десяток». Маловероятно, что Генриху Гиммлеру удалось за несколько месяцев в несколько раз увеличить численность организации. Версия о заниженной численности кажется оправданной, если принимать во внимание, что первые мероприятия нового рейхсфюрера СС были направлены отнюдь не на увеличение численности СС, а на сплочение организации.

Съезд Национал-социалистической партии, который традиционно происходил в Нюрнберге, стал для рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера первым серьезным испытанием. Несмотря на то что съезд проходил в августе, уже 6 июля Гиммлер разослал приказ — каждый служащий СС должен был принять участие в этом мероприятии. Во время апогея партийного съезда эсэсовцы должны были пройти перед Гитлером стройной колонной. Гиммлер не хотел полагаться на волю случая, а потому заранее решил отработать все мельчайшие детали. Он лично решил отвечать за то, чтобы каждый из членов «охранных отрядов» взял с собой щетки для сапог и для униформы. Перед парадом он рекомендовал своим подопечным выспаться и на всякий случай временно ввел в СС «сухой закон», хотя во время партийного съезда и без того не продавались спиртные напитки. В Нюрнберг эсэсовцы должны были прибывать по четкому расписанию. Гиммлер пытался регламентировать буквально все, включая продукты, которые эсэсовцам разрешалось есть во время пути. Эсэсовский марш произвел ожидаемое впечатление. Эффект от

этого действа усилился, так как он был совмещен с вручением СС знамен, которые тогда предназначались для первых десяти эсэсовских штурмов (формирование, приблизительно равное роте). После окончания съезда эсэсовцы промаршировали по Нюрнбергу колонной, во главе которой шел Генрих Гиммлер.

Вскоре выяснилось, что у нового рейхсфюрера СС фактически не оставалось времени на ведение агитационной работы. Он почти не появлялся в имперском руководстве пропаганды. Тем временем в 1929 году Гитлер предложил возглавить это партийное ведомство Йозефу Геббельсу. Он должен был сменить на посту имперского руководителя пропаганды Грегора Штрассера. К тому времени Геббельс, являвшийся гауляйтером Берлина, выработал специфический, но вместе с тем весьма эффективный стиль пропаганды. Однако Геббельс опасался интриг Отто Штрассера (брат Грегора Штрассера — один из лидеров «левого крыла»), В адрес Геббельса уже не раз летели обвинения, что он продался «мюнхенским толстосумам». Однако желание занять столь высокий пост взяло верх. В данном случае Геббельс решил посоветоваться с потенциальным подчиненным, а именно Генрихом Гиммлером, которого пока никто не выводил из состава имперского руководства пропаганды. Темой обсуждения было возможное низложение Грегора Штрассера и взаимное сотрудничество. После беседы Геббельс на страницах своего дневника дал вполне положительную характеристику Гиммлеру. «Я заложил основы нашего будущего сотрудничества с ним в области пропаганды. Небольшой худой мужчина. Добродушный, даже, наверное, колеблющийся». В течение последующих месяцев Гиммлер информировал Геббельса о всевозможных курьезах в работе «мюнхенского руководства». В марте 1930 года Гиммлеру удалось все-таки уговорить Геббельса возглавить имперское руководство пропаганды. Геббельс же ожидал официального приглашения из Мюнхена.

В партийную столицу «малютка-доктор» (так за глаза многие звали Геббельса) решился приехать в апреле 1930 года. С этого момента пропагандистское руководство делилось на два управления. 1-м управлением была школа ораторского искусства Фрица Рейнхарда. 2-е отделение подчинялось непосредственно Йозефу Геббельсу. Тот записал в дневнике:

«Вечером состоялось совещание с моим новым секретарем Гиммлером. Мы очень быстро сошлись. Он не особо умен, но весьма усерден». Однако на притирку двум партийным функционерам фактически не оставалось времени. Приближался сентябрь 1930 года, когда должны были состояться очередные выборы в рейхстаг. Их сотрудничество продлилось недолго. К концу июля 1930 года Геббельсу стало ясно, что ему надо искать нового заместителя. В итоге сенсационный прорыв НСДАП на политическом ландшафте Германии формально произошел без участия Гиммлера. На выборах в рейхстаг национал-социалисты получили 18,3 %. Впрочем, у всех минусов были свои плюсы. Гиммлер смог выйти из тени своего начальства, где он пребывал долгие годы. Именно с этого времени он становится заметной политической фигурой. Несмотря на то что Гиммлер почти 15 лет кряду (1930–1945) являлся депутатом рейхстага, он ни разу не выступал там. Однако наличие депутатского мандата позволило ему беспрепятственно ездить по всей стране. Кроме этого Гиммлер смог избавиться от финансовых трудностей, которые беспокоили его уже не один год. Он решил сконцентрироваться исключительно на своем новом поручении. С этого момента он был рейхсфюрером СС, и только рейхсфюрером СС.

Но прежде чем Гиммлер смог насладиться своим политическим успехом, ему и его СС пришлось пройти проверку на прочность. Это было связано с тем, что незадолго до выборов в рейхстаг НСДАП потряс один из тяжелейших кризисов, отголоски которого можно было наблюдать еще несколько лет. Дело в том,

что наружу вырвался давно зревший конфликт между СА и политической организацией НСДАП. Именно накануне выборов командующий СА на Востоке Германии Вальтер Штеннес в ультимативной форме потребовал включить в партийные списки представителей штурмовых отрядов. Когда это требование не было удовлетворено, Франц фон Пфеффер решил покинуть пост командующего С А. Произошло это 12 августа 1930 года. Штурмовые отряды остались фактически бесконтрольными. В этих условиях Штеннес заявил, что прекращает охрану всех партийных мероприятий. 30 августа штурмовики захватили берлинскую канцелярию НСДАП. Завязалась драка с охранявшими ее эсэсовцами. Нападение удалось отбить только при помощи прибывших нарядов полиции. Гитлер понял, что надо было хотя бы формально пойти на компромисс. Он прибывает в Берлин и произносит перед штурмовиками речь, в которой обещает, что лично возглавит и СА, и СС. Однако конфликт начал быстро распространяться по стране. Мятеж штурмовиков вспыхнул в Аугсбурге. Туда в срочном порядке прибыли Гиммлер и Зепп Дитрих, которым удалось отстоять местный партийный офис. В течение последующих месяцев аналогичные события произошли в Ханау и в Дахау. И опять партийное руководство от штурмовиков приходилось защищать эсэсовцам. Среди эсэсовцев и рядовых членов партии стали распространяться слухи о том, что «верных и честных штурмовиков» к неповиновению подстрекало «продажное и одержимое жаждой власти руководство штурмовых отрядов». Даже в 1943 году Гитлер продолжал внушать своему окружению, что штурмовики не были чем-то разочарованы, «разочарованными были герр Пфеффер и его камарилья». Первый путч Вальтера Штеннеса примечателен хотя бы тем, что именно после него у СС появился лозунг «Моя честь — моя верность».

В конце 1930 года, когда, казалось бы, кризис миновал, Гиммлер предпринял максимум усилий, чтобы разделить между собой СС и СА. Он даже полагал, что ему это удалось. По крайней мере Гиммлер записал в дневнике: «Окончательное разделение организационных структур и сферы деятельности СС и СА произошло». Но это было самовнушение. Окончательное разделение произошло только лишь после событий 30 июня 1934 года, которые более известны как «ночь длинных ножей». До этого момента Гиммлер формально продолжал подчиняться руководству СА. О разделении не могло быть и речи, так как в сентябре 1930 года Гитлер, как и обещал, лично возглавил и СА, и СС. Однако заниматься делами штурмовиков было сложно и не очень приятно, а потому 30 ноября 1930 года фюрер передал командование СА своему старому знакомому Эрнсту Рёму, который только что вернулся из Боливии. Подобное развитие событий стало сюрпризом для многих. Эрнст Рём считался «крестным отцом» штурмовых отрядов. Именно Рём в начале 20-х годов был посредником между штурмовиками и рейхсвером, именно он снабжал только что появившиеся на свет СА оружием с армейских складов.

Однако именно Рём превратил СА в военизированное формирование, которое ориентировалось на вооруженную борьбу и путчистскую тактику. После выхода из тюрьмы Гитлер решил придерживаться «легального пути», а потому его пути с Рём ом разошлись.

Очень сложно сказать, почему выбор Гитлера вновь пал на Эрнста Рёма. Мятежный капитан не намеревался отказываться от своей прежней тактики. Он был фактически диаметральной противоположностью Гитлеру, который получил возможность прийти к власти при помощи демократических процедур. Скорее всего этот шаг был своего рода уступкой штурмовикам, которые хотели, чтобы их возглавлял «старый рубака», а не

парламентский политик. Кроме этого Эрнст Рём не был втянут во внутрипартийные интриги, не являлся ставленником какой-то из противоборствующих клик. В начале 1931 года Рём вступил новую должность — он был назначен начальником штаба СА, при условии, что командующим штурмовыми отрядами формально оставался Адольф Гитлер.

В силу всех этих обстоятельств Генрих Гиммлер мог забыть про разделение СА и СС. В подписанном 16 января 1931 года Рёмом приказе говорилось, что рейхсфюрер СС подчинялся штабу командования СА. Для Гиммлера неким утешением могло быть то, что он был старым знакомым Рёма. Именно у Эрнста Рёма он был знаменосцем во время «пивного путча». Как мы помним, Гиммлер несколько раз навещал Рёма, когда тот находился в тюрьме. В то время как Рём находился в Боливии, где служил военным советником, Гиммлер хотя и нечасто, но все-таки переписывался с ним. Назначенный рейхсфюрером СС, он не замедлил похвастаться этим перед своим бывшим шефом. Гиммлер писал Рёму в 1930 году в Боливию: «Школу, которую я прошел у Вас, уже почувствовали руководители СС. К весне мы планируем собрать несколько тысяч человек». В марте 1930 года Рём прислал ответное письмо, в котором сообщал: «Я поздравляю Вас с усилением Ваших СС. Для меня никогда не подлежало сомнению то, что работа ведется в старом духе, и Вы продолжаете ориентироваться на “Имперский боевой флаг”».

Знал ли Генрих Гиммлер о гомосексуальных наклонностях Эрнста Рёма? Едва ли. До него, конечно же, доходили смутные слухи, но он считал их клеветническими измышлениями противников. Однако в 1931–1932 годах появились неопровержимые доказательства того, что Эрнст Рём был гомосексуалистом. Однако к этому времени Гиммлера нисколько (с политической точки зрения) не интересовала сексуальная ориентация его начальника. На фоне разнузданных штурмовиков,

которые никогда не отличались сдержанностью и хорошим поведением, эсэсовцы казались самой дисциплиной и добродетелью. По этой причине Гиммлер был даже заинтересован в дискредитации С А. Чем больше слухов ходило про штурмовиков, тем крепче становились позиции СС.

Однако разделить функции СА и СС хотел не только Генрих Гиммлер. Эрнст Рём в своем первом после назначения приказе говорил о том, что между штурмовиками и эсэсовцами должны быть устранены все трения и недоразумения. Он предполагал, что численность СС не должна была превышать 10 % от общего числа штурмовиков. При этом СА не могли вести агитацию в эсэсовских формированиях, и наоборот. Произошло и разделение функциональных обязанностей. Подразделения СА должны были охранять мероприятия, организованные НСДАП, а структуры СС должны были заниматься исключительно охраной ораторов, политического руководства и видных национал-социалистов, которые в качестве гостей присутствовали на данных мероприятиях. Во время уличных акций С А должны были быть основой для пропагандистских маршей, а СС должны были обеспечивать оцепление, после чего должны были маршировать в конце колонны.

Быстрое увеличение численности СС вынуждало Гиммлера провести некоторые организационные преобразования. Уже в 1930 году были созданы три области оберфюреров СС. В 1931 году были введены новые наименования подразделений СС. С этого дня «охранные отряды» делились на бригады, те на штандарты, а те в свою очередь на штурмбанны. Чтобы увеличить оперативность действий СС, в их составе было создано несколько моторизированных штурмов. Кроме этого Гиммлер в качестве рейхсфюрера СС разделил свой штаб на пять отделов, каждый из которых занимался своей собственной сферой деятельности. Однако противоречия между СА и СС оказалось

устранить не так-то просто. Если в штурмовики шли выходцы из низших и средних сословий, то в СС пытались набирать «лучших людей». Кроме этого эсэсовцы никогда не соблюдали мораторий на ведение агитации в среде штурмовиков. Рёму приходили многочисленные жалобы на то, что представители СС переманивали к себе многих членов СА. Соперничество между двумя военизированными организациями подстегивалось тем, что СС, как более дисциплинированная структура, пользовались фактически безграничным доверием со стороны политического руководства НСДАП.

Глава 11

Растущие мускулы

В июне 1931 года Генрих Гиммлер провел в Мюнхене совещание с командирами подразделений СС, на котором прочитал доклад «О целях и задачах СС, об отношении СС к СА и политическим структурам». По сути, это единственный дошедший до нашего времени документ «эпохи борьбы», в котором предельно ясно и четко говорилось о будущих целях и задачах «охранных отрядов». Гиммлер полагал, что СС являлись «гвардией», которой было суждено стать «последним резервом фюрера». «СС должны быть формированиями, которые включают в себя лучший человеческий материал, имеющийся в Германии. СС должно сплачивать кровное единство, а потому их распад невозможен». И далее: «Мы идем по пути, позволяющем нам стать чем-то большим, чем группа активистов, более дисциплинированными, чем они. Только тогда можно утверждать, что мы можем конкурировать с лучшими людьми партии, что мы по праву носим “мертвую голову”, что только мы можем претендовать на звание гвардии». Разворачивая свою мысль, Гиммлер предполагал, что в данном случае СС смогут вытеснить с политической сцены союз фронтовиков «Стальной

шлем», так как только СС будет являться единственной организацией лучших ветеранов войны.

Говоря о далеких политических перспективах, Гиммлер сосредоточивал внимание присутствовавших на окончательном противостоянии между «нордической расой» и большевизмом. «Удастся ли нам еще раз воспитать народ, народ нордической расы, опираясь на ценности крови, которые будут превозноситься в процессе отбора? Удастся ли нам заселить Германию нордической расой, вновь сделав немцев крестьянами, а 200-миллионный народ — крестьянским? Если да, то земля будет принадлежать нам! Если нет, то это означает победу большевизма, искоренение нордической расы, опустошение и запустение земли». В этих процессах СС должны были играть роль передового отряда: «Перед нами поставлено величайшее и благороднейшее задание, которое вообще может быть поставлено перед народом. Мы обречены создавать народ на основе идеалов крови. Мы призваны для того, чтобы создать фундамент, на основании которого поколения будущих немцев будут формировать свою собственную историю. Если же мы правильно заложим этот фундамент, то эта история будет великой. К нам должны добровольно прибыть лучшие бойцы, все лучшие немцы, которые в один момент обнаружат, что СС сформированы правильно, что СС действительно великолепны».

Нельзя не обратить внимания на то, что в своем выступлении Генрих Гиммлер делал ставку на некое итоговое столкновение между большевизмом и «нордической расой», а выполнение своей миссии СС могли завершить только в далеком будущем. В данном случае ключом к формированию элитной организации партии должен был являться «расовый отбор». Уже на основании этого Гиммлер требовал, чтобы к заявлению о вступлении в СС прилагалась фотография. Поводом для этого требования являлось желание Гиммлера, чтобы формирования СС не имели

«славянского облика». Особо строгие требования он предъявлял к потенциальным руководителям СС — они ни при каких условиях не должны были иметь славянских или азиатских черт лица. Кроме этого прежде чем перевести рядового эсэсовца на руководящую должность, надлежало тщательно проверить его семью. «Хороший и вполне безупречный руководитель не может происходить из плохого окружения, в противном случае он не будет обладать силой, позволяющей ему принять решение, а эта сила должна быть у каждого из руководителей СС». Только после этого Гиммлер стал рассуждать о роли СС в рамках национал-социалистического движения в целом. «В отношениях с СА мы должны быть лучшими приятелями, но при этом быть образцом для подражания. Мы должны действовать, а не говорить. Мы должны руководствоваться старой поговоркой: больше дела — меньше слов». Принципиальным для СС должно было являться безоговорочное подчинение партийному руководству. «Мы не должны рассчитывать на всеобщую популярность, после проделанной работы нас могут недолюбливать, но мы не должны требовать никаких знаков признательности взамен. Однако наш фюрер должен знать, что в его распоряжении всегда имеются СС. Мы должны быть для него самой преданной и самой ценной организацией, а потому мы не имеем права разочаровывать его».

Приблизительно в то же самое время Генрих Гиммлер составил «Приблизительный служебный Устав для деятельности СС», в котором подробно описывались обязанности эсэсовцев. Например, члены СС должны были собираться вместе не реже четырех раз в месяц. Поводом для встреч могли являться пропагандистские и агитационные мероприятия. Кроме этого еще два дня в месяц эсэсовцы должны были посвящать собственно «службе в СС». В это время они должны были заниматься физической подготовкой. В качестве таковой Гиммлер рекомендовал дзюдо, которым он пытался заниматься в студенческие годы. Гиммлер вновь и вновь подчеркивал, что СС

должны были являться элитной организацией. Именно по этой причине служащие СС не имели права вести между собой «мелочные споры». Он вновь указывал на то, что служащим СС было запрещено участвовать в дискуссиях, которые шли на общих партийных собраниях. Кроме этого Гиммлер приказывал воздерживаться от вмешательства в дела СА.

Вдобавок в проекте служебного устава оговаривалось, какие песни должны были знать все служащие СС, и как должна была выглядеть их униформа (коричневая рубашка, черный галстук, черное кепи с «мертвой головой», черные брюки, черные сапоги и черный ремень). Под страхом исключения из рядов СС запрещалось носить с собой оружие — в то время НСДАП всячески подчеркивала свою «легальность» и не хотело давать поводов для запрета деятельности, что могло быть осуществлено на основании декретов, принятых рейхспрезидентом. К кандидатам на вступление в СС предъявлялись очень жесткие требования — они должны были быть не ниже 170 сантиметров роста, не быть моложе 23 лет, иметь крепкое физическое сложение. После принятия служебного устава он был дополнен многочисленными приказами, распоряжениями и директивами, которые определяли «внутренний распорядок» несения службы в СС. В частности, речь шла об организации штабов СС, о формировании музыкальных подразделений, о медицинском обследовании эсэсовцев.

Летом 1931 года Генрих Гиммлер принял решение, которое предопределило характер эсэсовской службы на долгие годы вперед. Он отдает приказ о формировании собственной разведывательной службы. За несколько месяцев до этого он знакомится с Рейнхардом Гейдрихом, который был вынужден оставить службу в военно-морском флоте. Гейдриха и Гиммлера познакомил группенфюрер СС барон Карл Фридрих фон Эберштайн. Поначалу Гейдрих, был введен в состав СС,

базировавшихся в Гамбурге. Но вскоре он оказался в окружении Гиммлера. Тому с самого начала было ясно, что Гейдрих. получивший на флоте специализацию «офицер связи», должен был заниматься отнюдь не передачей сообщений, но шпионажем. 1 августа 1931 года Гейдрих приступил к исполнению обязанностей в качестве руководителя новой эсэсовской службы, которая тогда была названа на военный манер — отдел 1с. Чтобы облегчить деятельность Гейдриху, в сентябре 1931 года Гиммлер издал секретный приказ, в котором распорядился создать сеть информаторов. Она должна была пронизывать всю структуру СС вплоть до отдельных штандартов. Однако поначалу в новом отделе числился один-единственный человек — сам Гейдрих. Ситуация несколько изменилась после того, как в апреле 1932 года правительство Веймарской республики запретило деятельность СС и СА. Чтобы замаскировать работу эсэсовской разведки, она была переименована в «информационную пресс-службу». После этого Гейдриху удалось обзавестись множеством сотрудников по всей Германии. Они регулярно направляли свои сообщения в «центр». Когда 19 июля 1932 года деятельность СА и СС была вновь разрешена, то «пресс-служба» была превращена в службу безопасности СС (СД). Десятью днями позже Гейдрих, являвшийся ее руководителем получил звание штандартенфюрера СС.

Если же вернуться в 1930 год, можно отметить, что после успехов на выборах в рейхстаг численность Национал-социалистической партии стала стремительно расти. НСДАП ожидал прорыв на местных выборах и выборах в ландтаг. Одновременно с этим ширились и ряды СА. Только за 1931 год численность штурмовых отрядов выросла с 88 тысяч до 260 тысяч человек.

Несмотря на то что численность СС тоже увеличивалась, они не могли похвастаться столь стремительным приростом. 1 января 1931 года в рядах СС числилось 2727 человек, 1 апреля -4490, а

октябре 1931 года Гиммлер констатировал, что численность СС перевалила за 10 тысяч человек, к которым надо было прибавить еще 3 тысячи человек, которые хотели вступить в СС. К этому моменту СС делились на 39 штандартов, которые распределялись между 8 абшниттами СС (единица территориального деления, которая пришла на смену области оберфюрера СС).

В своем выступлении перед руководителями СС в июне 1931 года Генрих Гиммлер подчеркнул, что его организация должна быть не просто элитным формированием партии, но «расовым авангардом немецкого народа». Теперь для принятия в СС все кандидаты проходили строгое «расовое освидетельствование». Поначалу изучением фотографий кандидатов на вступление в СС занимался лично рейхсфюрер. Это было отличительной чертой Гиммлера. Во многих случаях он предпочитал самостоятельно заниматься изучением вопроса, не решаясь делегировать полномочия своим подчиненным. Однако к 1933 году наплыв желающих вступить в СС стал настолько огромным, что некоторое время принимали всех без разбору. Действительное «расовое освидетельствование» проводилось только в тех случаях, когда человек претендовал на одну из руководящих ролей в СС, то есть планировал стать «офицером» (в то время «офицер СС» еще не было официальной формулировкой). Критерии расового отбора ужесточились в очередной раз, когда Гиммлер подписал приказ «О помолвке и бракосочетании». Теперь «расовому освидетельствованию» подлежали даже будущие жены эсэсовских руководителей. С этого момента для вступления в брак служащим СС требовалось получение специального разрешения. Чтобы облегчить эту работу, Гиммлер отдал приказ о формировании расового управления СС, которое возглавил его приятель по союзу «Артам» Рихард Вальтер Дарре. Ему же было вменено в обязанность ведение специальной «родовой книги СС». Нельзя отрицать того факта, что приказ «О помолвке и бракосочетании» сразу же натолкнулся на массовое

непонимание со стороны служащих СС, а сам Гиммлер выглядел едва ли не нелепо. Однако он смог переломить сложившуюся ситуацию. На самом деле «приказ о бракосочетании» был всего лишь составной часть политики, проводя которую Генрих Гиммлер намеревался окончательно отмежеваться от «плебейских» СА. Если эсэсовцы должны были стать расовой и политической элитой, то они должны были быть полной противоположностью штурмовикам, известным всей Германии своей тягой к выпивке и распущенностью. В СС же планировалось культивировать «нордические» черты характера, то есть строгость, сдержанность и т. д.

Если говорить о первых руководителях СС, то в период 1930–1932 годов в их число, как правило, попадали люди, которые родились в период между 1890 и 1900 годами. Это было поколение военной молодежи, причем значительная часть руководителей СС были молодыми фронтовиками. В большинстве случаев они пошли на фронт добровольцами, затем продолжили свой боевой пусть в составе фрайкоров. Они не могли вписаться в мирную («гражданскую») жизнь, в которой воспринимались как маргиналы. Список этих людей хорошо известен: Карл Вольф (1900 года рождения), Август Хайсмайер (1897), Курт Веге (1891), Рихард Хильдебрандт (1897), Фриц Вайцель (1904) Фридрих Вильгельм Крюгер (1894), Фридрих Иекельн (1895), Зепп Дитрих (1892), Вернер Лоренц (1891), Курт Виттье (1894), Курт Далюге (1897), Альфред Роденбюхер (1900), Вильгельм Редис (1900). Сразу же бросается в глаза, что Гиммлер предпочитал ставить во главе СС людей, которых мог назвать своими ровесниками.

В конце 1931 года Гиммлеру пришлось привести территориальное деление СС в соответствие со структурой СА. Все абшнитты СС были подчинены двум командованиям групп: «Южная Германия» и «Северная Германия». В качестве их

руководителей выступали Фриц Вайцель и Зепп Дитрих. В течение 1932 года появились группы «Восток», «Юго-Восток», «Запад», которые позже были преобразованы в оберабшнитты СС. На низовом же уровне количество новых формирований росло почти постоянно. В январе 1932 года Гиммлер отдал приказ сформировать при СС собственные «летные штурмы», которые должны были быть независимыми от Национал-социалистического летного корпуса. Этим шагом рейхсфюрер СС хотел привлечь в свою организацию энтузиастов авиаспорта и планеризма, которые в то время были весьма популярны в Германии. Когда в апреле 1931 года были запрещены военизированные формирования НСДАП, то в рядах СС находилось 25 тысяч человек. Некоторое время спустя деятельность СС была вновь разрешена, тогда они уже насчитывали 41 тысячу человек. Теперь СС удалось достигнуть предложенного Рёмом коэффициента — эсэсовцы должны были составлять 10 % от общей численности штурмовиков. В те дни СС финансировались наполовину из членских взносов и пожертвований так называемых способствующих членов.

Тем временем Гиммлер решает навести порядок в организации мюнхенского центра СС. 15 июля 1932 года он распоряжается создать управленческий отдел СС, во главе которого ставит бывшего торгового агента Герхарда Шнайдера. В октябре 1932 года он распускает существовавшее с 1930 года Имперское финансовое управление. Его начальника Пауля Магнуса Вайкерта не только лишают должности, но и исключают из СС. В данном случае причина крылась скорее всего не в организационных преобразованиях структуры СС, а в подозрении, что Вайкерт занимался финансовыми махинациями. Гиммлер всегда проявлял нездоровую щепетильность в части того, что касалось денег. Мошенничество и присваивание казенных средств было для него едва ли не «смертным грехом». Именно по этой причине он требовал детального отчета обо всех

деньгах. После войны сотрудники проекта «Источник жизни» («Лебенсборн»), который был начат в 1935 году в рамках реализации задумок Гиммлера по формированию «идеального нордического немца», вспоминали, что рейхсфюрер СС требовал отчитываться едва ли не по каждому грамму маргарина, который поступал в дома «Источника жизни». В любом случае после отставки Вайкерта управленческий отдел стал развиваться, со временем превратившись в важную составную часть структуры СС. Однако в 1934 году Шнайдера постигла участь Вайкерта, его лишили должности из-за подозрений в воровстве и утаивании денег. И эти случаи были отнюдь не единичными.

Между тем Гиммлер озадачился тем, что ему надо было привести к некому общему знаменателю быстро растущий руководящий корпус СС. По этой причине с 31 января по 20 февраля 1932 года в Мюнхене были проведены так называемые «учебные курсы рейхсфюрера СС». Во время этих курсов Гиммлер впервые предстал перед подчиненными в черном мундире. Он хотел подчеркнуть, что эсэсовцы должны были дистанцироваться от коричневых рубашек, которые «подобали» штурмовикам. Как и можно было бы предположить, учебные курсы по своему содержанию не отличались особой оригинальностью. Руководителям СС рассказывалось о мировой революции, еврействе, масонстве, расовых проблемах, о христианстве. Многие годы спустя Карл Вольф так описывал события тех дней: «Многие тогда еще ни разу не сталкивались с рейхсфюрером СС лицом к лицу. Суть этого мероприятия заключалась в том, чтобы установить живую связь, чтобы каждый мог убедиться в силе его личности». Однако после войны Вольф предпочел изменить тон своих воспоминаний: «Бледный, в очках — облик Гиммлера поначалу всех разочаровал. В нем не было типично военных и мужественных черт, которые могли бы вызвать доверие слушателей… Когда мы беседовали с ним после чтения докладов, то за холодным блеском круглых очков могли разглядеть теплые

и веселые глаза». Впрочем, Карл Вольф не раз менял описание Гиммлера. В зависимости от ситуации (например, во время допросов союзниками) он мог характеризовать его как «холодного», «авторитарно жеманного», «ненадежного», а его «приветливость» была всего лишь «попыткой скрыть эти неблаговидные качества характера». Впрочем, очень многие из современников вспоминают, что Гиммлер действительно был несколько брезглив и предвзят в общении с другими людьми.

Принимая во внимание, что Генрих Гиммлер не выглядел как типичный солдат, становится понятным, почему он хотел компенсировать это впечатление ношением черной униформы. В нем продолжал жить юноша, который переживал по поводу того, что так и не стал офицером. А это выражалось в подчеркнуто «солдатских» манерах. Весной 1929 года Альберт Кребс, один из гамбургских национал-социалистов, провел во время железнодорожной поездки вместе с Генрихом Гиммлером более шести часов. Кребс вспоминал, что Гиммлер произвел на него впечатление человека, который пытался своим поведением компенсировать некие внешние недостатки. «Он вел себя подчеркнуто браво, буквально бахвалился манерами ландскнехта и своим презрением к буржуазной морали, хотя, наверное, хотел посредством этого скрыть свою собственную слабость и неуклюжесть». Кребс подчеркивал, что для него была просто невыносима «глупая и беспредметная болтовня» Гиммлера, которую тот вел почти на протяжении всех шести часов. Речи рейхсфюрера СС были «странной смесью из воинственного хвастовства, мелкобуржуазных разглагольствований и усердного фанатизма сектантского проповедника». Как видим, Гиммлер со временем не избавился от своих юношеских привычек. Как и в студенческие времена, он продолжал позиционировать себя в качестве исключительного человека, чем немало раздражал окружающих.

Между тем наступил 1932 год. НСДАП на выборах в рейхстаг ожидал очередной успех. Однако, несмотря на это, национал-социалисты не вошли в состав правительственного кабинета. После того как была вновь легализована деятельность СА и СС, страну буквально охватила волна беспорядков. Национал-социалисты ожидали, что они захватят власть буквально со дня на день. В Восточной Германии эти акции превратились в форменный террор. Причина этого крылась в том, что многие штурмовики больше не верили в «легальный курс» Гитлера. И у них были для этого свои основания — НСДАП была одной из сильнейших партий, фактически победившая во время выборов в рейхстаг, однако она так и не пришла к власти. В этих условиях стали возрождаться путчистские настроения, характерные для национал-социалистического движения начала 20-х годов. Самые кровавые события происходили в Кенигсберге, где было убито несколько человек, в том числе депутат городского совета от Коммунистической партии. На нескольких видных противников НСДАП были совершены покушения. Постепенно волна террора распространилась по всей Восточной Пруссии, а затем перекинулась на Силезию. Имеются неопровержимые доказательства того, что Генрих Гиммлер был причастен к этим акциям. По крайней мере он соответствующим образом инструктировал командира СС в Восточной Пруссии Вальдемара Ваппенхауса. Этот эсэсовец после прихода к власти национал-социалистов фактически остался не у дел. Именно по этой причине он в 1938 году направил Гиммлеру письмо, в котором напоминал о своих «прошлых заслугах». В частности, он сообщал: «Я, как руководитель штандарта “Восточная Пруссия”, в 1932 году по Вашему приказу участвовал в преследовании главарей коммунистов, что в результате привело к моему аресту». После прихода к власти национал-социалисты любили говорить о «боевом времени», об «эпохе борьбы», но все-таки предпочитали не распространяться о деталях, которые были связаны с террором. Они не хотели производить впечатление политической

силы, которая была готова начать в Германии гражданскую войну. Генрих Гиммлер и вовсе предпочитал молчать о своей причастности к вооруженным акциям. Хотя, как видели, для него было какой-то моральной проблемой участие в нелегальных операциях, связанных с насилием. В 20-е годы он состоял во многих военизированных организациях, которые ориентировались на вооруженный захват власти. В 1922 году он одобрял убийство Ратенау, о котором знал явно больше, чем говорил. В 1923 году он принимал участие в «пивном путче». Некоторое время он рассматривал политическую борьбу всего лишь как продолжение мировой войны, и даже готовился к гражданской войне.

В августе 1932 года силам правопорядка удалось взять под свой контроль ситуацию в Восточной Германии. Приблизительно в то же самое время должна была состояться встреча Гинденбурга и Гитлера. В НСДАП надеялись, что фюреру будет предложен пост рейхсканцлера. Тем не менее Гитлера всего лишь пригласили к сотрудничеству с новым правительством. С этого момента политическая организация попала под сильнейшее давление штурмовиков. Те шли на многочисленные жертвы, так как им обещали приход к власти. Однако, как казалось, «легальным путем» прийти к власти национал-социалистам не удавалось. Когда рейхстаг был распущен в очередной раз, НСДАП с трудом могла начать новую избирательную кампанию. Люди устали от бесконечных шествий, а финансовые средства подходили к концу. Разочарование коснулось не только штурмовиков, но и эсэсовцев. Если еще несколько месяцев назад ряды СС стремительно росли, то к осени 1932 года этот процесс почти остановился. В сентябре 1932 года к Гиммлеру стали приходить множественные сообщения, в которых аккуратно сообщалось о зревшем среди эсэсовцев недовольстве. Из Брауншвейга сигнализировали: «Роспуск рейхстага и связанная с этим задержка захвата власти вызвали определенную подавленность…

Однако сохраняется вера в нашу победу. Дух — революционный, вера в национал-социалистическую программу непоколебима». Командир группы «Восток» писал: «Настроение моих людей хорошее, нет места для каких-то проявлений депрессии». Принимая во внимание, что нередко об истинном положении вещей писалось между строк, в данном случае надо обратить внимание на следующий пассаж: «Лишь отдельные из людей обеспокоены финансовыми трудностями, но их подавленность вызвана исключительно финансовыми проблемами». В сообщении из группы «Юг» (первоначально «Южная Германия») звучали более честные слова: «Не состоявшийся захват власти вызвал определенное брожение». Из группы «Юго-Восток» (Силезия) рапортовали о хорошем состоянии СС, но опять же с оговорками: «Неустойчивое политическое положение приводит к разладу».

Недовольство, зревшее в СС, приводило к тому, что отношения между эсэсовцами и штурмовками испортились окончательно. В декабре 1932 года Эрнст Рём в секретном донесении, которое было адресовано в том числе Генриху Гиммлеру, сообщал, что конфликт между двумя структурами стал принимать «вызывающие опасения формы». Предполагалось провести совместное совещание, в котором должно было принять участие и руководство СС, и руководство С А. Оно было запланировано на 10 января 1933 года. Однако к этому моменту ситуация стала меняться. На очередных выборах в рейхстаг НСДАП получила 33,1 % голосов. Кроме этого много голосов было отдано правым и консервативным партиям. Национал-социалисты могли считать, что добились очередной победы. Но и на этот раз Гитлер не стал канцлером. Им был назначен фон Шлейхер, который посчитал возможным опираться одновременно и на националистов, и на умеренных левых. Более того, он планировал отколоть от Гитлера «левое крыло», представленное Грегором Штрассером, чтобы сформировать правительственный кабинет, в котором были бы

представлены: рейхсвер, профсоюзы и левые национал-социалисты. После подобного предложения Грегор Штрассер был вынужден оставить все посты в партии, так как Гитлер обвинил его в «измене». Несмотря на то что Грегор Штрассер воспринимался в окружении Гитлера как «сектант» и «предатель», Генрих Гиммлер не прекратил общения со своим бывшим покровителем. Так, например, в апреле 1933 года он попросил Штрассера, который стал зарабатывать на жизнь торговлей недвижимостью, продать земельный участок в Вальдтрудеринге.

Тем временем шли закулисные переговоры, которые в итоге и привели Гитлера на пост рейхсканцлера Германии. Гиммлер принимал в них участие. Так, например, 10 января 1933 года Гиммлер в сопровождении известного предпринимателя Вильгельма Кеплера появился у Иоахима фон Риббентропа (тогда еще бизнесмена) с просьбой помочь с организацией встречи Гитлера и фон Папена, который некоторое время назад утратил пост рейхсканцлера. Эта встреча состоялась 18 января 1933 года в загородном доме Риббентропа. На ней кроме Гитлера и фон Папена также присутствовали Эрнст Рём и Генрих Гиммлер. После всех этих закулисных игр Гитлер был назначен главой коалиционного правительства, в которое вошли национал-социалисты и правые консерваторы. Произошло это 30 января 1933 года.

Глава 12

На пути к управляемому террору

Национал-социалистам потребовалось совсем немного времени, чтобы коалиционное правительство, пришедшее к власти 30 января 1933 года, стало однопартийным. Буквально за полгода национал-социалисты смогли получить контроль над государственным аппаратом, объявить утратившей силу

Веймарскую конституцию, занять ключевые позиции во всех сферах общественной жизни. «Захват власти», как любили в НСДАП называть эти процессы, сопровождался режиссируемыми сверху псевдо-революционными акциями, целью которых было скрыть от публики начавшийся террор. В первые месяцы пребывания у власти национал-социалисты еще не создали отлаженного аппарата насилия, а потому террор во многом носил спорадический и неуправляемый характер.

Чтобы удержать политическую власть и облегчить осуществление террора против идейных противников, национал-социалисты должны были осуществить несколько принципиальных мероприятий. Во-первых, надо было получить полный контроль над полицейским аппаратом. Во-вторых, вывести политическую полицию из общего полицейского подчинения и сделать ее подконтрольной исключительно новому правительству. В-третьих, наделить СА и СС функциями вспомогательных полицейских частей. Кроме этого предполагалось использовать арест «подозреваемых» как бессрочную меру пресечения, которая не требовала судебного разрешения, что в свою очередь требовало создания обширных лагерей, в которых должны были содержаться эти «подозреваемые». Однако унификации террора мешало то, что почти во всех землях СА, СС и политический аппарат НСДАП вели борьбу между собой в надежде занять более выгодные позиции. По этой причине в различных германских землях проблема террора и методы его осуществления могли быть разными. Если посмотреть на Пруссию, самую большую из земель Германии, то руководство ею было поручено Герману Герингу, который в тот момент являлся вторым человеком в партии, «наци № 2». Он временно возглавил прусское министерство внутренних дел, подчинил себе полицию, после чего стал создавать тайную государственную полицию (гестапо) исключительно как самостоятельную организацию,

предназначенную для преследования политических противников НСДАП. Как и стоило предполагать, 22 февраля 1933 года Геринг сделал СА и СС вспомогательными полицейскими формированиями. Обе эти структуры решили независимо друг от друга воспользоваться приобретенными правами. Они проводили аресты на свое усмотрение.

Тем временем Генрих Гиммлер пребывал в Баварии, которая считалась (не только по территории) второй землей Германии. 9 марта Имперский министр внутренних дел Фрик назначил Имперским комиссаром Баварии (то есть фактически диктатором) генерал-лейтенанта Франца Риттера фон Эппа. Франц фон Эпп в свое время был создателем одного из самых известных добровольческих корпусов, а затем стал одним из самых именитых национал-социалистов. Поскольку НСДАП еще не обладала полным контролем над страной, чтобы осуществить это назначение, надо было найти удобный повод. Им стало заявление Фрика о том, что якобы консервативное баварское правительство Генриха Хельса не было в состоянии контролировать ситуацию в своей земле. В подтверждение этого баварские СА и СС вышли на улицы, что естественно вызвало массовые беспорядки, в том числе еврейские погромы. Тем же самым вечером фон Эпп назначил местного гауляйтера Адольфа Вагнера баварским министром внутренних дел, а Генриха Гиммлера — исполняющим обязанности начальника мюнхенской полиции. Гейдриху было поручено встать во главе 4-го отдела полицай-президиума, то есть во главе политической полиции, которая в свое время должна была противодействовать радикальным организациям, в том числе НСДАП.

12 марта Генрих Гиммлер в качестве исполняющего обязанности начальника полиции Мюнхена дал пресс-конференцию, на которой озвучил комментарии относительно массовых арестов, которые проходили на протяжении трех дней. Он заявил: «Я

полагаю, что арест подозреваемого является чрезвычайной мерой, однако нас вынудили применить ее, так как в городе возникали беспорядки. Таким образом мы обеспечиваем безопасность личностей, которые стали поводом для этих беспорядков. Только так мы можем сохранить их жизнь и здоровье. Мне хотелось бы специально отметить, что для нас граждане иудейского вероисповедания являются такими же гражданами, как и все остальные. Мы не делаем никаких различий». Однако «обходительным» Гиммлер был только на словах. Нельзя отрицать, что в те дни среди евреев не проводилось массовых арестов. Однако буквально за несколько дней за решеткой оказались все заметные деятели Коммунистической партии, «Железного фронта» (военизированная организация социал-демократов) и «Рейхсбаннера» («Черно-красно-золотое знамя» — военизированная организация республиканских демократов).

Неделю спустя после своего назначения Генрих Гиммлер получил еще один пост — Адольф Вагнер сделал его «политическим референтом» в министерстве внутренних дел Баварии. Так Гиммлер фактически получил контроль над всей баварской политической полицией. Именно после этого Гиммлер уже в качестве рейхсфюрера СС обрел возможность назначать членов СС вспомогательными сотрудниками баварской политической полиции. Первоначально таковых было 1020 человек. Когда же 1 апреля Гиммлер был назначен на должность политического командира полиции Баварии, то в его распоряжении оказалась политическая полиция, вспомогательная политическая полиция и создаваемые на территории Баварии концентрационные лагеря. Десять дней спустя Гиммлер «уступил» должность начальника полиции Мюнхена обергруппенфюреру СА Августу Шнайдхуберу — теперь именно он должен был взять на себя ответственность за все аресты «подозреваемых».

Результатом этой серии назначений и передачи должностей стало то, что Генрих Гиммлер в кратчайшие сроки смог сосредоточить в своих руках немалую власть. Он не только руководил полицией, но и мог организовывать ее деятельность на свой манер, для чего он предпочитал привлекать своих эсэсовских подчиненных. Однако больше всего ему пришлась по вкусу должность политического командира полиции Баварии, которая позволяла противостоять «специальным комиссарам», которые назначались Эрнстом Рёмом из рядов СА. В данном случае они пытались использовать в качестве вспомогательной полиции именно штурмовиков, что, естественно, не устраивало Гиммлера.

В Баварии политическая полиция стала создавать специальные лагеря для содержания арестованных «подозреваемых» еще 13 марта 1933 года. В качестве базы для одного из таких лагерей была выбрана территория бывшей фабрики, которая располагалась близ Мюнхена в местечке Дахау. О создании здесь концентрационного лагеря Гиммлер объявил во всеуслышание 20 марта 1933 года. Он призывал обывателей не терзаться «мелочными сомнениями» относительно размещения 5 тысяч арестованных. Поначалу лагерь Дахау охранялся частями мюнхенской службы охраны порядка, однако Гиммлер, получивший новые полномочия, передал охрану эсэсовским формированиям. Казалось бы, в этом шаге не было ничего особого, однако для СС и Гиммлера он значил очень много. Дело в том, что теперь служащие СС оказались поставленными на государственное довольствие и занимались официальной государственной деятельностью. Когда полицейские покинули Дахау, там находилось около 200 заключенных. Прибывшие эсэсовцы решили устроить очередную террористическую акцию. Погибло четыре еврея. Дело не удалось замять (режим был еще слаб), а потому началось следствие. Выяснилось, что погибшие были забиты до смерти, либо застрелены. Следствие выяснило, что комендант лагеря Хилмар Векерле организовал свой

собственный суд, который мог вынести даже смертный приговор. Дело получило широкую огласку, а потому пришлось вмешаться даже прокуратуре. Несмотря на то что виновные никак не были наказаны, Гиммлер дал обещание фон Эппу, что сменит Векерле на посту коменданта.

Заменой стал Теодор Эйке, который позже будет назначен инспектором всех концентрационных лагерей и командиром формирований СС «Мертвая голова», которым будет поручено несение охраны этих лагерей. Во времена Веймарской республики Эйке не раз пытался устроиться на работу в полицию. В 1928 году он вступил в НСДАП, в 1930 году ему было поручено создание подразделения СС в Людвигсхафене. В 1932 году произошла странная история. Эйке арестовали по обвинению в том, что он готовил покушение с использованием взрывчатых веществ. На суде Эйке заявил, что это было провокацией со стороны гауляйтера Пфальца, с которым он находился в продолжительном конфликте. К слову сказать, такой возможности никак нельзя исключать. В любом случае Эйке приговорили к двум годам тюрьмы. Во время пребывания в тюремном лазарете Эйке сбежал, после чего скрывался в Италии, что было сделано по приказу Гиммлера. Находясь в бегах, Эйке не раз встречался с рейхсфюрером СС и тот заверял его в поддержке. И это были отнюдь не пустые слова. При первой же возможности Гиммлер произвел беглого террориста в оберфюреры СС.

В феврале 1933 года Эйке на свой страх и риск вернулся в Германию. Принимая во внимание, что у власти находились национал-социалисты, нет ничего удивительного в том, что его задним числом амнистировали.

Однако Эйке не смог насладиться спокойной жизнью. Оказавшись в Людвигсхафене, он оказался втянутым в очередной

политический скандал. Гиммлер вызвал Эйке в Мюнхен и строго отчитал его. После этого Эйке обещал, что, как руководитель СС, не будет вмешиваться в политические дискуссии. Однако своего слова не сдержал. 21 марта 1933 года он был вновь арестован. Поводом для ареста стали самовольные акции подчиненных ему эсэсовцев, которые закончились столкновением с полицией. В тюрьме Эйке объявил голодовку, после чего его перевели в психиатрическую клинику Вюрцберга. Поначалу Гиммлер хотел исключить его из СС, но Эйке написал огромнейшую оправдательную записку. Кроме этого психиатр Вернер Хайде заверил рейхсфюрера СС, что его подопечный отнюдь не являлся душевнобольным (через несколько лет они вновь встретятся и Хайде окажется причастным к программе эвтаназии). После этого Гиммлер добился освобождения Эйке, намереваясь использовать его «для каких-нибудь специальных случаев». Таким случаем как раз оказался лагерь Дахау.

Эйке прекрасно понимал, что почти всем был обязан рейхсфюреру СС, а потому старался больше не «разочаровывать» Гиммлера. На этот раз он проявил рвение, создавая лагерь, который принципиально отличался от концентрационных лагерей, возникших в первые месяцы нахождения национал-социалистов у власти. Отличительными чертами новой лагерной модели являлась полная изоляция от внешнего мира, почти полное отсутствие возможности сбежать из него, разделение охранников и комендатуры, специальная одежда для арестантов, система наказаний и т. д. То есть Эйке создал то, что теперь подразумевается под словосочетанием «концентрационный лагерь периода национал-социалистической диктатуры». Кроме этого Эйке решил навести порядок среди лагерной охраны. Никто не имел права убивать заключенных по своему усмотрению, это можно было сделать, если только арестант выбежал за ограду лагеря. Впрочем, заключенного могли казнить на вполне «официальных основаниях», если тот был уличен в

подстрекательстве к бунту. Поскольку под «подстрекательством» могли подразумеваться политические разговоры, отказ от работы, нападение на охранника и т. д., то, по сути, казнить можно было любого заключенного, если бы этого захотел комендант.

В отличие от своего предшественника Теодор Эйке не привязывал смерть арестантов к каким-то формальным процессам. Он отнюдь не намеревался прекращать убийства в Дахау. Однако происшествия со смертельным исходом было легче скрыть в силу того, что лагерь был фактически отрезан от внешнего мира. В большинстве случаев убийство заключенных представлялось либо в виде самоубийства, либо гибели при попытке к бегству. В этой ситуации в дело приходилось включаться лично Генриху Гиммлеру, как политическому командиру полиции, — именно он должен был способствовать этим фальсификациям.

Гиммлеру в то время было вменено в обязанность информировать министра внутренних дел Баварии обо всех случаях «самоубийств» и «попыток к бегству». Перед общественностью и официальными органами Баварии Гиммлер разыгрывал форменный спектакль, когда говорил о «лагере примерного содержания». И этот «положительный» образ пытались поддерживать всеми силами. Так, например, в Дахау побывало несколько комиссий с проверками. В августе 1933 года там был Эрнст Рём, в январе 1934 года его посетила делегация рейхсляйтеров и гауляйтеров. В марте 1934 года в Дахау с проверкой оказался баварский премьер-министр Зиберт, который был настолько доволен визитом, что даже написал письмо Генриху Гиммлеру, в котором поздравлял рейхсфюрера СС с тем, что ему удалось создать «образцовый арестантский лагерь». Некоторое время спустя текст этого письма был воспроизведен немецкой прессой. Однако это не значило, что вокруг Дахау царило полное спокойствие. По Мюнхену ходили слухи о фактах

таинственной гибели заключенных, которые не могли не доходить до гражданских органов власти.

Это привело к тому, что в декабре 1933 года тема гибели заключенных в лагере Дахау вновь была поднята на заседании баварского совета министров. Имперский наместник фон Эпп решительно потребовал от представителей юстиции, чтобы те занялись выяснением обстоятельств этих «странных происшествий». В этих условиях Гиммлеру пришлось обратиться за помощью к Эрнсту Рёму, который имел связи в баварском министерстве юстиции. Гиммлер предпочитал затягивать расследование, что в конечном итоге оказалось весьма успешной тактикой. Летом 1934 года в Баварии появился новый прокурор, который предпочел не продолжать расследование. Лагерь Дахау оказался недостижимым для органов юстиции. Как видим, Гиммлеру потребовался всего лишь один год, чтобы создать в Баварии подконтрольную только лишь ему политическую полицию. После этого он решил применить имевшийся опыт в других германских землях. Впрочем, ему пока не хватало сил, чтобы оказывать влияние на Пруссию, где политическая полиция была подчинена могущественному в то время Герману Герингу.

Расширяя сферу своей деятельности за пределами Баварии, Гиммлер проявил себя как искусный политик, который мог прибегать как к дипломатическим приемам, так и к насилию. Он предпочитал использовать тактику инфильтрации. С одной стороны, он пытался ставить на ключевые позиции служащих СС, с другой стороны, он мог убеждать многих видных деятелей, которые уже занимали определенное положение, вступать в СС. Гиммлеру удалось произвести «нужное» впечатление на региональных партийных деятелей. Во многих случаях это не он искал у них поддержки, а наоборот, региональные представители НСДАП стремились к защите и покровительству Генриха Гиммлера.

Для этого могло быть множество причин, но в первую очередь надо обратить внимание на политическую обстановку, которая царила в Германии зимой 1933/34 года. К этому времени Гитлер провозгласил окончание «национальной революции», что существенно ограничивало произвол недисциплинированных штурмовых отрядов. После этого в рядах СА стали высказываться идеи относительно «второй революции», что вынуждало многих партийных функционеров, опасавшихся штурмовиков, искать себе новых союзников. В большинстве случаев выбор падал на СС, которые воспринимались как элитная партийная организация. Кроме этого среднее руководящее звено Национал-социалистической партии не могло не обратить внимания на «баварскую модель», которая весьма наглядно демонстрировала «успехи» СС в борьбе с противниками национал-социализма. Дело довершило осознание того, что СС были общеимперской организацией, которая даже обладала собственной разведкой — СД. В СД весьма активно создавали сеть информаторов, куда вовлекали партийных функционеров из НСДАП. После того как Гиммлеру удалось преодолеть «баварский кризис», пришедшийся на лето 1933 года, он стал назначаться начальником политической полиции в различных германских землях, что облегчало ему задачу по формированию унифицированной службы сбора информации.

На этот раз обстоятельства были на стороне Генриха Гиммлера. В начале 1933 года у СС было крайне немного военизированных формирований, которые находились на казарменном положении. Ситуация стала меняться в марте 1933 года, когда была сформирована специальная «штабная вахта», командование которой было поручено Зеппу Дитриху. Некоторое время спустя 120 человек из СА и СС были выведены из подчинения прусской полиции, став основой «особой команды Берлин». Ее подготовка была поручена армейским офицерам. Постепенно численность «особой команды Берлин» увеличилась до 800 человек. Они

стали небольшой армией, которая подчинялась исключительно Гитлеру. Особый статус этого формирования был подчеркнут в сентябре 1933 года на очередном партийном съезде в Нюрнберге, когда команда была переименована в «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Несмотря на то что Зепп Дитрих постоянно указывал на то, что «Лейбштандарт» был формированием независимым от рейхсфюрера СС, собственно как и от руководства СС в целом, нельзя отрицать того факта, что его появление укрепило позиции СС и помогло рейхсфюреру СС в борьбе за власть.

Весной 1934 года, когда назревало очередное осложнение отношений со штурмовыми отрядами, Гиммлеру удалось в очередной раз расширить свое политическое влияние. К этому времени он смог в нескольких городах (Мюнхен, Элльванген, Арользен, Гамбург, Вольтердинген) создать на базе СС вооруженные группы, которые получили название «политические батальоны» или «политические дежурные части». Первым из городов, чье руководство предложило Генриху Гиммлеру возглавить свою политическую полицию, был «свободный ганзейский город» Гамбург. Обстоятельства этого предложения позволяют в деталях изучить тактику, которой в то время придерживался Генрих Гиммлер. Гамбург был одним из немногих немецких городов, где национал-социалистам после прихода к власти не удалось создать унифицированный аппарат террора. Новые властители предпочитали не столько преследовать противников национал-социализма, сколько вели ожесточенную борьбу между собой в надежде занять более выгодные посты. В итоге руководство политической полиции, которая в Гамбурге, как и во многих городах и землях, была выведена из общего полицейского аппарата, менялось несколько раз. Кроме этого начальнику гамбургской полиции была подчинена так называемая команда специального назначения, которая была усилена штурмовиками из состава частей вспомогательной полиции. Эта команда самостоятельно

проводила аресты и облавы. Во многих случаях эти акции заканчивались кровавыми расправами без суда и следствия. Ситуация осложнялась тем, что «политические преступники» держались в двух разных лагерях, один из которых был подчинен органам юстиции, а другой — руководству регулярной полиции. Надо добавить, что в этих условиях деятельность гамбургского СД была полностью парализована затяжным конфликтом с гауляйтером Карлом Кауфманом.

В то же самое время Гиммлер имел весьма неплохие отношения в Кауфманом. Оба были знакомы с 1927 года и не раз пересекались на партийных мероприятиях. В 1933 году Гиммлер несколько раз был в Гамбурге, чтобы укрепить свои позиции в этом северном городе. Для этого он поддержал назначение бургомистром Гамбурга Карла Крогмана. Когда исполняющим обязанности начальника городской полиции был назначен сенатор Ганс Ниланд, Гиммлер тут же предложил ему высокое эсэсовское звание. После этого Гиммлер не раз поддерживал Вильгельма Больца, руководителя гамбургских «морских» СА, которые на фоне всех штурмовых отрядов считались едва ли не элитным формированием, сторонившимся «пролетарских» коричневорубашечников.

В октябре 1933 года в Гамбурге произошли очередные перестановки. На этот раз главой политической полиции было решено назначить Бруно Штрекенбаха, который был не просто хорошо знаком с Гиммлером, но и являлся служащим СС. Одновременно с этим Гиммлер присвоил гауляйтеру Кауфману чин оберфюрера СС, а государственному секретарю Георгу Фридриху Аренсу — штандартенфюрера СС. Показательно, что Гиммлер сделал офицерами СД почти всех: Аренса, Штрекенбаха и т. д. Так возникла тесная связь между партийным аппаратом и СД. В итоге партийное руководство решило, что его авторитет

нисколько не пострадает, если формально политической полицией Гамбурга будет руководить Генрих Гиммлер.

Новое назначение Гиммлера произошло 23 ноября 1933 года. Именно с этого момента для выполнения заданий, возложенных на политическую полицию, стали активно привлекаться служащие СС. После этого Штрекенбах несколько раз бывал в Мюнхене, где изучал «баварскую модель». В Гамбурге ему удалось создать аналогичный репрессивный аппарат. Руководство тюрьмой Фюльсбюютель, где содержались политические пленники, было поручено служащим СС. Последнюю возможность контролировать происходившее в тюрьме гражданские органы власти утратили летом 1934 года. Через личные контакты, через вручение партийным чиновникам эсэсовских званий и размещение служащих СС на важных постах Гиммлер смог достигнуть своей цели. Даже «своенравное» поведение отдельных служащих СС (например, руководства СД в Гамбурге) он использовал в качестве козыря. Гиммлер пытался подчеркнуть, что только он через свое личное вмешательство мог урегулировать конфликты, а при необходимости менять «не самых дисциплинированных» эсэсовских руководителей.

В эти месяцы, которые стали решающими для Гиммлера в деле укрепления его власти в Германии в целом, он постоянно пребывал в разъездах. Поводом для этого было формальное желание «знать обстановку в стране». Несколько недель спустя после политического успеха в Гамбурге Гиммлер был назначен шефом политической полиции в Любеке и Мекленбурге. Здесь он применил традиционную тактику. Он присвоил имперским наместникам эсэсовские звания. Кроме этого Людвиг Ольдах, который в ноябре 1933 года возглавил политическую полицию Мекленбурга, незадолго до этого был принят в СС. В Вюртемберге Гиммлер сумел убедить имперского наместника Вильгельма Мурра в том, что части вспомогательной полиции,

состоявшие из служащих СС, надо было превратить в «политические батальоны». Теперь эти формирования обладали оружием и находились на казарменном положении.

Однако укрепление личной власти Гиммлера в этой германской земле произошло не сразу. Поначалу рейхсфюрер СС предпочитал действовать через своего знакомого Вальтера Шталекера, который в мае 1933 года был назначен заместителем начальника политической полиции. Однако в ноябре 1933 года на этом посту его сменил тяготевший к руководству СА Герман Маттхайс. Несмотря на это, Гиммлеру удалось добиться того, что 9 декабря 1933 года он все-таки был назначен начальником политической полиции Вюртемберга. В данном случае свою роль могли сыграть два обстоятельства. Во-первых, желание имперского наместника Мурра сделать аппарат политической полиции «более эффективным». Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что осенью 1933 года руководство СД в Штутгарте (оберабшнитт «Юго-Запад») было поручено весьма энергичному Вернеру Бесту. Однако окончательно свою власть в Вюртемберге Генрих Гиммлер смог укрепить только к маю 1934 года, когда от должности был отстранен Герман Маттхайс. Он был убит некоторое время спустя во время «ночи длинных ножей». Шталекер же сделал карьеру в полиции порядка, а Мурр 9 сентября 1934 года обрел чин группенфюрера СС.

18 декабря 1933 года Гиммлер принял командование политической полицией Бадена. Здесь в дело должен был вмешаться Гитлер. Именно от его имени Рудольф Гесс «ходатайствовал» о назначении Генриха Гиммлера. Показательно, что «ходатайство фюрера» рассматривали местный гауляйтер Роберт Вагнер и баденский министр внутренних дел Пфлаумер, которые к этому времени уже были служащими СС.

В Бремене Гиммлеру пришлось столкнуться с некоторыми трудностями. Первые личные контакты с местными партийными руководителями Гиммлер установил в мае 1933 года. Однако в октябре 1933 года Гиммлер оказался втянутым в конфликт, который возник между начальником полиции Теодором Лауэ и местными штурмовиками. Дело дошло до того, что Эрнст Рём был вынужден исключить Лауэ из рядов СА. И это при том условии, что Лауэ считался одним из создателей штурмовых отрядов. После этого Лауэ волей-неволей был вынужден искать поддержки у Гиммлера. На тот момент рейхсфюрер СС уже имел верного союзника в лице шефа бременской тайной государственной полиции Эрвина Шульца. Шульц уже давно был осведомителем СС, а до этого — тайной государственной полиции Бремена. После того как была подготовлена почва для переговоров, Гиммлер встретился с имперским наместником Карлом Ровером и бургомистром Рихардом Маркертом. 22 декабря 1933 года Гиммлер стал главой тайной полиции Бремена. 5 января 1934 года аналогичное известие пришло из Ольденбурга. Кроме этого Гиммлеру зимой 1933/34 года фактически без проблем удалось подчинить себе политическую полицию Гессена, Тюрингии и Саксонии. В Бауншвейге, Липе и Шаумбурге Гиммлеру пришлось приложить определенные усилия. После некоторого сопротивления со стороны местных партийных функционеров он все-таки смог добиться желаемого.

Формируя единую для всей Германии структуру политической полиции, Генрих Гиммлер стал постепенно ориентироваться не столько на преследование «врагов Новой Германии», сколько на возможную конфронтацию со штурмовыми отрядами. Чтобы облегчить противопоставление СА и политической полиции, которая в большинстве своем была укомплектована служащими СС, в начале 1934 года Гиммлер создает в Мюнхене специальное «центральное бюро». В тактике Гиммлера свою роль сыграло то обстоятельство, что он ни словом не обмолвился о возможном

ограничении власти местных «партийных князьков». Наоборот, он обещал им свою поддержку. Однако не стоит забывать, что зимой 1933/34 года Гиммлер не мог полностью контролировать ситуацию даже в Баварии, про иные германские земли не приходилось и говорить. Однако рейхсфюрер СС уже вынашивал планы, согласно которым он должен был подчинить себе всю немецкую полицию и весь репрессивный аппарат Третьего рейха. Замаскировать свои истинные намерения Гиммлеру помогла его привычка к «самоконтролю», которая постепенно превращалась в скрытность.

Глава 13. От напряженности к открытому конфликту

Желание Гиммлера создать единую для всего Третьего рейха политическую полицию было бы неосуществимым, если бы он не получил под свой контроль управление политическим террором в самой крупной и значимой из германских земель, а именно в Пруссии. Только в данном случае он мог рассчитывать на создание унифицированного репрессивного аппарата, который бы имел централизованное управление. Между тем в самой Пруссии шла неутихающая ни на час борьба между различными группировками. В те дни многим было предельно ясно, что управление политической полицией было важнейшим фактором в определении внутренней политики Германии. Нет никакой необходимости рассказывать обо всех хитросплетениях «борьбы компетенций», которая шла в Пруссии в 1933–1934 годах. В рамках данной книги имеет смысл остановиться лишь на нескольких моментах. Важно понять, что в итоге позволило Генриху Гиммлеру все-таки стать главой прусской тайной государственной полиции (гестапо). Нет никакого сомнения в том, что центральной фигурой в борьбе за власть в Пруссии являлся Герман Геринг. Вначале он был назначен комиссаром прусского министерства внутренних дел, а с апреля 1933 года являлся премьер-министром Пруссии.

Герман Геринг предпочитал действовать не через полицейское управление министерства внутренних дел Пруссии, а через «комиссара по особым поручениям» при министерстве внутренних дел, которым был назначен руководитель группы СС «Восток» Курт Далюге. Именно Далюге помог в свое время справиться с мятежными штурмовиками Вальтера Штеннеса. Несмотря на то что формально Далюге не имел слишком больших полномочий, Герман Геринг сделал ставку именно на него как одного из самых «перспективных» служащих полицейского аппарата Пруссии. По большому счету Далюге был независимым от мюнхенского руководства СС. Вопреки тому, что Курт Далюге имел высокий эсэсовский чин, его ни в коем случае нельзя рассматривать как «троянского коня» Гиммлера. Когда Далюге начал делать стремительную карьеру в Берлине, он являлся в первую очередь человеком Германа Геринга. Именно этим объясняется то, что в мае 1933 года он был назначен начальником управления полиции в министерстве внутренних дел Пруссии, а в сентябре 1933 года стал командиром прусской полиции.

Чтобы облегчить борьбу с политическими противниками, Геринг сформировал собственный репрессивный аппарат. Он вывел из общего полицейского аппарата политическую полицию и создал управление тайной государственной полиции. Руководство новым полицейским управлением было поручено Рудольфу Дильсу, который с 1931 года отвечал в министерстве внутренних дел Пруссии за борьбу с коммунизмом. Показательно, что, несмотря на изменение формы государственного правления, ведомство Дильса как бы являлось восприемником традиций Веймарской республики, а потому он стал набирать в новую специальную полицию сотрудников, с которыми был знаком еще по республиканским временам. Именно на базе тайного государственного полицейского управления и была сформирована позже тайная государственная полиция — гестапо.

Однако даже в Пруссии на полицейских постах оказались представители Национал-социалистической партии, которые пытались противиться проводимой Герингом централизации. Это во многом облегчило Гиммлеру проникновение в прусский полицейский аппарат. В первую очередь рейхсфюрер мог рассчитывать на созданную 22 февраля 1933 года Герингом вспомогательную полицию. К марту 1933 года ее численность в Пруссии составляла несколько десятков тысяч человек. На тот момент в ней превалировали штурмовики (25 тысяч человек). В то же самое время в прусской вспомогательной полиции было 15 тысяч эсэсовцев и 10 тысяч членов «Стального шлема». Безусловное господство штурмовиков рассматривалось руководством партии и СС как существенная проблема, так как своим разнузданным поведением они рисковали подорвать авторитет НСДАП и государства.

В этих условиях Геринг и Дильс были просто-напросто вынуждены положиться на СС, которые были давнишними конкурентами СА. Им казалось, что они выбирали меньшее из зол. В итоге 21 апреля 1933 года МВД Пруссии издало приказ, в котором предписывалось, что службу в частях вспомогательной полиции могли нести только служащие СС. Штурмовики же должны были быть только «помощниками» обычных полицейских. При этом предполагалось, что будет происходить определенное сотрудничество и взаимопроникновение политической полиции и подразделений СС. Именно они должны были заняться преследованием политических противников «нового режима», штурмовики же должны были участвовать только в качестве ограждения во время проведения массовых мероприятий.

В июне 1933 года наметились контуры нового конфликта. Это было связано с тем, что Эрнст Рём был назначен комиссаром прусской вспомогательной полиции, а Генрих Гиммлер —

комиссаром политической вспомогательной полиции. После этого Дильс сообщил своему начальнику Курту Далюге, что в будущем планировалось набирать служащих гестапо только из служащих СС. Чтобы соблюсти эти формальные предпосылки, почти все служащие тайной государственной полиции были провозглашены кандидатами на вступление в СС. Герман Геринг не возражал против подобного развития событий. Являясь комиссаром присоединенной к гестапо политической вспомогательной полиции, Генрих Гиммлер смог ввести в состав тайного государственного полицейского управления своего человека — унтерштурмфюрера Вальтера Зоста. Благодаря этому у Гейдриха появилась возможность вводить людей из СД в состав подразделений гестапо.

К тому моменту, когда 2 августа 1933 года Адольф Гитлер объявил окончание «национал-социалистической революции», Геринг полностью подчинил себе всю вспомогательную полицию. Несколько позже из эсэсовцев, служивших в подразделениях вспомогательной полиции, была сформирована специальная бригада гестапо, которую возглавил бригадефюрер СС Макс Хенце. В ее распоряжение перешли «Колумбия» (наводившая ужас на весь Берлин импровизированная тюрьма) и «централ гестапо», располагавшийся во «дворце принца Альбрехта». Так Генрих Гиммлер получил в свое распоряжение абсолютно независимую в своих действиях структуру гестапо. Одновременно с этим Генрих Гиммлер лишил Курта Далюге, являвшегося бригадефюрером СС, контроля над группой «Восток». По сути, это было ослаблением властных позиций Далюге, так как тот утратил власть над эсэсовскими формированиями в Восточной Германии. То есть Далюге, который являлся выразителем интересов Германа Геринга, лишился всякой возможности контролировать находившихся в Берлине эсэсовцев.

Проблематичным оказалось и закрепление СД в Берлине. Сразу же после прихода национал-социалистов к власти центр эсэсовской службы безопасности был перенесен из Мюнхена в немецкую столицу. На тот момент в распоряжении Гейдриха на всей территории Германии было не более полусотни сотрудников. Прежде чем СД начала расширяться, она оказалась втянутой в громкий скандал. После событий в Гамбурге и Брауншвейге некоторые из партийных функционеров стали обвинять СД в том, что она вмешивалась во внутрипартийные проблемы. После этого Гейдриху пришлось покинуть Берлин и вновь перебраться в Мюнхен. Летом 1933 года, находясь в Баварии, он стал проводить реорганизацию СД. В данном случае он мог рассчитывать на поддержку Гиммлера. Если ранее Гейдрих являлся всего лишь начальником штаба СД, то в июне 1933 года он получил официальный пост в полиции.

Одновременно с этим Гиммлер в качестве рейхсфюрера СС вел негласные переговоры с Рудольфом Гессом, во время которых обсуждалась возможность вмешательства СД в партийные дела. К осени 1934 года была достигнута договоренность, что эсэсовская служба безопасности могла вмешиваться в партийные споры только с личного разрешения Рудольфа Гесса. Кроме этого, невзирая на многочисленные слухи, 13 ноября Гитлер решил предоставить СД особые полномочия. Буквально за несколько дней до этого Гиммлер превратил СД в самостоятельное управление, в связи с чем Гейдрих получил чин бригадефюрера СС. Превратившееся в эсэсовское управление СД состояло из штаба и трех отделов: германского, зарубежного и «масонского». Также к началу 1934 года Гейдриху предстояло сформировать семь региональных оберабшниттов СД. 9 июня 1934 года Рудольф Гесс в качестве заместителя фюрера по партии объявил, что СД являлась единственной разведывательной службой НСДАП.

Однако СД было слишком занято собственными проблемами, чтобы помочь Гиммлеру укрепить свои позиции в Пруссии. После того как рейхсфюреру СС удалось нейтрализовать попытки наиболее недисциплинированной части СА занять ключевые посты в полицейском аппарате, осенью 1933 года он стал прилагать усилия, чтобы передать охрану арестантов в прусских лагерях исключительно эсэсовским структурам. Однако это начинание на первых порах потерпело неудачу. Поскольку эсэсовцы отличились истязаниями арестантов, произволом и даже убийствами заключенных, которые содержались в так называемых болотных лагерях близ Эмса, то в ноябре 1933 года было принято решение передать охрану лагерей полицейским частям охраны порядка. Как ни покажется странным, но даже из этого провала Генрих Гиммлер смог извлечь пользу, по крайней мере в части реализации своих амбиций в Пруссии. Он понял, что нельзя было использовать репрессивный аппарат СС в условиях строгого государственного контроля.

Гиммлер даже смог извлечь пользу из конфликта, который осенью 1933 года возник между Герингом и Дильсом. Дело дошло до того, что Курт Далюге провозгласил Дильса предателем, а сам Дильс был вынужден скрыться в Чехословакии. Сменивший его на посту начальника тайного государственного полицейского управления Пауль Хинклер едва ли мог справиться с новыми обязанностями. В итоге Герингу пришлось признать, что в борьбе против СА Дильс был незаменим. После этого последовало приглашение вернуться в Германию. Дильс принял приглашение, однако, оказавшись в Берлине, он предпочел более тесно сотрудничать с Гейдрихом и СД. Не стоило забывать, что накануне возвращения в Германию Генрих Гиммлер произвел Дильса в штандартенфюреры СС.

Гиммлер мог рассчитывать на успех, когда интересы Германа Геринга столкнулись с интересами Вильгельма Фрика,

являвшегося Имперским министром внутренних дел. В то время как Геринг смог создать свою собственную полицию в Пруссии, а Гиммлеру хоть и не слишком удачно, но все-таки удалось закрепиться в прусском полицейском аппарате, Вильгельм Фрик стал предпринимать попытки централизации полиции по всей Германии, что, конечно же, относилось и к политической полиции. В этой программе оставался открытым один вопрос: насколько отдельные германские земли смогут влиять на унифицированный полицейский аппарат. По этому поводу Геринг и Фрик не раз встречались весной и летом 1933 года. Вильгельм Фрик планировал, что прусское министерство внутренних дел будет слито с Имперским МВД, а это значило, что Геринг бы утратил контроль над политической полицией. Чтобы этого не произошло, Герман Геринг в ноябре 1933 года подписал так называемый Второй Закон «О гестапо», в котором он выводил государственную тайную полицию из подчинения министерства внутренних дел Пруссии, подчинив ее себе в качестве прусского премьер-министра. Дильс, который являлся главой тайной полиции, отныне именовался инспектором гестапо. Если в апреле 1933 года гестапо было выведено из общего полицейского аппарата, то в ноябре 1933 года министерство внутренних дел Пруссии утратило над ним всяческий контроль. Тот факт, что политическая полиция Пруссии полностью вышла из-под государственного контроля, стало для Генриха Гиммлера очередным стимулом к действию. Теперь он планировал начать сотрудничество с Герингом.

В конце 1933 года для многих становилось очевидным, что Гиммлер окончательно дистанцировался от своего формального начальника Эрнста Рёма и стал сближаться с Германом Герингом. В начале 1934 года Гиммлер начал собирать материал, который бы компрометировал Дильса. К выполнению этого задания было привлечено множество людей: статс-секретарь в МВД Пруссии Людвиг Грауерт, бывший помощник Дильса Ганс Гизевиус, Курт

Далюге, правительственный советник тайного государственного полицейского управления Артур Небе, сотрудники Гейдриха, в том числе Герман Берендс. Если еще некоторое время назад Генрих Гиммлер предпочитал использовать Дильса в борьбе против Геринга, то теперь он изменил тактику — он предпочитал устранить шефа тайного государственного полицейского управления, чтобы тем самым заручиться поддержкой Геринга.

А тем временем Геринг и Фрик смогли достигнуть компромисса. Было решено, что Фрик в качестве Имперского министра будет контролировать МВД Пруссии, а во главе имперского полицейского аппарата будет находиться Курт Далюге. Подобное развитие событий угрожало планам Гиммлера, которого никак не могло устроить, что полиция в Германии будет подчинена отнюдь не ему. Кроме этого не могло не тревожить, что Геринг и Фрик намеревались ограничить количество арестов подозреваемых в качестве меры пресечения. Поначалу это относилось только к Пруссии, однако в перспективе должно быть распространено и в других германских землях. Для этого даже было проведено совещание с имперскими наместниками. Нельзя сказать, что эта инициатива не нашла поддержки. Так, например, за ограничение арестов выступили имперский наместник фон Эпп и баварский министр юстиции Франк. Гиммлер понимал, что если бы такое решение было принято, то его власть в Баварии была бы очень сильно ограничена. Поэтому он пытался всячески отстоять право на «самостоятельные» действия баварского министра внутренних дел Вагнера. Так или иначе, но в апреле 1934 года Фрик и Геринг смогли договориться о том, что аресты должны были производиться в соответствии с требованиями закона. Теперь аресты могли производиться только специальными органами власти — в Баварии это была политическая полиция, а в Пруссии — тайное государственное полицейское управление. При этом в Пруссии Герман Геринг мог наложить «вето» на любой из арестов.

Обеспечив свои позиции, Фрик и Геринг решили, что теперь можно было передать руководство политической полицией Генриху Гиммлеру. Это относилось в том числе к Пруссии. В данном случае речь шла не о создании единого для всей Германии аппарата политической полиции, а всего лишь о назначении рейхсфюрера СС главой политической полиции во всех германских землях. Геринг полагал, что это будет всего лишь номинальной должностью, а сам Гиммлер не сможет приобрести больших властных полномочий. Сам же Гиммлер придерживался совершенно иного мнения. Он намеревался превратить свое формальное назначение в целую череду организационных мероприятий. Было бы наивно полагать, что Гиммлер смирится с ролью марионетки в руках Геринга и Фрика.

Относительный успех Гиммлера в Пруссии на самом деле открывал ему путь к подчинению всей политической полиции рейха. Рейхсфюрер СС использовал все возможности, чтобы усилить свою власть: инфильтрацию в органы власти, «награждение» эсэсовскими званиями, умение правильно выявить слабые стороны конкурентов, дипломатические уловки, например мнимое подчинение Герингу. Но самое главное, что отличало Гиммлера от многих национал-социалистических деятелей, была его скрытность. Он никогда не заявлял о своих амбициях, не давал даже повода для подозрений, что намеревался получить полный контроль над всей немецкой полицией. Подобная «скромность» позволяла заручиться доверием многих полицейских чинов, в том числе в различных германских землях, где как раз опасались складывания централизованного аппарата, подчиненного Берлину. Если принимать во внимание «стартовые условия», в которых Гиммлер начал борьбу за власть в 1933 году, то его можно назвать одним из самых искусных «игроков» на «национал-социалистическом властном поле». Он умело использовал опасения разных сторон, балансировал между государственными и партийными структурами, всячески

подогревал недовольство штурмовиками. Кроме этого он прекрасно понимал, что многие деятели Национал-социалистической партии предпочитали видеть во главе политической полиции «скромного» Генриха Гиммлера, а не активно вмешивающегося во все дела Вильгельма Фрика.

Итак, 20 апреля 1934 года Генрих Гиммлер был назначен инспектором прусского гестапо. Одновременно с этим во главе тайного государственного полицейского управления был поставлен Гейдрих. Герман Геринг сохранял за собой формальный пост главы гестапо, но он фактически не занимался его деятельностью. Генрих Гиммлер использовал свои новые властные полномочия, чтобы способствовать стремительному росту численности СС.

Первый приток желающих вступить в СС наблюдался сразу же после 30 января 1933 года, то есть после назначения Гитлера рейхсканцлером Германии. К весне 1933 года численность СС достигла 100 тысяч человек. В период между апрелем и ноябрем 1933 года желающих вступить в СС было столь много, что было принято решение на время приостановить этот процесс. Казалось, Гиммлер должен был радоваться стремительному росту своей организации, но он же обозначал этот процесс как «тяжелейший кризис, который постиг СС». На протяжении последующих лет он занимался чисткой охранных отрядов. В итоге к 1935 году из СС оказались исключены около 60 тысяч человек, которые вступили туда в начале 1933 года. Несмотря на это, в указанный период увеличилось количество эсэсовских штандартов — с 50 до 100. Однако позиции рейхсфюрера СС были все-таки шаткими. На это указывают следующие события. В мае 1933 года Гиммлер перенес штаб СС из Мюнхена в Берлин. Однако уже в феврале 1934 года он возвращает его обратно в Мюнхен. Возможно, он хотел быть как можно дальше от руководства партии и государства, что позволило бы ему без проблем

провести реорганизацию структуры руководства СС. На тот момент оно, кроме штаба, состояло из трех управлений: управления, занимавшегося общим ведением дел, СД и управления по вопросам расы и поселений. Как уже говорилось, начальники общего управления СС Вайкерт и Шнайдер были уличены в присвоении финансовых средств, после чего были сняты со своих постов и исключены из СС.

В феврале 1934 года Гиммлер ставит на этот ответственный пост бывшего морского казначея, ветерана Национал-социалистической партии Освальда Поля. В это время Гиммлер остро нуждался в хорошем финансисте. Дело в том, что СС, до сих пор являвшиеся составной частью СА, получали субсидии из различных общественных фондов, а потому должны сдавать отчетность об использовании этих финансовых средств. Впервые Гиммлер заговорил с Освальдом Полем о возможности нового назначения в мае 1933 года, когда рейхсфюрер СС пребывал в Киле. Несколько дней спустя Поль направил Гиммлеру письмо, в котором сообщал, что его работа на флоте не приносила удовлетворения. Гиммлеру сразу же понравился этот человек, однако его попадание в руководство СС было длительным процессом. Оставление службы на флоте было связано со множеством формальностей, которые тянулись не один месяц. Только 1 февраля 1934 года Гиммлер назначил Освальда Поля начальником отдела IV (управление) общего управления СС.

После того как Гиммлер в апреле 1934 года был назначен инспектором прусского гестапо, он вновь перебрался из Мюнхена в Берлин. Вслед за ним переехало и все руководство СС. Оно расположилось во «дворце принца Альбрехта». Название этого здания на долгие годы стало синонимом СС и гестапо. К весне 1934 года была заложена основа централизованной системы террора и репрессий. Однако Гиммлер в должности рейхсфюрера СС еще не принадлежал к числу руководителей рейха, он был

главой одной (пусть и стремительно набиравшей силу) из многочисленных национал-социалистических организаций. Ситуация изменилась только после 30 июня 1934 года, даты, которая в истории более известна как «ночь длинных ножей». Насильственное разрешение затянувшего конфликта между СА и политической организацией НСДАП стало трамплином, по которому Гиммлер вознесся буквально к вершинам могущества.

Предыстория «ночи длинных ножей» полна множеством противоречий и запутанного стечения обстоятельств. Поскольку эта книга посвящена Генриху Гиммлеру, а не истории национал-социалистического движения в целом, то события тех дней надо охарактеризовать лишь общими словами. В первый год пребывания у власти национал-социалистам, по сути, так и не удалось справиться с последствиями мирового кризиса. В стране сохранялась армия безработных, которая насчитывала около 6 миллионов человек. После всеобщего воодушевления в Германии наступило время разочарования, которое было заметно как на промышленных предприятиях, так и в сельском хозяйстве. К этому добавлялось недовольство действиями С А, которые буквально наводили ужас на всю страну. Надо отметить, что в середине 1934 года в рядах штурмовых отрядов находилось 4,5 миллиона человек, то есть в девять раз больше, чем насчитывали СА в январе 1933 года. Эта плохо контролируемая партийная армия, не являвшаяся вдобавок ко всему сплоченной организацией (в СА были слиты многие правые военизированные союзы, например «Стальной шлем» и т. д), тем не менее претендовала на особую роль в национал-социалистическом государстве. На практике же Эрнсту Рёму удалось поставить на посты имперских комиссаров всего лишь нескольких руководителей СА. Сам Эрнст Рём получил должность Имперского министра только 1 декабря 1933 года. Между тем в рядах штурмовиков стала курсировать идея о «второй революции». После того как большая часть политических

противников национал-социализма оказалась в лагерях, на практике эта идея стала выражаться в запугивании штурмовиками бюргеров и населения в целом, что не только не придавало СА особой популярности, но и еще раз подчеркивало агрессивный, неуправляемый характер штурмовых отрядов.

Тем временем Эрнст Рём пытался определить, как должны были выстраиваться отношения СА и рейхсвера. Поначалу штурмовикам планировалось поручить допризывную подготовку молодежи, затем эта идея трансформировалась в мысль о создании из штурмовиков отрядов вооруженной милиции, а затем и «народной армии СА». В «народной армии» рейхсверу отводилась всего лишь роль учебно-подготовительной базы, на что никак не могли пойти кадровые военные. Чтобы положить конец этим метаниям, 28 февраля 1934 года Гитлер публично заявил, что «военные» планы Эрнста Рёма не имели под собой никакого основания.

Весной 1934 года в консервативных кругах планировали использовать недовольство СА, чтобы вновь создать коалиционное правительство. Некоторые из консерваторов даже планировали реставрацию монархии, что, по их мнению, могло произойти после смерти 86-летнего рейхспрезидента Гинденбурга. Глашатаем этих кругов был вице-канцлер фон Папен. В итоге стала складываться коалиция, которая должна была противостоять СА. Она состояла из партийных функционеров, представителей рейхсвера и руководства СС, связанного с политической полицией. В начале 1934 года Дильс, еще бывший главой прусского тайного государственного полицейского управления, стал собирать компромат на руководство СА. В начале февраля 1934 года к этой деятельности подключился рейхсвер. После того как руководство прусским гестапо перешло к Гиммлеру и Гейдриху, они не только не оставили этой затеи, но значительно активизировали

деятельность в этом направлении. Данные действия не остались незамеченными. В мае 1934 года Эрнст Рём отдал приказ о сборе сведений о «враждебной по отношении к СА деятельности». В июне 1934 года национал-социалисты планировали начать кампанию против «ворчунов», под которыми подразумевали консерваторов. Казалось бы, что конфликт с СА отошел на второй план. Однако именно консерваторы во многом спровоцировали «ночь длинных ножей».

17 июня 1934 года фон Папен произнес в Магдебургском университете речь, в которой критиковал национал-социалистический произвол. Естественно, министерство пропаганды, возглавляемое Геббельсом, всячески препятствовало распространению текста этой речи. В ответ на это фон Папен пригрозил подать в отставку, а также принять меры, чтобы одряхлевший Гинденбург направил в отставку Гитлера. Правительственный кризис было решено использовать, чтобы успокоить консерваторов. В данной ситуации было решено пожертвовать СА. Тем более что подготовка к устранению руководства штурмовиков началась еще до того, как фон Папен произнес свою речь. Тогда комендант Дахау Теодор Эйке провел в окрестностях Мюнхена «штабные учения». В конце июня в том же самом Мюнхене собрались командиры оберабшниттов СС и СД, которым Гиммлер и Гейдрих заявили, что в ближайшее время «предстоял мятеж СА», а потому надо было быть готовыми к «соответствующим контрмерам».

30 июня 1934 года Эрнст Рём и большинство руководителей СА были арестованы в Бад Висзее. Аналогичные аресты происходили в Берлине и в Силезии. После этого началась расправа с предводителями штурмовиков. Всего же во время «ночи длинных ножей» было казнено около 200 человек. Во время этой волны террора были уничтожены также старые противники Гитлера — бывший рейхсканцлер фон Шлейхер,

Густав Риттер Карр, Грегор Штрассер. Во время указанных событий Генрих Гиммлер, как рейхсфюрер СС, формально должен был подчиняться Эрнсту Рёму. Однако он предпочел выбрать сторону «победителей». Он продолжал лавировать, не занимая постоянной позиции в конфликте между партийной организацией НСДАП, рейхсвером и консервативными политиками. Он не позволял себе открыто вмешиваться в это противостояние. В самой «ночи длинных ножей» Генрих Гиммлер фактически не принимал участия. Более показательным является тот факт, что его подчиненные расправились с Эрнстом Рёмом и Грегором Штрассером, людьми, которым Гиммлер был обязан своей политической карьерой. В НСДАП знали о том, что рейхсфюрер СС сохранял с ними связь даже в 1934 году. Но в итоге это молчаливое согласие стало самым убедительным доказательством личной преданности Гитлеру. Не стоило сбрасывать со счетов и расчетливое планирование. После устранения Эрнста Рёма Генрих Гиммлер становился самостоятельной фигурой, а СС могли выйти из подчинения СА. Что, собственно, и произошло в июле 1934 года. Тогда СД провозглашалось единственной разведывательной службой НСДАП, а СС самостоятельной структурой, полностью независимой от С А.

И это было отнюдь не единственное последствие «ночи длинных ножей». На базе «Лейбштандарта» и «политических батальонов» летом 1934 года стали возникать «части оперативного реагирования СС». Кроме этого Теодор Эйке был назначен инспектором всех концентрационных лагерей Германии и командующим всеми караульно-охранными подразделениями, из которых возникла вторая составная часть СС — соединения «Мертвая голова». Сам же Гиммлер, находясь в Берлине, смог начать формирование единой для всей Германии структуры гестапо. Однако он еще не был хозяином положения. Фрик продолжал настаивать на том, что самостоятельный

репрессивный аппарат, созданный Гиммлером, был всего лишь «временным явлением», а потому со временем он должен был подчиниться государству. Этому пытался открыто противостоять Герман Геринг. Гиммлер же был более осторожным и пытался не вмешиваться в назревавший конфликт. Это был очень удачный тактический ход. Он предоставил Герингу возможность отстоять его позиции. В итоге гестапо осталось самостоятельной структурой, над которой сохранялся некий контроль со стороны Имперского министерства внутренних дел. Гиммлер провел реорганизацию лишь в 1936 году, когда был назначен главой немецкой полиции.

Противоречия между СС и СА сказались даже на событиях, которые могли иметь статус международных. Речь прежде всего идет о провалившемся путче австрийских национал-социалистов. С весны 1933 года отношения между Германией, где находились у власти национал-социалисты, и Австрией, где был установлен клерикально-авторитарный режим, существенно ухудшились. В июне 1934 года австрийские национал-социалисты решили свергнуть австрийского канцлера Дольфуса. Вооруженные группы планировали ворваться в здание правительства, арестовать министров и провозгласить новым правителем Австрии Антона Ринтелена, близкого к национал-социалистам политика. Поскольку правительство Дольфуса распустило парламент и навязало стране новую конституцию, национал-социалисты тешили себя надеждой, что не будет возникать вопросов относительно легитимности «новой власти». Итогом переворота должно было стать воссоединение Германии и Австрии. Австрийцы не решались действовать на свой страх и риск, а потому решили согласовать свой план с Берлином. В осуществлении путча центральная роль отводилась венскому подразделению СС, 89-му штандарту. Это подразделение, состоявшее из бывших военных и полицейских, которых уволили с работы из-за членства в Национал-социалистической партии, с

весны 1934 года подчинялось непосредственно Генриху Гиммлеру, что вызывало немалое недовольство у австрийских штурмовиков.

25 июля 1934 года эсэсовцы из 89-го штандарта захватили канцелярию главы правительства. Узнав о готовящемся путче, большая часть членов правительства смогла вовремя покинуть здание. В распоряжении эсэсовцев, которыми командовал бывший офицер Отто Планетта, оказался лишь канцлер Дольфус. Во время скоротечного боя он был тяжело ранен и скончался тремя часами позже, так как ему не была оказана медицинская помощь. После этого здание оказалось окружено войсками и частями полиции. К вечеру путчисты капитулировали. Часть из них была приговорена к смерти. Тем временем в австрийских провинциях (Каринтия и Штирия) события в Вене восприняли как знак к началу восстания. Между национал-социалистами и силами правопорядка стали вспыхивать стычки, которые превратились в форменные боевые действия. В течение месяца властям удалось подавить все очаги национал-социалистического сопротивления. Между тем в Берлине задавались вопросом: почему провалился венский путч? Оказалось, что после того, как эсэсовцы захватили правительственное здание, на улицы Вены должны были выйти австрийские штурмовики. Однако этого не произошло. После событий «ночи длинных ножей» даже в Австрии отношения между СС и СА были крайне напряженными. Настолько напряженными, что штурмовики отказались участвовать в перевороте, фактически поставив крест на всех берлинских планах.

Трения между СС и СА в самой Германии продолжались до осени 1935 года. Ситуацию удалось окончательно урегулировать лишь когда Гиммлер возглавил всю немецкую полицию. На этот раз его существенному расширению властных полномочий способствовала международная нестабильность. Провалившийся

венский путч, провозглашение всеобщей воинской повинности, занятие немецкими войсками Рейнской области — все это могло рассматриваться как принципиальное нарушение Версальского договора. А это в свою очередь могло стать поводом для начала боевых действий против Германии. Национал-социалистический режим весьма опасался внутриполитических волнений, это был своего рода «комплекс 1918 года», когда власти опасались не столько внешнего, сколько внутреннего врага, «готового ударить кинжалом в спину». Именно в этих условиях оказалась востребованной стоящая выше любых законов террористическая система. К этому времени Гиммлер в очередной раз решил провести реорганизацию структуры СС. Охранные отряды НСДАП должны были состоять из трех различных формаций: соединений оперативного реагирования, караульно-охранных соединений и так называемых общих СС (Альгемайне-СС).

Глава 14. Упорядочивание системы

Использование формирований СС во время «ночи длинных ножей» нашло одобрение не только у руководства НСДАП, но и у командования рейхсвера. Поскольку при расширении вооруженных подразделений СС не выказывалось никаких притязаний на военную монополию рейхсвера как «единственного оруженосца нации», представители командования были готовы помогать СС в этом начинании. 24 сентября 1934 года Имперское министерство по делам рейхсвера со ссылкой на решение, принятое Гитлером, приказало сформировать эсэсовские части оперативного реагирования. Предполагалось создать три полка и один батальон связи. Однако на практике поначалу была только лишь сформирована полковая группа «Лейбштандарта». Позже (когда министерство по делам рейхсвера было преобразовано в министерство обороны) было решено, что военные части СС будут подчиняться военным. Уже из этого указа следовало, что военные изначально пытались

ограничить амбиции СС. Это должна была подчеркивать фраза, что СС в целом являлись невооруженными формированиями, а создание частей СС оперативного реагирования было «исключением».

Они должны были служить для того, чтобы «выполнять особые внутриполитические задания, которые могут быть поставлены фюрером перед СС». Впрочем, в итоге было принято решение, что части оперативного реагирования в мирное время должны находиться под командованием рейхсфюрера СС, а в случае войны поступать в распоряжение командования вермахта (рейхсвер был преобразован в вермахт в марте 1935 года). Но даже в этом случае командование вермахта не скрывало того, что в предстоящей войне части СС должны были играть второстепенную роль, а потому их подготовка должна быть менее активной, чем в обычных воинских формированиях.

Естественно, это не могло удовлетворить Генриха Гиммлера. Его распоряжение принимать на службу в СС преимущественно тех, кто прошел воинскую службу, однозначно указывало на то, что он планировал создать при СС собственную армию и не хотел довольствоваться ролью резервных формирований. На это стремление также указывает запланированное создание трех школ руководителей СС, две из которых изначально создавались как офицерские училища. Каждые восемь месяцев они должны были выпускать приблизительно полтысячи офицеров СС. Сразу же можно было бы заметить, что подобные старания Гиммлера мало напоминали функционал частей оперативного реагирования, который был прописан в Указе от 24 сентября 1934 года. Неизбежные опасения относительно того, что части СС, которые позже превратятся в Ваффен-СС, составят конкуренцию вермахту, Гиммлер пытался развеять во время личных бесед с Вернером фон Бломбергом и Людвигом Беком, на тот момент являвшимися ключевыми фигурами в военном министерстве.

Так, например, в октябре 1934 года Гиммлер заверял военных, что части СС ни в коем случае не будут параллельной с вермахтом военной организацией, так как они предназначены исключительно для «случаев аналогичных мятежу СА». Дескать, военная подготовка и военная организация СС были предназначены только лишь для того, чтобы подчеркнуть их «исключительный характер в составе НСДАП».

Впрочем, подобные заявления никогда не вызывали у высокопоставленных офицеров особого доверия. Например, на это указывают директивы от 18 декабря 1934 года, в которых Людвиг Бек, как начальник войскового управления (до 1935 года аналог Генерального штаба), пытался максимально контролировать части СС. Он «разрешил» создание при СС собственных саперных частей и подразделений связи, после чего пытался доказать Гиммлеру, что СС не нуждались в собственной артиллерии. В итоге Гиммлеру пришлось вновь включаться в сложнейшие переговоры. На некоторое время точку в них поставил Гитлер. 2 февраля 1935 года он решил, что части СС оперативного реагирования будут расширены до уровня полноценной дивизии только в случае начала войны.

Однако в то время Гиммлеру приходилось подтверждать свои претензии на власть не только в военной сфере. Это также относилось к деятельности полиции и концентрационных лагерей. Гиммлер поручил Теодору Эйке преобразование системы концентрационных лагерей еще до того, как тот был назначен их инспектором. Так, например, приказ о перестройке саксонского лагеря Лихтенбург на «баварский манер» (то есть по образцу Дахау) был датирован маем 1934 года. Должность инспектора концентрационных лагерей Эйке получил только пару месяцев спустя. Формально он находился в составе общего управления СС, но на практике же подчинялся непосредственно Генриху Гиммлеру. В начале июля 1934 года Эйке было

поручено «инспектирование» расположенного близ Берлина лагеря Ораниенбург. Затем последовали еще несколько мелких лагерей. В это время Гиммлеру приходилось постоянно отражать выпады государственных служащих, в том числе министров, до которых доходили сведения о жестоком обращении с заключенными в лагерях. В итоге Гиммлеру удалось убедить Гитлера преобразовать охрану лагерей в самостоятельное вооруженное формирование, которое бы получало финансирование из государственного бюджета. Когда к середине 1935 года была закончена первая реорганизация лагерей, в них находилось всего лишь около 3 тысяч заключенных.

11 октября 1934 года Генрих Гиммлер выступал перед сотрудниками тайного государственного полицейского управления. Он использовал возможность, чтобы вновь напомнить о недавних событиях. Акцию, проведенную 30 июня 1934 года, он характеризовал как «тяжелейший день, который может выпасть на долю солдата». Поясняя эту мысль, он продолжал: «Мы были вынуждены стрелять в своих собственных товарищей, с которыми провели в борьбе за идеалы последние восемь или десять лет. Это самое тяжелое, с чем только может столкнуться человек». Однако Гиммлер полагал, что события «ночи длинных ножей» также стали «важным испытанием». Далее в своем выступлении Гиммлер пытался предстать перед сотрудниками гестапо в качестве строгого, но заботливого шефа. Когда из зала стали приходить неподписанные записки с вопросами, то он почти по-отечески произнес: «Если у вас будет желание встретиться, то мои двери всегда будут открыты. Вы можете приходить со служебными делами, которые касаются вас и ваших коллег. Вы можете приходить с персональными проблемами, если у вас личные неприятности или просто жмут ботинки… я даю вам честное слово, что помогу, или, по меньшей мере, дам добрый совет». В вопросах, которые касались деятельности гестапо, Гиммлер всегда пытался выступать в роли

«благородного начальника». Например, он приложил немало усилий, чтобы выбить для тайной полиции дополнительные финансовые надбавки.

В своей речи Гиммлер не раз обрушивался с язвительной критикой на бюрократизм партийных инстанций, который не должен был быть характерен для работы гестапо. Он призывал своих подчиненных «работать с солдатской стремительностью». Кроме этого рейхсфюрер СС рисовал идеалистический образ тайной полиции, которая в его словах превращалась не в инструмент террора, а в некое предприятие бытового обслуживания, которому лишь в силу обстоятельств было поручено способствовать сохранению порядка в стране: «Народ должен быть уверен, что самым справедливым органом власти в новом государстве является тайная государственная полиция… Народ должен знать о нашей деятельности, хотя это очень сложно сделать, не нарушая государственную тайну. Народ должен знать, что в тайной государственной полиции работают абсолютно честные, добрые и человечные люди». После этого Гиммлер рекомендовал сотрудникам гестапо вести себя с посетителями «вежливо и человеколюбиво». Они не должны были кричать. По задумке Гиммлера, немцы должны были видеть в сотрудниках гестапо «помощников», а не «диктаторов». Завершающие фразы выступления Гиммлера более подобали производственному собранию, но никак не встрече с подчиненными из тайной полиции. Он призывал их использовать последующие месяцы, чтобы «укреплять товарищеский дух» и «достигать добровольного и радостного освобождения в труде». Кроме этого Гиммлер обещал сократить рабочий день сотрудникам гестапо на один час! В исключительных случаях им мог быть предоставлен свободный день.

Если же говорить о реальной деятельности Гиммлера, то сразу же после «ночи длинных ножей» он несколько месяцев кряду

пытался добиться максимальной свободы от Геринга, который продолжал оставаться формальным шефом прусского гестапо. В данном случае цели Гиммлера и Геринга расходились. Если Гиммлер пытался превратить гестапо в эффективный инструмент террора, который бы не имел ничего общего с бюрократической волокитой, то Геринг пытался найти способ, как ему было бы проще контролировать Гиммлера. Еще в июне Геринг потребовал от Гиммлера ежемесячно предоставлять статс-секретарю Паулю Кернеру список подозреваемых, которые были задержаны на срок более семи дней. Гиммлер всячески пытался обходить стороной этот приказ. Он предоставил Герингу список заключенных один-единственный раз, и то сделано это было только потому, что 7 августа 1934 года Гитлер решил объявить амнистию. Впоследствии никакой отчетности не было. Недовольный этим Геринг в октябре 1934 года решил еще раз «побеспокоить» Гиммлера. Он издал циркуляр для гестапо, в котором детально перечислял, какие права он оставлял за собой в качестве шефа тайной государственной полиции. К таковым относились: издание общих директив, надзор за внутренним рабочим распорядком, ознакомление с личными делами старших сотрудников и «служебный и дисциплинарный надзор за деятельностью инспектора гестапо». Последнему пункту Геринг придавал особое значение. Он хотел использовать традиционные чиновничьи структуры для контроля над Гиммлером. Кроме этого он отказал Гиммлеру в получении полного контроля над концентрационными лагерями Пруссии.

Геринг прекрасно понимал, что если бы он согласился на это, то государство не смогло бы более хоть как-то влиять на концентрационные лагеря. Однако на практике оказалось, что все распоряжения Геринга оставались лишь на бумаге. Ни одному из прусских чиновников не удалось получить реальную возможность «надзора» за деятельностью гестапо. Видя бессмысленность своих попыток, 20 ноября Геринг передал

Гиммлеру пост руководителя гестапо. С этого момента Гиммлер являлся одновременно и инспектором, и начальником тайной государственной полиции. Гиммлеру удалось одержать победу в очередном раунде борьбы за власть.

Усиление власти Гиммлера сопровождалось несколькими организационными процессами, которые шли внутри СС. В первую очередь надо обратить внимание на создание тандема СД — гестапо. Если в 1933–1934 годах Гиммлер использовал СД в качестве инструмента, который помогал ему в борьбе за новые сферы влияния, то после «ночи длинных ножей» эсэсовская служба безопасности должна была выполнять функции, подобающие гестапо. Чтобы избежать взаимной конкуренции, в конце 1935 года Гиммлер выпустил «общие служебные инструкции», которые предназначались как для гестапо, так и для СД. В них отдельным пунктом была прописана необходимость тесного сотрудничества этих двух ведомств.

Желая закрепить свои «завоевания» во властных структурах, весной — летом 1935 года Генрих Гиммлер неоднократно пытался доказать, что его радикальные методы ведения дел были вполне оправданными. Именно в это время он вводит в оборот словосочетание «коммунистическая угроза». К этому времени гестапо и СД была хорошо известна структура коммунистического подполья. Агентам тайной полиции удалось выявить почти все связи оставшихся на свободе коммунистов и проследить их до самого низового уровня. Для того чтобы ликвидировать коммунистическое подполье, нужен был только приказ. Но Гиммлер не спешил с этим — он предпочитал проводить репрессии порционно. Коммунисты становились своего рода инструментом в его руках, так как почти все коммунистическое подполье после очередного разгрома вновь возникало под фактическим контролем гестапо. Одна из таких больших облав должна была произойти именно в середине 1935

года. Она была нужна Гиммлеру, чтобы оправдать сам факт существования централизованного аппарата террора — раз есть враги рейха, значит, были нужны гестапо и СД. На самом деле он никогда не намеревался (по крайней мере до начала Второй мировой войны) полностью ликвидировать так называемое коммунистическое сопротивление. Если бы положение Гиммлера стало шатким, то он в очередной раз мог разыграть карту с «красной угрозой». Аресты более 10 тысяч членов Коммунистической партии, которые были проведены в течение 1935 года, позволили Гиммлеру стать хозяином положения. В феврале 1936 года по его инициативе в Пруссии был принят Закон «О гестапо», согласно которому тайная государственная полиция превращалась в самостоятельный орган власти, который был не только фактически не подконтролен государственным органам власти, но мог задерживать подозреваемых на неограниченный срок.

Стремление Гиммлера освободить гестапо от «назойливых оков закона» было связано с широкой общественной кампанией, которая стартовала в мае 1935 года. Именно тогда в эсэсовском журнале «Черный корпус» была опубликована статья Гейдриха, которая называлась «Трансформация нашей борьбы». На некоторое время название статьи превратилось в специальную рубрику. Печатавшиеся в ней материалы сводились к одной простой мысли — уничтожение враждебных по отношению к национал-социализму организаций отнюдь не означало окончательную победу над внутренним врагом. «Настоящая угроза» исходила от умов, которые продолжали неустанную борьбу против национал-социалистического государства. В качестве основных противников обозначались: мировое еврейство, мировое масонство и политический клерикализм. Подчеркивалось, что «враги» могли вполне успешно интегрироваться в административный и политический аппарат «нового государства», где вели свою незримую деятельность. В

данном случае Гиммлер предпринимал некие меры безопасности. С этого момента любую критику в свой адрес он мог трактовать как «происки врагов». Весьма показательно, что если некоторое время назад «большевики» изображались едва ли не главными врагами рейха, то теперь они выступали всего лишь в виде марионеток, которыми управляли «истинные враги Германии».

На самом деле лозунг о «трансформации борьбы» мог использоваться для нескольких целей. С одной стороны, это означало, что необходимо было вести «духовную борьбу». Весьма показательно, что именно в это время было создано «Наследие предков», которое, превратившись в эсэсовское научно-исследовательское общество, должно было фактически заново трактовать немецкую и германскую историю. Кроме этого «трансформация борьбы» говорила о том, что после уничтожения коммунистического подполья гестапо задумало вести работу против «духовных врагов» и «подстрекателей». В 1936 году Гейдрих и его сотрудники обобщили эти идеи, которые вылились в четыре основных пункта. Во-первых, с «политическими противниками» (евреями, масонами и политизированными священниками) должна была вестись всеобъемлющая борьба, которая во многом должна была иметь превентивный характер. Во-вторых, политическая полиция в своей деятельности не должна была быть ограничена законом. В-третьих, гестапо, СД и общие СС должны были слиться, создав «охранный государственный корпус». В-четвертых, надо было проявлять «неприступную твердость» в отношении тех, кто мешал работе рейхсфюрера СС.

Контуры этой программы были впервые озвучены Генрихом Гиммлером 12 ноября 1935 года в Госларе, где происходил съезд немецких крестьян. Он заявил, что «СС должны позаботиться о том, чтобы в Германии, в самом сердце Европы, внутренние враги или внешние эмиссары больше никогда не смогли разжечь

огонь недочеловеческой еврейско-большевистской революции». «Мы будем всё знать об этих силах, об их существовании, об их даже самых незначительных действиях. И если они существовали десятилетия и даже тысячелетия, то это не помешает нам сегодня занести над ними безжалостный меч правосудия». В своем выступлении перед Прусским государственным советом Гиммлер вновь охотно употреблял слова «суровый» и «безжалостный». Он заявлял: «Мнение о том, что политическая борьба против противников: еврейства, большевизма, прожидовленного масонства и тому подобных сил, которые противились возрождению Новой Германии, окончена, по моему мнению, является глубочайшим заблуждением. Вероятно, Германия стоит только на пороге решающего мирового столкновения с этими недочеловеческими силами». Гиммлер впервые публично использовал формулу, которую он считал удачной для обозначения конгломерата всех будущих «противников Германии».

Одновременно с этим Гиммлер пытается задействовать Гитлера, чьи решения автоматически возводились в ранг закона. Так, например, в июне 1936 года Гиммлер смог убедить фюрера в том, что охрану лагерей надо было превратить в самостоятельное воинское формирование. 18 октября 1935 года Гитлер (опять же, с подачи Гиммлера) решает, что вся немецкая полиция должна быть реорганизована и подчинена рейхсфюреру СС. Однако Гиммлер получит новое назначение только лишь девять месяцев спустя. Только в 1936 году он станет именоваться рейхсфюрером СС и шефом немецкой полиции. До этого времени Гитлера пытался переубедить Фрик, который вынашивал собственные планы. Он предполагал, что гестапо должно было вернуться в состав общего полицейского аппарата, подчиненного министерству внутренних дел. На самом деле в октябре 1935 года Гиммлер смог добиться много большего, нежели просто контроля над немецкой полицией. Он смог получить «благословение»

фюрера на деятельность офицерских училищ СС, а также возможное расширение частей СС оперативного реагирования.

Гиммлер возглавил немецкую полицию 17 июня 1936 года. Полностью его должность называлась «рейхсфюрер СС и шеф немецкой полиции в Имперском министерстве внутренних дел». Формальное подчинение Гиммлера Фрику не имело никаких последствий. Если кто-то полагал, что эсэсовцы окажутся прикрепленными к полиции, то на практике оказалось все с точностью до наоборот — именно полиция оказалась прикрепленной к структуре СС. Именно с этого момента можно было говорить о складывании централизованного репрессивного аппарата. Произошло то, чего так опасались многие из земельных функционеров, — они утратили свое влияние. В свое время они поддерживали Гиммлера, так как полагали, что смогут обезопасить тем самым свои «земельные княжества», но именно Гиммлер положил конец их «автономии» от Берлина.

Глава 15. «Охранный корпус» против «врагов рейха»

При любой диктатуре глава полицейского аппарата должен противостоять мнимым и настоящим противникам режима. При любой диктатуре глава полиции (или аналогичного ведомства), с одной стороны, должен постоянно подтверждать наличие у режима противников, с другой — должен постоянно демонстрировать успешную борьбу с этими противниками. По мнению многих исследователей, проблема состоит в том, чтобы объявляемая угроза и осуществляемые репрессии находились в «адекватном соотношении». Если репрессии будут слишком «успешными», то это ослабит позиции главы полиции, так как автоматически отпадет необходимость в его «услугах». Если «угроза», исходящая от противников, не будет (хотя бы на словах) уменьшаться, или более того, постоянно нарастать, то автоматически возникнет вопрос об эффективности применяемых

мер, равно как о соответствии шефа полиции занимаемой должности. Со структурной точки зрения глава полиции в условиях диктатуры должен находить «правильный баланс» между потенциальной угрозой и успешными контрмерами, которые эту угрозу должны нейтрализовать.

Если посмотреть на Третий рейх и, в частности, на ситуацию, в которой оказался Гиммлер в 30-е годы, то картина выглядит следующим образом. Поначалу главными противниками национал-социалистов были коммунисты. В 1933 году сводки из СД и гестапо постоянно указывали на «коммунистическую угрозу», что являлось поводом для ожесточенного преследования участников коммунистического движения. Однако эту карту нельзя было разыгрывать до бесконечности. В противном случае могло сложиться впечатление, что вся Германия состояла только лишь из коммунистов, либо же карательные органы не справлялись с поставленной перед ними задачей. Остаться без «противников» для Гиммлера означало ослабить свои властные позиции. Было только две возможности выхода из данной ситуации. С одной стороны, существенно расширить список противников режима, с другой стороны, взять курс на «превентивную оборону». Если не брать в расчет реальные действия действительно существовавшего антифашистского сопротивления, то главные усилия СД, гестапо и общих СС должны были быть сосредоточены в среднесрочной и долгосрочной перспективе на выявлении потенциальных очагов недовольства. Поскольку исходившая из этих очагов угроза была по большому счету мнимой, то во многом восприятие и оценка эффективности карательных органов зависели от того, насколько убедительно был бы навязан населению образ противника и исходившей от него опасности.

Когда осенью 193 5 года Гиммлер получил от фюрера принципиальное согласие на ведение «предупредительной

деятельности», то он задумал осуществление этой репрессивной программы на нескольких уровнях. Во-первых, Гиммлер планировал изобразить борьбу против коммунистов не как преследование и аресты, а как превентивные меры обороны.

Только так можно было объяснить, почему неуклонно росло количество арестованных коммунистов. Борьба против коммунизма должна была быть оправдана не действиями антифашистского сопротивления, а якобы имевшимися в «народном сообществе» «коммунистическими подстрекателями» и «возмутителями спокойствия». Отдельное внимание надо было обратить на интеллектуалов, которые выражали сочувствие коммунистам и другим «антинациональным силам». В данном случае под видом борьбы с «коммунистической угрозой» можно было бы организовать преследование евреев или оппозиционно настроенных священников. Так постепенно происходил перенос вектора репрессий. Принимая во внимание, что к 1937 году национал-социалисты временно прекратили борьбу с церковью, то автоматически усилилось преследование евреев.

Во-вторых, Гиммлер пытался применить практику «превентивной обороны» к самым безвредным формам общественного недовольства, которые даже нельзя было классифицировать как сопротивление. Речь идет о распространении слухов, о рассказанных анекдотах, о шутках, касавшихся национал-социалистического режима и руководителей НСДАП, о публичной демонстрации недовольства «Новой Германией», о приверженности либерально-церковным принципам и т. д. Данные «угрозы» якобы могли причинить вред «сплоченности народа». Оправдание вмешательства гестапо и полиции в данном случае находилось во фразе о том, что они являлись «хранителями народного сообщества».

В-третьих, Гиммлер пытался представить в новом свете традиционные полицейские функции, а именно борьбу с преступностью и криминалом. На этот раз преступник становился таковым не в силу социальных факторов, а по причине своих «расово-биологических аномалий». В данном случае предупредительное устранение этих «расово-биологических аномалий» должно было стать почвой для существенного сокращения преступности в Германии. И, наконец, Гиммлер планировал поручить полиции борьбу против «заразы, угрожающей народу». Под этим словосочетанием он подразумевал аборты и гомосексуализм, которые «угрожали» расовым и биологическим качествам немецкого народа, равно как и мешали его приумножению.

Поскольку планировался переход к практике «превентивной обороны», то автоматически должна была произойти переориентация традиционной деятельности полиции. Интегрированная в репрессивный аппарат полиция должна была ориентироваться на новое «разделение труда». Так как борьба с преступностью превращалась в «логичное» продолжение политического террора, то гестапо получало определенный приоритет. Однако если ранее при осуществлении политического террора обычная полиция выполняла второстепенную («вспомогательную») роль, то теперь она должна была заниматься в теснейшей связке с гестапо и СД выявлением «потенциальных угроз». Обязательная мировоззренческая подготовка полицейских, также применение расово-биологических критериев при отборе на работу приводили к тому, что полиция оказалась фактически влитой в состав СС. В 1936 году Гиммлер получил контроль над всем полицейским аппаратом рейха не просто как над организационной структурой, но смог добиться новой компетенции, что, собственно, позволило ему слить СС и полицию. Гиммлер не просто реорганизовывал полицейский и репрессивный аппарат, но действительно создавал

«охранный государственный корпус», который должен был устранять все помехи и «угрозы», мешавшие развитию «арийской расы» и немецкого народа.

Когда в июне 1936 года Генрих Гиммлер вступал в должность шефа немецкой полиции, он произнес во дворе Имперского министерства внутренних дел речь, в которой попытался оправдать реорганизацию полицейского аппарата. В своем выступлении он делал акцент на предстоящем столкновении с внешними противниками национал-социализма. «Находясь в самом сердце Европы, мы окружены со всех сторон. По всем границам нас окружает мир, который все больше и больше проникается духом большевизма, в котором неуклонно усиливается власть евреев, в котором грядет тирания разрушительного большевизма. Непростительной вольностью и ошибкой является мысль о том, что эти процессы закончатся в ближайшие годы. Мы должны ориентироваться на то, что эта борьба будет длиться по меньшей мере столько, сколько длится жизнь одного человека. Это очень древняя борьба между людьми и недолюдьми в современных условиях приобретает формы столкновения арийских народов с евреями и их марионетками — большевиками. **Я** вижу свою задачу в том, чтобы подготовить весь народ. Если вермахт охраняет наши границы от внешних врагов, то полиция, слитая с орденом охранных отрядов, должна стать организацией, обеспечивающей безопасность рейха изнутри».

Мысль о соединении с «орденом СС» красной нитью проходила во многих выступлениях Гиммлера. Несколько недель спустя Гиммлер вновь вернулся к этой теме в своей статье, которая была опубликована в «Вестнике Академии немецкого права». В этом материале Гиммлер заявлял, что программа «охранного государственного корпуса», изначально исполнявшаяся СС и политической полицией, могла быть завершена только при

условии, что полиция будет объединена с СС. Гиммлер недвусмысленно намекал, что после его назначения шефом немецкой полиции не гестапо вольется обратно в полицейский аппарат, но, напротив, полиция последует по ранее намеченному для гестапо пути. Полиция должна была избавиться от традиционной управленческой структуры, после чего на новых принципах стала бы совместно с СС частью «охранного государственного корпуса».

Несколько месяцев спустя Гиммлер стал активно продвигать в жизнь новую, еще более радикальную идею. Он активно пропагандировал необходимость отказа полиции от действий по представлению прокуратуры. Гиммлер в союзе с Вернером Бестом и Гейдрихом несколько лет добивался того, чтобы гестапо получило особый, неподконтрольный государству статус. Теперь он планировал применить эту практику неподконтрольности ко всей полиции. Что весьма характерно, свое полное пренебрежение к существующим законам, отказ от прокурорских представлений, презрение к принципам сохранения правопорядка Гиммлер открыто демонстрировал в октябре 1936 года во время заседания Комитета по полицейскому праву. На все возражения Гиммлер только лишь замечал, что немцы со своей склонностью к регламентированию, к строгому следованию установленным порядкам «выработали два типа людей: чиновников и солдат». При этом он подчеркивал, что полицейские не были ни солдатами, ни чиновниками. Они должны были стать новым типом людей — «солдатскими чиновниками».

Связь между чиновничеством и военнослужащими Гиммлер стал превозносить приблизительно за полгода до этого. Это произошло в марте 1936 года, когда рейхсфюрер СС выступал перед Прусским государственным советом. Тогда он характеризовал единение этих двух типов как основу для гестапо. Однако со временем Гиммлер все-таки решил внести коррективы

в свои идеи. Осенью 1936 года он провозглашал, что «солдатское чиновничество» должно было стать моделью для всей немецкой полиции. «Обычно это является уделом целых поколений на протяжении веков. Однако нечиновничья и несолдатская организация СС, напоминающая орден и построенная на признании крови, будет содействовать этому воспитанию».

В марте 1937 года Гиммлер вновь дал публичную трактовку новых заданий полиции. Поводом для этого стала подготовка юбилейного сборника, выпуск которого был приурочен к 60-летию Вильгельма Фрика, главного конкурента Гиммлера в «полицейском вопросе». Гиммлер написал для сборника статью, в которой рассуждал о «легальности неправового государства». В частности, рейхсфюрер СС указывал на то, что деятельность полиции принципиально не могла регламентироваться и ограничиваться законами. Согласно представлениям Гиммлера, на полицию должны были быть возложены две основные обязанности: «а) полиция должна была осуществлять волю руководства государством и создавать желаемый данным руководством порядок, поддерживать его; б) полиция должна была гарантировать существование немецкого народа как целого и естественного организма, поддерживать его жизненные силы, оберегать народные институты от разрушения и разложения». По этой причине права полиции, перед которой были поставлены столь ответственные задачи, «не могут быть ограничены формальными требованиями, так как подобные препятствия противоречили бы приказам государственного руководства». Подобно вермахту, полиция «могла и должна действовать согласно полученным приказам, а не согласно законам». После этого Гиммлер пытался провести грань между функциональными обязанностями полиции порядка и полиции безопасности.

В то время как первая преимущественно отвечала за «поддержание общественного порядка», перед второй были

поставлены «охранные задачи по отражению агрессии всех сил, которые бы могли ослабить здоровье, подорвать жизненные силы народа и дееспособность государства». При этом уголовная полиция должна была проявлять интерес к тем людям, «которые в силу физического или психического вырождения отказались от естественной связи с народным сообществом и предпочли следовать только за собственными интересами, что могло в итоге подорвать безопасность народа и народного сообщества». Предполагалось, что подобные преступные элементы могли стать «инструментами в руках мировоззренческих и политических врагов немецкого народа, будучи использованными для подрыва единства немецкого народа и разрушения государственной власти».

Во вступлении к указанному юбилейному сборнику Гейдрих увязывал идеи Гиммлера о «защитных задачах полиции безопасности» с так называемым наступательным компонентом. Полиция безопасности должна была «наступательно заглядывать вперед, анализировать все подрывные элементы, чтобы имелась возможность их вовремя обезопасить». Гейдрих указывал на непосредственную связь между обычными уголовными преступлениями и политической угрозой. «Недочеловек угрожает здоровью и жизни народного организма двумя способами. С одной стороны, он может выступать в роли преступника, нарушающего общественный порядок. В то же время он может находиться в распоряжении антинародных сил, становясь орудием по осуществлению их планов». По словам Гейдриха, мировоззренческое и духовное противодействие национал-социализму связано с «недочеловечностью, которая всегда склонна к беспорядкам». Предполагалось, что масоны, евреи, католики могут «использовать любые преступные группы, которые хоть как-то намерены осуществить вредные для немецкого народа устремления».

В этом описании деятельности полиции безопасности всё оказалось смешанным друг с другом: борьба с уголовщиной и преступностью, борьба с «недочеловечностью», борьба с общественными беспорядками, борьба с масонами, евреями, католиками. Причем эта борьба должна была вестись, что называется, «на опережение». Едва ли можно более наглядно показать, что политика «превентивной безопасности» предполагала наличие врагов самого различного характера.

Как и стоило предполагать, чтобы справиться с этим «могущественным вражеским альянсом», немецкой полиции требовалась ничем не ограниченная власть и фактически безграничные полномочия. В итоге требования Гиммлера и Гейдриха были удовлетворены — полиция в своей деятельности могла не опираться на законы. При этом в самом полицейском праве не проводилось какого-то пересмотра заданий, поставленных перед полицией. До 1945 года для этого имелось некое «правовое основание». В качестве такового выступали чрезвычайные декреты, которые были одобрены рейхстагом после его поджога в феврале 1933 года. По большому счету немецкая полиция, руководство которой было поручено Генриху Гиммлеру в 1936 году, на протяжении нескольких лет пребывала в постоянном чрезвычайном положении.

Во всех своих публичных заявлениях, которые касались деятельности немецкой полиции, Гиммлер не упускал возможности упомянуть о «последовательности» и «твердости» гестапо и СС в отношении «врагов народа и государства». Сам рейхсфюрер СС никогда не скрывал, что охранные отряды «не были слишком популярны среди населения». Это отнюдь не смущало его. Напротив, скорее всего, Гиммлер намеренно пытался окружить комплекс, связанный с СС, гестапо и концентрационными лагерями, неким налетом страха и ужаса. Еще в ноябре 1935 года на съезде крестьян в Госларе он

признавал, что «в Германии еще имеются некоторые люди, которым становится дурно при виде черного мундира». «Мы относимся к этому с пониманием и не ожидаем, что сможем снискать любовь абсолютно всех. Нам важно уважение тех людей, которым по сердцу наша Германия. Нас должны бояться те, у кого нечистая совесть, кто когда-то и как-то провинился перед фюрером и нацией». Столь жесткие и откровенные фразы Гиммлер позволял себе отнюдь не редко. В своем обращении по радио, которое транслировалось в январе 1937 года по случаю празднования Дня немецкой полиции, он говорил о том, что видел основную задачу полиции в том, чтобы «навредить всем злонамеренным врагам и противникам национал-социалистического государства». Гиммлер подчеркивал, что ему было безразлично, кто являлся противником Германии: «апостолы Москвы», «неисправимые реакционеры» или «конфессиональные зануды». После этого продолжал: «Лучше быть непонятыми единицами, быть ненавидимыми несколькими врагами, однако, несмотря на это, выполнить свой долг перед Германией».

Подобные воинственные заявления обычно компенсировались фразами о том, что «нормальный немец не должен был опасаться гестапо». Дескать, с нормальным человеком в гестапо будут обходиться «корректно и справедливо». Подобное противоречивое изображение деятельности полиции и гестапо нашло даже свою лексическую формулу, которая была озвучена Гиммлером во время радиообращения ко Дню немецкой полиции. «Быть жесткими и неуступчивыми там, где это требуется, понимающими и великодушными там, где это нужно».

Национал-социалисты начиная с 1933 года постоянно публично подчеркивали, что будут бесцеремонными и жесткими в отношении политических противников. Сначала едва ли не детально изображался разгром коммунистического и

марксистского лагеря. Однако к середине 30-х годов акцент был сделан на других моментах. Теперь Гиммлер предпочитал говорить о том, что полиция в целом и полиция безопасности в первую очередь находились на страже «народного сообщества», пытаясь в зародыше подавлять всякое сопротивление и «антинародные поползновения». При этом открыто озвучивалась идея «полицейской юстиции», что на практике означало возможность наказания любого человека, который являлся действительным или мнимым противником национал-социализма. Но все-таки нельзя не заметить, что после того, как Гиммлер встал во главе немецкой полиции, все чаще и чаще стали раздаваться слова о том, что полицейский был в первую очередь «другом и помощником». Гиммлер превратил эту фразу едва ли не в официальный слоган национал-социалистической полиции, чем, наверное, хотел подчеркнуть «большую моральную ответственность», которая возлагалась на немецких полицейских. В немецком обществе формировался некий миф о полиции, в первую очередь о «вездесущем гестапо». Во многом это делалось благодаря средствам массовой информации. Весьма интересный факт: начиная с 1937 года, День немецкой полиции продолжался почти неделю. За эту неделю на население выплескивалась масса информации, которая способствовала складыванию «полицейского мифа».

«Понимающая и великодушная» полиция в представлениях Гиммлера должна была опираться на «действительную и осознанную помощь каждого немецкого народного товарища». Рейхсфюрер СС не раз призывал к этому. А потому может показаться вдвойне странным, что в итоге Гиммлер был весьма недоволен тем объемом «помощи», который предоставлялся немецкой полиции в ее ежедневной работе. Третий рейх оказался просто завален доносами и анонимками. Во время своего выступления на празднике летнего солнцестояния 1936 года в Брокене Генрих Гиммлер едва ли не возмущенно заявил: «Как раз

полиции и службе безопасности становится понятным, что Германия — это самое большое скопление слухов и сплетен, которое только может иметься в природе. Иногда требуется истинное искусство, чтобы сохранить уважение к людям, которые постоянно доносят друг на друга, демонстрируя миру собственное слабоумие. В Германии можно вообще обойтись без тайных агентов — всё и так можно узнать из доносов».

Немецкие исследователи истории гестапо с цифрами на руках показывали правдивость слов Гиммлера. Так, например, в Дюссельдорфе только 15 % следственных случаев было инициировано собственно гестапо. На доносы же приходилось 26 %. Приблизительно такую же картину можно было наблюдать и других городах.

Впрочем, в указанный период Гиммлера волновала не только проблема противников режима. Он искал поводы для того, чтобы предельно незаметно провести расширение частей СС оперативного реагирования. 1 октября 1936 года он создал инспекцию частей оперативного реагирования, которая должна была подчиняться Главному управлению СС. Во главе этой инспекции Гиммлер поставил Пауля Хауссера, который был начальником офицерского училища СС в Брауншвейге. Кроме этого рейхсфюрер распорядился создать кроме «Лейбштандарта» еще две новых полковых группы — эсэсовские штандарты «Дойчланд» и «Германия». После того как произошел аншлюс Австрии и эта европейская страна была присоединена к Третьему рейху, был создан венский штандарт СС «Фюрер». К этому надо добавить принципиальное расширение вооруженных формирований СС «Мертвая голова», что было неизбежным следствием увеличения числа концентрационных лагерей. В апреле 1937 года «Мертвая голова» насчитывала три вооруженных штандарта.

17 августа 1938 года Гиммлеру удалось убедить Гитлера в необходимости изменения статуса частей СС оперативного реагирования. Отныне части СС являлись не формированиями вермахта, но подразделениями полиции. Они были провозглашены «постоянными вооруженными частями». Однако если части «Мертвой головы» служили «для выполнения специальных заданий полицейского характера», то части СС оперативного реагирования находились в «исключительном распоряжении фюрера». Нельзя сказать, что статус частей СС стал более определенным, чем это было обозначено в 1934 году. На тот период было ясно, что части СС предназначались для выполнения «внутриполитических функций», а в случае войны они подчинялись командованию вермахта. Пытаясь не вызывать излишних подозрений, Гиммлер даже в январе 1937 года заверял армейских офицеров, что в случае начала войны был готов предоставить в распоряжение вермахта полицейские части, а из штандартов «Мертвой головы» сформировать «корпус быстрого развертывания». Однако во время того же самого выступления он подчеркнул, что кроме классических театров боевых действий (на суше, в воздухе и на море) будет существовать «четвертый фронт», а именно «внутригерманский театр боевых действий». Гиммлер выражал убежденность в том, что в предстоящей войне между внешними боевыми действиями и сохранением порядка внутри страны вообще не должно быть никаких принципиальных различий. В соответствии с этими представлениями он строил свой «охранный государственный корпус».

Аналогичную мысль Гиммлер высказал 8 ноября 1938 года, когда он выступал перед группенфюрерами СС. Он еще раз говорил о том, что между внутриполитическими функциями СС и ведением боевых действий на фронте не было никакой разницы. «Общая задача СС заключается в том, чтобы вместе с полицией обеспечивать безопасность Германии внутри страны. Задание может быть выполнимо только тогда, когда часть охранных

отрядов находится на фронте… Если не понесем потерь на фронте, не будем сражаться с врагами, то у нас не будет морального права стрелять в людей внутри страны. Мы не сможем расстреливать трусов и дезертиров. Для этого и существуют части СС оперативного реагирования, перед которыми поставлено прекрасное задание — оказаться на поле битвы». В дальнейшем Гиммлер заявил о намерении создать собственный армейский корпус, а отнюдь не полноценную дивизию, как это планировалось в 1934 году. Очевидно, что рейхсфюрер не намеревался предоставлять вермахту части СС в качестве «вспомогательных подразделений». На это указывало и само развитие частей СС. В период с января 1935-го по декабрь 1936 года их численность увеличилась с 5 тысяч до 14 тысяч человек. Одновременно с этим численность подразделений «Мертвой головы» увеличилась с 2 тысяч до 9 тысяч человек.

Гиммлер изначально планировал части СС как нечто особое. Во время встречи по поводу очередной годовщины «пивного путча» он заявил 8 ноября 1938 года группенфюрерам СС: «Я сказал командиру штандарта “Дойчланд”, что полагаю правильным, если не будет ни одного пленного эсэсовца. Он должен будет покончить с собой. Мы тоже не будем брать никого в плен. Война будущего — это не перестрелка, а столкновение народов не на жизнь, а на смерть… Если речь идет о жизни нашего народа, мы должны быть лишены всякого сострадания. Нам должно быть безразлично, если в городе погибнут тысячи людей. Но мы должны быть готовы к тому, что погибнем сами. Если потребуется, я сделаю это сам и ожидаю от вас такого же поступка».

Глава 16. «Орден» и его «магистр»

Генрих Гиммлер не раз характеризовал СС как «орден». Это была не простая метафора. Обладая собственным мировоззрением,

ритуалами, осознанием элитности, СС действительно походили на рыцарский орден, в котором магистром был рейхсфюрер. Гиммлер даже смог выработать свой собственный стиль руководства. Он замкнул СС исключительно на себя. Мировоззрение, которое должны были разделять эсэсовцы, было мировоззрением Гиммлера. Сам он себя полагал не просто руководителем, но попечителем и воспитателем эсэсовцев. Гиммлер определял не только принципы, которым должны были следовать служащие СС, но даже пытался регламентировать их личную жизнь. Весь аппарат СС, отличавшийся изрядной запутанностью, был выстроен так, что им мог управлять только Генрих Гиммлер. Разделив полномочия между начальниками нескольких главных управлений СС, Гиммлер сделал все возможное, чтобы структура охранных отрядов не распалась на автономные организации. При этом он не имел ни заместителя, который бы имел право принимать решение в отсутствие рейхсфюрера СС, ни некого коллегиального органа, который бы регулярно собирался на совещания. Беседы с отдельными группенфюрерами СС были по большому счету односторонними — высшие офицеры СС должны были внимать воззваниям Гиммлера. Тот же предпочитал не ограничиваться принятием генеральных решений, нередко он вмешивался даже в самые незначительные дела. Это выглядело несколько парадоксальным, когда один из властителей Третьего рейха определял, каким шрифтом должна была быть напечатана та или иная книга, или занимался изучением личных дел отнюдь не самых высокопоставленных эсэсовцев. Однако вопреки распространенному в исторической литературе мнению, Гиммлер не был бюрократом. Педантичность была чертой характера, которая прослеживалась у него едва ли не с детства. Но бюрократизм был ему чужд. Гиммлер не хотел создавать застывшую управленческую структуру, которая бы в своей деятельности руководствовалась некими директивами и четко сформулированными правилами. Он по собственному опыту

знал, что бюрократические ведомства в силу своей природы ограничивают свободу действий даже руководителей, делая их предсказуемыми. Гиммлер же, напротив, пытался быть совершенно непредсказуемым. Он прекрасно понимал, что спонтанность действий, помноженная на его скрытность, в борьбе за власть становились не столько недостатком, сколько козырем.

Подобный стиль руководства определялся патологическим недоверием Гиммлера, его потребностью полностью контролировать ситуацию и неспособностью делегировать полномочия другим людям. Гиммлер пытался лично руководить неуклонно растущим аппаратом, нередко утопая в бесчисленных решениях частных проблем и незначительных указаниях. Как уже говорилось выше, во многих случаях он предпочитал оставлять за собой право решения не самых принципиальных вопросов. Рейхсфюрер СС бесконечно информировал, советовал, порицал и приказывал. Он не считал, что детали и мелкие проблемы не имели значения. Обычно в своем рабочем офисе Гиммлер появлялся около 10 часов утра. Если не было необходимости совершать поездки по стране, то он мог задержаться на работе до 2 часов ночи, изредка прерываясь на обед и ужин. Но все-таки он предпочитал руководить СС не из-за письменного стола, а пребывая, так сказать, на «месте происшествия». Подобный образ действий он рекомендовал и всем своим подчиненным. Так, например, на встрече с руководителями СС и полиции, которая происходила 16 сентября 1942 года, он заявлял: «Не может быть случайностью, что если я направляюсь куда-то, то решаю большое количество проблем. **Я** делаю это не в Берлине, но еду в Люблин, Лемберг, Ревель и т. д. И тогда на месте за вечер я могу принять восемь, десять или двенадцать принципиальных решений. Поступайте таким же образом!»

За время всего своего пребывания в рядах НСДАП Гиммлер постоянно находился в разъездах. Как помощник гауляйтера в «боевые» 20-е годы он на мотоцикле изъездил всю Нижнюю Баварию; как заместитель имперского руководителя пропаганды он проехал на поезде по всем землям Германии; в должности рейхсфюрера СС он предпочитал использовать специальный поезд, самолет или легковой вездеход, которые доставляли его во многие уголки Европы. Когда началась Вторая мировая война, Гиммлеру доставляло несказанное удовольствие с небольшой группой своих «паладинов» инспектировать оккупированные территории, на которых можно было заметить следы недавних боев. В таких случаях он предпочитал сам садиться за руль. На фотографиях, которые Гиммлер во время войны посылал своей дочери Гудрун в Гмюнд на Тагернзее, его нельзя было найти запечатленным за письменным столом. Но имеется множество снимков, где Гиммлер запечатлен беседующим с кем-то, совершающим поездку, выступающим, инспектирующим. Именно таким и хотел видеть себя рейхсфюрер СС: коммуникабельным, оперативным. Он хотел предстать руководителем, который был в курсе всех дел, который полностью контролировал ситуацию, который был готов разделить лишения со своими эсэсовцами.

Гиммлер почти всю свою жизнь заботился о том, чтобы предстать в «солдатском» виде. А потому он выбрал и подходящий для этого стиль руководства. Чтобы придать убедительность своему (во многом выдуманному) образу, он даже не брезговал легкой «корректировкой» своей биографии. Так, например, во время выступления в 1936 году на празднике летнего солнцестояния он затронул тему злоупотребления алкоголем. Пытаясь предстать бывалым воякой, Гиммлер с легким пренебрежением выразил понимание этого порока: «Нас, участвовавших в войне и являющихся представителями солдатского поколения, могли бы характеризовать как

фронтовиков-выпивох и обжор. **Я** могу вас заверить, что когда принимаешь участие в боях и не знаешь, что ждет тебя в следующие несколько часов, очень легко пристраститься к табаку и алкоголю». А в мае 1944 года он заявил генералу вермахта: «В 1917 году я стал фаненюнкером и встретил в этом звании революцию».

В официальных биографиях и биографических статьях, которые печатала немецкая пресса, Гиммлер представал фронтовиком. Напомним — Гиммлер оказался в армии всего лишь в 1918 году, не принимал участия ни в каких боях, а во время революционных потрясений вообще находился дома. За этой военной «деловитостью» и «трезвостью» Гиммлер, как и ранее, пытался скрыть неуклюжесть в общении с другими людьми. Он пытался преподнести качества, которые служили для его «маскировки», как обусловленные его профессией «добродетели». Он не раз говорил об этом как с высоких трибун, так и в частных беседах. В 1933 году он писал в одно из немецких издательств: «Не злитесь на меня за то, что отказал Вам в издании моей биографии. Вы должны знать, насколько мне неприятно фотографироваться, давать интервью. Для меня написание биографии является чем-то вроде медленного удаления зуба».

Кроме этого Гиммлер всегда хотел быть образцом «порядочности» и «корректности». Так, например, он принципиально отказывался брать в эсэсовском казино в Берлине бесплатные сигареты, постоянно настаивая на том, что должен за них заплатить. Он отвергал приглашения от состоятельных бизнесменов и промышленников посетить ресторан за их счет. Кроме этого Гиммлер был принципиальным противником того, чтобы поездки его семьи оплачивались из бюджета СС. Гиммлер был настолько педантичным, что постоянно вычислял, сколько должен был дать «на чай». В общении с сотрудниками, посетителями, хозяевами домов (во время инспекций и

командировок) он заботился о том, чтобы быть предельно приветливым и неприхотливым за столом. Телохранитель Гиммлера Йозеф Кирмайер после войны свидетельствовал: «При близком рассмотрении рейхсфюрер СС казался очень человечным и открытым. Он был любезен и вежлив почти с каждым, но только до тех пор, пока он был убежден в необходимости этого».

На самом деле поведение Гиммлера могло очень быстро измениться. Отто Вагнер, который во время «эпохи борьбы» был одним из ключевых функционеров НСДАП, вспоминал, что Гиммлер мог внезапно превратиться из вежливого и любезного в «ироничного, саркастичного и циничного человека». Согласно описанию Альберта Шпеера, Гиммлер никогда не был действительно любезным, а «лишь вынужденным вести себя корректно», то есть он имитировал приветливость. Эта показная вежливость, граничившая с двуличием, была выражена в весьма специфической привычке Гиммлера — он вел специальную картотеку, в которой фиксировал, кому и когда сделал подарки.

Принимая во внимание специфику характера Гиммлера, не было ничего удивительного в том, что он сам поначалу стал разрабатывать критерии, которые применялись к желающим вступить в СС. Еще до прихода к власти национал-социалистов он установил, что кандидаты на вступление в СС должны были быть ростом не меньше 174,5 сантиметров («без обуви» — пояснял рейхсфюрер СС). Впрочем, позже эталон роста будущих эсэсовцев снизился до 170 сантиметров. Кроме этого с 1933 года все кандидаты на вступление в СС проверялись на предмет «наследственного здоровья» и «арийского происхождения». Показательно, что эта система была полутора годами ранее разработана исключительно для невест эсэсовских офицеров, которые желали вступить в брак. Ветераны охранных отрядов проходили эту процедуру, что называется, «задним числом». Во

время этого процесса люди должны были предоставить свою родословную по 1750 год включительно. В ней не должно было значиться никаких «неарийских предков». Гиммлер хотел было даже увеличить продолжительность составления родословной до 1650 года. На празднике летнего солнцестояния в 1936 году он заявил, что поскольку подобные генеалогические изыскания были связаны со значительными издержками, то эта дата должна была учитываться только руководителями СС. Если же в родословной находились предки «неарийского происхождения», этого человека принципиально исключали из СС.

Расовое освидетельствование кандидатов на вступление в СС состояло из множества пунктов: гигиенического обследования, изучения внешнего вида кандидата и т. д. Принимались в расчет внешний вид и осанка. Проверка завершалась оценкой интеллектуальных и спортивных способностей. Во всех спорных случаях принимать решение предпочитал сам Гиммлер. Рейхсфюрер не раз вмешивался в процесс оценки кандидатов на вступление в СС. Так, например, в 1938 году он постановил, что при освидетельствовании можно было быть снисходительными к дефектам зрения. Спорные случаи, опять же, передавались лично Гиммлеру. Так, например, один из желавших вступить в СС в аварии потерял глаз. Кроме этого в мае 1935 года Гиммлер постановил, что в случаях, когда речь шла о приеме на работу в СД, можно было предельно смягчать требования, предъявляемые к кандидатам. Позже эта практика была распространена и на гестапо. Казалось бы, при приеме в СС происходил очень серьезный отсев. В 1937 году, во время выступления перед офицерами вермахта, Гиммлер утверждал, что в рядах охранных отрядов оказывалось лишь 10–15 % от общего количества кандидатов. Но на практике все выглядело несколько иначе. Если где-то и принимали только 10–15 % желающих вступить в СС, то, например, в оберабшнитте «Эльба» в 1935–1936 годах эта цифра составляла 75–80 %. Тем не менее расовое и физическое

освидетельствование кандидатов на вступление в СС сохранялось вплоть до начала Второй мировой войны. В декабре 1939 года Гиммлер решил несколько «усовершенствовать» этот процесс и издал приказ о введении специальных «расовых карт». Изменение практики вовсе не значило ее отмену. Когда в годы войны начальник расового управления СС Бруно Курт Шульц предложил ограничиться предоставлением родословной, охватывающей всего лишь шесть поколений предков, то Гиммлер был предельно возмущен, после чего снял Шульца с его поста.

В своих представлениях Гиммлер даже создал некий образ идеальной карьеры служащего СС. Он поделился своими мыслями в 1935 году, во время встречи с силезскими офицерами СС: «В будущем к членам СС будут предъявляться самые строгие требования, которые будут строже от года к году. В 18 лет он становится кандидатом, после чего в течение года будет проходить школу у нас. Он будет нести службу четыре дня в неделю и два раза в месяц по выходным. Со временем станет ясно, насколько этот молодой человек пригоден, насколько можно его подготовить с мировоззренческой точки зрения». После этого молодому человеку предстояло пройти стандартную для многих биографию — некоторое время отбывать имперскую трудовую повинность, затем пройти службу в армии. Если после этого он планировал вернуться в СС, то должен был еще 15 месяцев пробыть в статусе кандидата. Только после этого его могли бы принять в СС. Затем в возрасте до 25 лет молодой человек должен был пребывать в рядах общих СС, после чего он переходил в 1-й резерв. В возрасте с 35 до 40 лет он числился во 2-м резерве. По достижении 45 лет он переходил на кадровую службу. По мнению Гиммлера, выбывание из СС по возрасту не было возможно — это была пожизненная обязанность.

В ноябре 193 8 года Гиммлер заявил начальнику управления обучения СС, который пришел к рейхсфюреру с докладом: «Я

поставил перед собой проблему нашего поведения, этические вопросы; вопросы, связанные с отношением к роду, семье, народу и государству». Чтобы дать недвусмысленные ответы на эти «этические вопросы», Гиммлер не раз произносил перед служащими СС речи, в которых воспроизводил форменный «каталог добродетелей эсэсовца».

В центре этого «этического комплекса» находилось понятие «верность», которое трактовалось исключительно как преданность. Кроме этого Гиммлер превозносил такие качества, как «послушание», «товарищество», «смелость», «правдивость», «усердие», «исполнение долга». Однако из речи в речь он призывал эсэсовцев к «порядочности»! По большому счету все эти понятия можно было и не закавычивать, если бы они не имели специфической эсэсовской трактовки. «Верность» означала добровольное и полное подчинение фюреру, что на практике означало повиновение лично Гиммлеру. «Верность» трактовалась исключительно как расовое качество, которое было присуще исключительно «истинным германцам». «Верность» не могла иметь рационального объяснения, а была неким эмоциональным состоянием или, как любил выражаться Гиммлер, «делом сердца». Именно «верность» была базой, на которой должны были выстраиваться отношения руководителя и подчиненного, офицера и солдата.

В первую очередь эсэсовцы должны были быть преданными Адольфу Гитлеру. В 1937 году в «Направляющих тетрадях СС» друг Гиммлера поэт и оберфюрер СС Ганс Иост писал: «Политическое вероисповедание СС — это Адольф Гитлер. Понятие о чести является железной магией верности нашего ордена, который присягнул на верность этому человеку. Орден предназначен для служения. И это служение обессмертит Адольфа Гитлера и его волю». Гиммлер выражал эту идею более прозаично: «Фюрер всегда прав. Неважно, говорит ли он о

вечерних костюмах, о бункерах или об имперских автобанах». «Верность» являлось едва ли не ключевым понятием в присяге, которую приносили все эсэсовцы Адольфу Гитлеру. Однако если рядовые служащие СС в клятве произносили слова: «Я обещаю быть верным тебе и твоему делу до самой смерти», то при вступлении в должность группенфюрера СС офицер произносил несколько иной текст. Они клялись в верности «честью своих предков».

Забота о «верности» приобретала с подачи Генриха Гиммлера прямо-таки ритуальные формы. Это находило свое выражение в переписке, которую вел рейхсфюрер СС со своими подчиненными. Если речь шла о дне рождения, о соболезнованиях, о поздравлениях с Новым годом, о личных письмах с благодарностью, то они больше напоминали очередное приношение клятвы. День рождения Гиммлера для многих являлся прекрасным поводом, чтобы вновь заявить о преданности ему. В данном случае выражение «преданности» приобретало невообразимые формы. Например, Теодор Эйке в 1937 году поздравлял своего шефа следующим образом: «Я имею своей целью вместе с доверенными мне людьми быть преданным нашему символу и быть решительным как идущий на смерть. Вся наша сила принадлежит Вам и нашему фюреру. Исполнение долга и мужская верность были и остаются утренней молитвой “Мертвой головы”». Когда в 1935 году Гиммлер прислал в подарок группенфюреру Вильгельму Редису «йольский светильник», то в ответном письме слова благодарности были изложены следующим образом: «В его свете я и моя семья вновь клянемся в верности Вам. Уважаемый рейхсфюрер СС, желаю Вам здравствовать до тех пор, пока Ваша воля не станет жизненным законом для всего немецкого народа».

С началом войны к заверениям «верности» стали добавляться заявления о желании «сражаться до самой смерти». Так,

например, в августе 1944 года обергруппенфюрер СС Бенно Мартин после получения своего нового звания писал Гиммлеру о том, что готов «исполнять свой долг перед Вами и охранными отрядами до самого последнего вздоха».

Герман Фегеляйн, поначалу бывший начальником эсэсовской школы верховой езды в Мюнхене, а затем ставший командиром 8-й кавалерийской дивизии СС, в поздравлении Гиммлера с днем рождения обещал ему не только свою «верность», но и признавал, что всем в своей жизни был обязан именно рейхсфюреру СС. «Сейчас на войне мы столь же смелы, как и в прошлой спортивной жизни. Пока мы находимся под Вашим командованием и выполняем Ваши приказы, мы даже в самые тяжелые моменты жизни храним в сердце веру в победу. Павшие в боях кавалеристы — это свидетельство того, что они жили согласно Вашему девизу: когда полена брани остались только рыцари без страха и упрека, то мы должны делать больше, чем предписывает нам долг. Мы храним нашу смелость во все времена года: летом и зимой. Мы верны нашей клятве и Вам, рейхсфюрер. Мы выполним все, что обещали миру…. Вы были великим покровителем и строгим начальником, всегда готовым помочь мне в моей жизни. Вы при поддержке обергруппенфюрера СС Юттнера сделали меня таким, каковым я сейчас являюсь».

Выражение преданности Генриху Гиммлеру приобрело у некоторых руководителей СС просто гипертрофированные формы. Они опасались того, что могут потерять доверие рейхсфюрера СС, что было для них настоящим кошмаром. Начальник Венской полиции Йозеф Фитцум, которого стали подозревать в том, что он нагрел руки на «ариизации» имущества евреев, в сентябре 1940 года писал Гиммлеру: «Чувство, что я могу утратить Ваше доверие, становится для меня просто невыносимым. Если же Вы все-таки доверяете мне, то это для

меня значит в тысячу раз больше, чем любые формальные заявления».

Вторым столпом «добродетелей», которые превозносил Гиммлер, было «послушание». Оно было логичным продолжением «верности». Если «верность» была эмоциональным состоянием, то «послушание» было реализацией этого качества на практике. «Верность» была своего рода моделью поведения, глубоко прочувствованной готовностью к «послушанию», которое должно было найти воплощение в исполнении долга, что означало выполнение любых приказов. Неповиновение трактовалось как измена, а потому оно даже не рассматривалось как возможное явление. Однако в жизни Гиммлер весьма дифференцированно подходил к фактам неповиновения. Он полагал, что «непослушание» было слабостью, негативной чертой германского характера, но при этом германцы все равно от природы были «непреклонными личностями». При определенных обстоятельствах Гиммлер был готов ограничиться незначительным наказанием или вовсе простить «провинившегося». Но это происходило только в том случае, если Гиммлер был уверен в его «верности». Так, например, в 1942 году начальник Главного управления СС Бергер сообщал рейхсфюреру СС о своевольном поведении генерала Штайнера. Однако впоследствии Гиммлер лично заверил Штайнера в своем письме: «Я полностью Вам доверяю».

В своей программной речи, которую Генрих Гиммлер произнес в 1935 году, он подчеркивал: «Тот, кто изменяет верности, исключается из нашего сообщества. Так как верность — это дело сердца, но отнюдь не рассудка. Разум может отказать человеку, но если перестает биться сердце, то человек умирает. Так и народ, который изменил своей верности, обречен на смерть». Когда Гиммлер требовал о своих людей не просто «послушания», а абсолютной преданности, и превращал «преданность» в

наивысший закон СС, то во многом это было следствием его характера.

Сам Гиммлер никогда не доверял людям, был неуверен в общении, не имел постоянных привязанностей (то есть не знал истинной преданности). Ему удавалось весьма удачно маскировать это. Со временем Гиммлер превратился в искусного дипломата, который скрывал свои слабости. Однако он не был готов к искренности. Он стремился либо подчинять себе людей, либо контролировать отношения с ними. Это можно проследить на примере отношений с Грегором Штрассером и Эрнстом Рёмом («эпоха борьбы»), либо с Гитлером уже во время установившейся национал-социалистической диктатуры. Гиммлер никогда не позволял себе заводить дружбу с людьми, которые занимали приблизительно то же самое общественное положение либо обладали аналогичным политическим статусом. По этой причине Гиммлера недолюбливали в партии и во многих министерствах. Чтобы восполнить эту эмоциональную недостаточность, Гиммлер нуждался в постоянном подтверждении верности, для чего постоянно изобретались новые и новые формы, со временем превратившиеся в некие ритуалы.

На фоне подробно разработанных понятий «верность» и «послушание», «товарищество» выглядело несколько блекло и не совсем убедительно. Гиммлер обычно упоминал эту «добродетель» вскользь. Сохранилось лишь несколько развернутых высказываний на эту тему. В декабре 1938 года в обращении к одной из частей СС Гиммлер произнес: «Я требую, чтобы вы воспитывали друг друга. Вы должны наблюдать за тем, чтобы в вашем штурме не было ничего неподобающего». Гиммлер никогда не давал разъяснений относительно того, должно ли было быть «товарищество» эмоциональным или осознанным качеством, как оно должно было проявляться в повседневной жизни, в какой мере оно должно было

соотноситься с такими явлениями как «дружба», «доверие». Надо лишь подчеркнуть, что в 1936–1937 годах Гиммлер стал решительно выступать против того, чтобы в СС формировались традиции неких «мужских союзов».

Одновременно с этим он высказывался против знаменитого тезиса 20-х годов о том, что «мужским союзам» были присущи некие гомоэротические связи. Почти в каждом своем выступлении Гиммлер употреблял слова «прилично», «подобающе», «достойно». Нередко он связывал их с такими понятиями, как «чистый», «благородный», «великодушный». Однако в данном случае он всего лишь подразумевал поведение, которое не было основано на личных («эгоистических») мотивах. Гиммлер полагал, что «достойность» должна была пропитывать весь мир. В предисловии к специализированному эсэсовскому календарю на 1937 год он писал: «Каждый из нас должен встречать плохой день столь же достойно, как и хороший». «Порядочными» и «достойными» должны были быть даже самые неблаговидные и преступные действия. Это позволяет предположить, что для Гиммлера «достойно» было неким синонимом слова «твердо», «настойчиво». Вспоминая события 30 июня 1934 года, он говорил о массовых расстрелах штурмовиков: «Мы должны были действовать как солдаты, но мы действовали всегда достойно, без лишнего злорадства и личных оскорблений… Однако мы должны были действовать в соответствии с принципами, иметь в себе нравственную силу быть орудием фюрера, в котором он так нуждался». В некоторых случаях Гиммлер цинично рассуждал о том, что истязания, издевательство и унижение жертв были «неприличными».

О «приличиях» и «достоинстве» Гиммлер продолжал рассуждать даже в годы войны. В одной из своих знаменитых речей он говорил о массовых убийствах и «порядочности». В октябре 1943 года в Познани Гиммлер заявил группенфюрерам СС:

«Большинство из Вас узнают, что такое лежащие вместе сотня, пятьсот или даже тысяча трупов. Надо выдержать это, не поддаться человеческим слабостям, но остаться при этом достойным человеком. Это закалит нас и сделает более жесткими». Впрочем, понятие «порядочности» распространялось не на все случаи жизни. Еще в 1936 году Генрих Гиммлер в своем выступлении перед Прусским государственным советом открыто заявил, что «надо придерживаться достойного ведения борьбы с противником, если только он этого достоин». «Было бы безумием применять эти благородные установки в отношении евреев и большевиков, стремящихся к власти над миром иезуитов или напрочь прожидовленного масонства».

Семь лет спустя в Познани Гиммлер говорил, что «прилично» надо было обходиться только с «представителями нашей собственной крови». «Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха… Если десять тысяч русских баб упадут от изнеможения во время рытья противотанковых рвов, то это будет интересовать меня лишь в той мере, в какой будет готов этот противотанковый ров. Ясно, что мы никогда не будем жестокими и бесчеловечными, поскольку в этом нет необходимости. Мы, немцы, являемся единственными на свете людьми, которые прилично относятся к животным, поэтому мы будем прилично относиться и к этим людям-животным, но мы совершим преступление против своей собственной расы, если будем о них заботиться и прививать им идеалы с тем, чтобы нашим сыновьям и внукам было еще труднее с ними справиться». В системе понятий, которую построил Гиммлер, «приличия» не могли распространяться на «людей-животных». Их надлежало использовать исключительно в утилитарных целях.

Глава 17. «Строгий» и «заботливый» рейхсфюрер

Амбиции Гиммлера со временем стали настолько большими, что он перестал ограничиваться моделированием лишь служебного поведения своих подчиненных. В какой-то момент Генрих Гиммлер решил контролировать фактически всю частную жизнь служащих СС: поведение, хозяйственные отношения, ведение здорового образа жизни, планирование семьи и т. д. При каждом удобном случае рейхсфюрер СС пытался вмешиваться в личные дела подчиненных ему людей. Объектом пристального внимания мог стать и высокопоставленный офицер, и рядовой эсэсовец. Но, конечно же, представители руководства СС чаще попадали в поле зрения Гиммлера, нежели нижние чины. А потому принадлежность к числу руководителей СС была не просто службой, но и готовностью смириться с повсеместным контролем Генриха Гиммлера, который пытался изменить весьма серьезным образом жизнь «своих людей».

Ко второй половине 30-х годов руководство СС, к которому можно было отнести всех, кто имел звание не ниже группенфюрера СС, происходило из двух больших социальных групп: молодых солдат Первой мировой войны и поколения, чья юность и детство пришлись как раз на время мировой войны. Представители первой группы в основном родились в 90-е годы XIX века (как правило, после 1895 года), то есть они имели возможность пойти добровольцами на фронт и к концу Первой мировой войны могли дослужиться до офицерского звания. Это была когорта молодых лейтенантов, которые позже принимали активное участие в действиях добровольческих корпусов. Многие из них вступили в СС еще до того момента, как национал-социалисты пришли к власти. Вторая группа была представлена более молодыми людьми, которые появились на свет в начале XX века. Их личностное формирование пришлось на годы войны, но они не смогли принять участия в боях в силу своего возраста.

После 1933 года эта подросшая молодежь (к числу которой можно было бы отнести и самого Гиммлера) стала играть в СС важную роль. Естественно, среди руководства СС были люди и более старшего возраста, но при детальном изучении проблемы окажется, что большая часть из них пребывала в составе общих СС и не имела особого влияния. К числу таковых относились региональные руководители «Стального шлема», которые после унификации их организации автоматически получили звание группенфюреров СС, но на практике их должности были номинальными. Если же посмотреть на «молодежь» из обеих групп, то окажется, что она не смогла найти себя в гражданской жизни, а потому вступление в СС, что автоматически означало подчинение рейхсфюреру СС, было для них «последним шансом». Продолжительные неудачи приводили к тому, что многие из будущих высокопоставленных офицеров СС еще в 20-е годы столкнулись с множеством личных проблем, в том числе с пристрастием к алкоголю. После 1933 года избавиться от этих «привычек» оказалось не так уж просто, что дало Гиммлеру повод для вмешательства в личную жизнь. Особое внимание он уделял фактам злоупотребления алкоголем, что, наверное, было той частью личных привычек, которые могли больше всего «дискредитировать» СС в глазах общественности.

26 июля 1939 года, то есть за несколько недель до начала Второй мировой войны, обергруппенфюрер СС Фридрих Иеккельн получил письмо от Генриха Гиммлера. Рейхсфюрер СС сообщал, что некоторое время назад получил сведения о том, что Иеккельн в состоянии алкогольного опьянения ехал на своей машине со скоростью 100 километров в час, «бесцеремонно нарушая правила движения, и проявляя хамство в отношении других водителей и пешеходов». Гиммлер просил Иеккельна ответить на три вопроса: 1) был ли он в машине за рулем в тот день? 2) принимал ли алкоголь в тот день? 3) нарушал ли он правила дорожного движения? Иеккельн сразу же понял, как до Гиммлера

дошли слухи о его поведении. Вечером указанного дня его машину после длительного преследования на железнодорожном переезде настиг гамбургский бизнесмен и активист Национал-социалистического корпуса автомобилистов (НСКК), который был немало возмущен поведением находившегося за рулем пьяного водителя, который своей манерой вождения автомобиля угрожал жизни многих людей. В ответ на прозвучавшие претензии Иеккельн предъявил служебное удостоверение — он, кроме всего прочего, являлся высшим руководителем СС и полиции Ганновера. Поскольку Иеккельн уже получал несколько выговоров от Гиммлера, поводом для которых являлось пьянство, то очередная выходка не сулила ничего хорошего. Иеккельну срочно пришлось придумывать оправдательное сообщение. В нем он сообщал, что указанным днем в узком кругу обедал с некими аристократами. Общение продолжалось до позднего вечера. Около 20 часов Иеккельн направился на автомобиле в свой охотничий домик. Во время поездки он мог сделать всего лишь небольшие нарушения, но «в целом придерживался правил дорожного движения».

Чтобы снять с себя подозрение в том, что он злоупотреблял алкоголем, Иеккельн написал, что в указанный день выпил «4–5 бокалов мозельского вина», «не более 4 стопок шнапса» и «еще 3 бокала пива». Иеккельн посчитал, что такое количество алкоголя не будет воспринято Гиммлером как «чрезмерное». В любом случае вечерняя пьяная гонка по улицам города и по шоссе не имела для Иеккельна никаких последствий.

На самом деле вождение автомобиля в нетрезвом состоянии было не самым страшным, что могли себе позволить высокопоставленные эсэсовские офицеры. Гиммлер прекрасно помнил события мая 1936 года, когда с проверкой в Дахау прибыли бригадефюрер СС Кауль и оберфюрер СС Унгер. Как сообщал позже в объяснительной записке Кауль, между ними

произошел «инцидент». Под этим словом скрывалось отнюдь не невинное происшествие. Офицеры СС сначала облили друг друга вином (проблема усугублялась тем, что они были в униформе, и это можно было трактовать как оскорбление чести СС), после чего схватились за оружие. Прозвучало несколько выстрелов, но обошлось без жертв. Унгер, который был готов принести свои извинения, пытался объяснить «инцидент» «хорошим настроением», которое возникло после принятия некого количества алкогольных напитков: «Впрочем, было очень поздно и в результате употребления алкогольных напитков настроение у нас было хорошее и приподнятое». В этой ситуации Гиммлер решил не передавать дело в суд, как на том настаивал их командир Бах-Зелевски, но решил ограничиться строгим выговором.

Случай с пьяной стрельбой был отнюдь не единичным. Когда в феврале 1941 года бригадефюрер СС Карл-Хайнц Бюргер планировал отбыть на Украину, он получил письмо от Генриха Гиммлера. В нем рейхсфюрер СС обвинял Бюргера, который был одним из кураторов национально-политических воспитательных заведений (Наполас) и отвечал за мировоззренческое воспитание молодежи, в том, что тот в пьяном виде достал оружие, чем угрожал жизни многих людей. Бюргер, до этого не раз уличенный в пьянстве, решил не запираться. Он признал, что инцидент произошел в январе 1941 года, когда его начальник обергруппенфюрер СС Хайсмайер пригласил его на торжество по поводу приобретения загородного дома. «В меня вселился какой-то бес, когда я два раза выстрелил из пистолета в потолок. Этот необдуманный поступок был вызван моим внутренним состоянием. **Я** могу объяснить его только глубоким чувством неудовлетворенности, которое не покидало меня после того, как я оказался прикреплен к ведомству обергруппенфюрера Хайсмайера». На этот раз Гиммлер не скрывал своего гнева и возмущения. Он писал о том, что человек, который «сам не мог

контролировать свое поведение, не имел никакого права учить других нашему мировоззрению». Казалось бы, Бюргера миновало суровое наказание, он отделался взысканием и выговором. Однако слухи о его пьянстве вновь и вновь доходили до Генриха Гиммлера, а потому он в качестве наказания был направлен в запасной пехотный батальон СС «Ост».

То, что подвыпившие офицеры СС не сдерживали себя в обращении со стрелковым оружием, демонстрирует распоряжение Гиммлера, которое он отдал за несколько месяцев до того, как произошла история с Карлом-Хайнцем Бюргером. Рейхсфюрер СС писал: «Мне снова и снова сообщают, что видят служащих СС и полиции, которые в неподходящей ситуации легкомысленно используют огнестрельное оружие. Происходит это, как правило, в Восточных областях и под влиянием спиртного». Далее Гиммлер подчеркивал, что «такое безответственное обращение с оружием является совершенно ненемецким». Это распоряжение заключалось выводом: «Немец использует оружие лишь во время боя, а подобная беспорядочная стрельба присуща только славянам».

Летом 1942 года под огонь гневной критики Генриха Гиммлера попал Матиас Кляйнхайстеркамп, который в указанное время являлся командиром дивизии СС «Рейх». Поводом для гнева рейхсфюрера СС стали сведения о том, что Кляйнхайстеркамп напивается до полусмерти в «дивизионном казино». Гиммлер писал провинившемуся: «Подобное вольное поведение Вы могли бы себе позволить, если бы являлись капитаном или командиром батальона. Однако после того как, несмотря на некоторые сомнения, я доверил Вам командовать дивизией, Вы должны себе отдавать отчет в том, что прошло время, когда Вы могли позволить себя напиться». Гиммлер подчеркивал, что «отвратительные сцены пьянства являлись результатом “недостатков характера”, которые необходимо искоренить до

конца несения службы». После этого Гиммлер отстранил Кляйнхайстеркампа от командования дивизией «Рейх», так как тот «нанес урон престижу Ваффен-СС». В завершение Гиммлер наложил еще одно дисциплинарное взыскание на отстраненного от должности офицера: **«Я** ожидаю от Вас, что в последующие два года Вы не выпьете ни капли спиртного, а к 49 годам сможете обходиться и вовсе без этого». Гиммлер считал, что запрет на употребление спиртного был весьма эффективным воспитательным средством: «Если кто-то не знает меры в употреблении спиртного и ведет себя как маленький ребенок, то его надо лишить спиртных напитков. Так, например, у ребенка отнимают пистолет, ибо он не знает, как с ним обращаться». Эту фразу Гиммлер произнес в 1938 году. Однако двумя годами ранее тон его заявлений был куда более решительным и радикальным: «Либо ты демонстрируешь, что можешь обходиться без алкоголя, либо ты получаешь пистолет, при помощи которого ты должен покончить с собой. На раздумье даются сутки». Гиммлер не раз налагал запреты на употребление алкоголя. В 1936 году такой запрет был получен Куртом фон Готтбергом, который потерял в аварии ногу. Ему было предписано не употреблять спиртных напитков в течение трех лет. В том же 1936 году употреблять спиртные напитки было запрещено Отто Рану, писателю, известному своими поисками Грааля, который оказался на службе в СС. Запрет на употребление алкоголя был несколько ослаблен Гиммлером в годы Второй мировой войны. В отношении служащих частей, которые использовались на Восточном фронте, он разрешал употребление спиртных напитков «в умеренных количествах и если это требовалось по состоянию здоровья».

Все приведенные выше примеры показывают, что Гиммлер хотя и пытался влиять на склонных к пьянству офицеров СС, но в большинстве случаев ограничивался «педагогическими средствами» и не прибегал к действительным дисциплинарным

взысканиям. Он полагал, что надо было изменить обусловленное пьянством «ненормальное» поведение, так как большинство людей «имели причиной своих личных неудач именно спиртные напитки», а не наоборот — что они запивали по причине своих неудач.

Однако почему Гиммлер проявлял некую «снисходительность» в отношении пьяниц из состава СС? Понимал ли он, что при помощи «драконовских мер» нельзя было исправить ситуацию? Или он все-таки знал, что злоупотребление спиртным было составной частью парамилитаристской субкультуры, которая во многом была унаследована в СС? Наверное, эти вопросы так и останутся без ответов. В любом случае в 1941 году Гиммлер распорядился создать при концентрационном лагере Бухенвальд «дом искоренения дурных привычек», который предназначался преимущественно для эсэсовцев, употреблявших чрезмерное количество спиртных напитков. Гиммлер не считал, что направление в этот «дом» было каким-то наказанием, а «лишь воспитательным мероприятием, которое должно было пойти на пользу служащим СС и полиции». Относительно самого «дома искоренения дурных привычек» Гиммлер дал предельно подробные инструкции, в которых он говорил о том, что данное заведение должно было стать «образцовым домом принудительного отдыха, в котором все пребывающие должны быть лишены алкоголя, что должно сочетаться с гигиеническими мероприятиями, например спортом, закаливанием и т. д.». Рейхсфюрер СС планировал, что подобное воспитание будет способствовать «складыванию физически и психически устойчивых людей, которые позже будут иметь повод для благодарности». Для практики работы этого «дома», кроме всего прочего, были присущи запрет на курение, «по возможности вегетарианская пища» (овсяная каша с протертыми яблоками). Кроме этого было даже предусмотрено регулярное посещение сауны. Право направлять служащих СС в это заведение Гиммлер

оставил исключительно за собой. Сразу же надо оговориться, что в некоторых случаях рейхсфюрер СС смотрел сквозь пальцы на пьянство своих подчиненных. В частности, это относилось к Карлу Марии Вилигуту, который был известен руководству СС под ритуальными именем Вайстор. Этот немолодой австрийский полковник, который смог дослужиться до чина бригадефюрера СС, занимался в основном конструированием эсэсовской религиозной обрядности.

По сравнению с пьянством большее раздражение у Гиммлера вызывала только «финансовая нечистоплотность», которую могли себе позволить некоторые из служащих СС. В свое время во многом именно по финансовым вопросам в опалу попал первый президент исследовательского общества «Наследие предков» Герман Вирт. Как было показано в предыдущих главах, из-за финансовых злоупотреблений из СС были исключены два начальника общего управления СС. Гиммлера не могло не волновать, что финансовая проблема могла сделать отдельных руководителей СС «восприимчивыми к различным искушениям». В июне 1937 года он возмущенно рассуждал о том, что некоторые из офицеров СС готовы принимать «подношения» от представителей торговых и промышленных кругов, которые пытались добиться расположения «охранного государственного корпуса». Гиммлер предпочитал, чтобы его офицеры обращались за поддержкой именно к нему. Случаи подобных просьб были отнюдь не единичными. Рейхсфюрер СС не раз оказывал финансовую помощь высшему руководителю СС и полиции на Юго-Востоке Бах-Зелевски. Так, например, в 1938 году он выделил 7 тысяч рейхсмарок, которые пошли на приобретение загородного дома. В 1937 году бригадефюрер СС Пауль Модер сообщил Гиммлеру о том, что он выплачивал беспроцентный заем в размере 15 тысяч рейхсмарок, который он взял у гамбургского предпринимателя Германа Ремце. Эта сумма

потребовалась эсэсовцу, чтобы заплатить «отступные», дабы его жена согласилась на развод.

В сентябре 1939 года начальник полиции Веймара группенфюрер СС Хенникe сообщал Гиммлеру, что «в данный момент оказался совершенно без средств к существованию». В 1934 году о финансовой поддержке рейхсфюрера просил оберштурмбаннфюрер СС Отто Хоффман, сообщавший, что находится в «бедственном положении». В данном случае Гиммлер отклонил просьбу, так как до него дошли сведения о том, что Хоффман (в прошлом виноторговец) закатывал бурные пирушки. Гиммлер не всегда был готов удовлетворить просьбы своих подчиненных. Так, например, он отказал оберфюреру Эрвину Рёзенеру, руководителю управления персоналом СС. Рёзенер указывал, что еще во время «эпохи борьбы» его семья оказалась в долгах. Денег Гиммлер так и не предоставил. Когда в 1940 году Марианна Бюргер, супруга Карла-Хайнца Бюргера (на тот момент являвшегося начальником брауншвейгского училища СС) попросила о прибавке жалованья мужу, так как ожидала четвертого ребенка, рейхсфюрер СС дал «совет», как можно было более рачительно использовать уже имевшиеся в распоряжении средства.

Отдельно надо выделить «случай оберштурмбаннфюрера Людольфа фон Альвенслебена» (точнее говоря, этих случаев было несколько). Людольф фон Альвенслебен, был сыном владельца дворянского поместья. Однако после кризиса 1929 года семейство фактически разорилось, будучи должно кредиторам около 750 ООО рейхсмарок. К 1934 году Людольфу фон Альвенслебену удалось погасить приблизительно одну треть из этих догов. Когда он отказался сделать очередной платеж кредиторам (речь шла о сумме в 2500 рейхсмарок), об этом сообщили Генриху Гиммлеру. Тот прореагировал очень резко: «Если оберштурмбаннфюрер Людольф фон Альвенслебен не

может должным образом отвечать по своим обязательствам, как это надлежит делать истинному национал-социалисту и офицеру СС, то едва ли возможно его последующее пребывание в рядах СС. Частные долги офицера СС — это дело, о котором должно решительно позаботиться его начальство». В июле 1937 года фон Альвенслебен вновь попал в поле зрения Гиммлера. На тот момент он был командиром 10-го абшнитта СС. Представители предприятия «Мерседес» предложили ему приобретение автомобиля на весьма выгодных условиях. Гиммлер в очередной раз пригрозил исключением из СС и запретил делать эту покупку. Не называя имени фон Альвенслебена, Гиммлер издал распоряжение, в котором призвал «служащих СС оставаться свободными и независимыми даже в хозяйственных вопросах».

После этого Гиммлер официально стал требовать, чтобы «каждый из офицеров СС отказывался от приема подарков или приобретения товаров на специальных льготных условиях, даже если это было связано со служебными делами». Год спустя фон Альвенслебен вновь попал в центр «финансового разбирательства». На этот раз Гиммлер был более «великодушным». В данном случае фон Альвенслебену было разрешено выступать в качестве консультанта предприятия «Зальцгиттер», что приносило бы ему ежемесячно около тысячи рейхсмарок. Почему же Гиммлер разрешил ему быть оплачиваемым консультантом, но запретил покупку автомобиля, который планировалось использовать для служебных целей? В данном случае как нельзя лучше проявились черты характера рейхсфюрера СС, который стремился контролировать все сферы жизни своих подчиненных. О предстоящей покупке автомобиля Гиммлер узнал, когда были достигнуты все договоренности между фон Альвенслебеном и коммерсантами. Гиммлер полагал, что сделка, проведенная без его ведома, подрывала авторитет рейхсфюрера СС. Во втором случае все действия были заранее

согласованы, что дало шефу СС возможность предстать в роли «великодушного покровителя».

Не желая мириться с тем, что «служащие СС порочили свой мундир необдуманным долгами», Гиммлер стал проводить целую программу по выявлению должников в составе охранных отрядов. При этом немало низших чинов было уволено из СС. Когда число таких «нарушителей» стало очень большим, Гиммлер решил изменить тактику. Он создал специальный фонд, который поначалу состоял из миллиона рейхсмарок, а затем увеличился в два с половиной раза. Эти средства шли на погашение долгов эсэсовцев, которые не имели возможности платить по своим кредитам. После этого они должны были дать клятвенное обещание, что больше никогда не будут брать в долг. Это требование превратилось в своего рода лозунг: «Эсэсовец не может покупать ни одной вещи, которую не в состоянии оплатить». Во время своего выступления, когда была произнесена эта фраза, Гиммлер высказал еще несколько идей: «Служащие СС не имеют права покупать вещи в рассрочку. Эсэсовец должен быть самым честным человеком, который только может существовать в Германии».

Пьянство и финансовая нечистоплотность были отнюдь не единственными «прегрешениями», с которыми пытался решительно бороться Генрих Гиммлер. Он неоднократно критиковал своих офицеров за «непомерное честолюбие и гипертрофированное тщеславие». Не раз Гиммлер ставил в укор руководителю штаба «Ведомства посредничества фольксдойче» Герману Берендсу его «нездоровое честолюбие», которое мешало работе «этого способного и смелого человека». Аналогичные упреки были адресованы бригадефюреру СС Вальтеру Шрёдеру, руководившему СС и полицией в оккупированной Риге. Гиммлер был очень недоволен тем, что Шрёдер откровенно любил

покрасоваться на страницах местных газет. Подобная «работа на публику» всегда раздражала рейхсфюрера СС.

Не меньшую въедливость Гиммлер проявлял в вопросах, которые касались здоровья офицеров СС и полиции. Он постоянно предписывал своим подчиненным проходить медицинские осмотры, знакомился с медицинскими диагнозами, давал указания относительно распорядка дня и питания. Иногда он насильственно отправлял своих офицеров в отпуск, запрещая им во время отдыха даже читать газеты. Впрочем, постоянное «использование» эсэсовских офицеров в годы войны привело к тому, что многие из них были не просто физически истощены, но и страдали нарушениями психики. В медицинских картах после соответствующих обследований можно было встретить однотипные диагнозы: «утомление», «нервное истощение», «проблемы с нервами», «пребывание в состоянии депрессии».

Так, например, Гиммлер приказал провести «всеобщее медицинское обследование» группенфюрера СС Карла Гутенбергера. Поводом для этого стало то, что имперский врач СС Эрнст Роберт Гравиц обнаружил у 38-летнего эсэсовца, который пренебрегал медицинскими осмотрами, «легкое безразличие, эйфорию и предрасположенность к безучастности». Речь шла о посттравматическом синдроме. После этого Гутенбергера направили на несколько недель в эсэсовский санаторий «Гёгенвилла», который располагался в Карлсбаде. Там уже проходили лечение эсэсовцы, в чьем поведении проявлялись схожие симптомы.

Если продолжать перечисление наиболее показательных примеров, то можно отметить, что в 1944 году у командира хорватской горнострелковой дивизии СС Карла Густава Зауберцвайга врачи установили «исключительное нервное перенапряжение, которое граничило с легким психозом». При

этом он не мог видеть людей, не мог слышать выстрелов, впадал с трансовое состояние при виде крови, не мог сконцентрироваться и панически боялся, что ему придется отвечать за свои действия.

Гиммлер направлял на лечение отнюдь не всех своих подопечных, некоторых из них он мог просто-напросто направить в отставку или уволить. Так, например, произошло с Вальтером Шмитом, который на протяжении многих лет возглавлял кадровое управление при рейхсфюрере СС. Шмит страдал позывами к постоянному мочеиспусканию, что врачи определили как результат нервного расстройства, связанного с его профессиональной деятельностью. Нервное расстройство было выявлено и у Рихарда Хильдебрандта, высшего руководителя СС и полиции в области «Висла», который в 1942 году стал жаловаться на постоянные головокружения и усталость. Чтобы «не выносить сора из избы», во многих случаях, напоминавших вышеописанные, медицинское обследование проводилось мюнхенским терапевтом Карлом Фаренкампом. Он считался специалистом по психозам, вызванным профессиональной деятельностью. Его особое положение в иерархии СС подчеркивалось тем, что этот медик возглавлял специальный отдел F, который был создан при персональном штабе рейхсфюрера СС. В 1940 году Фаренкамп создал в лагере Дахау специальную оранжерею, в которой выращивались лечебные растения. В 1942 году на ее базе возникла лаборатория, в которой из растений производилась особая косметика и лечебные средства, которые были призваны в том числе помочь эсэсовским офицерам справиться с психозами и преодолеть нервное истощение. Еще в 1941 году Гиммлер выражал сердечную благодарность доктору Фаренкампу за его деятельность: «Я бесконечно рад, что вы корректно и благоразумно обращаетесь с моими людьми, которые во многом являются несносными пациентами». Сам Гиммлер тоже прибегал

к услугам Фаренкампа, так как его продолжали беспокоить боли в желудке, которые он приобрел еще во времена юности. Кроме этого каждый визит к доктору являлся для главы СС удобным поводом, чтобы ознакомиться с историями болезней своих офицеров.

Поскольку медицинское обследование высокопоставленных эсэсовцев не должно было получать широкого резонанса, а сведения о нервных срывах и болезнях должны были оставаться уделом лишь незначительной группы людей, то Гиммлер с самого начала сформировал некий круг особо приближенных личностей, которым он мог полностью доверять. В их числе был и его давнишний приятель Карл Гебхардт. К тому времени он уже был профессором медицины и руководил санаторием «Гогенлихен». Именно в этом санатории в 1942 году родила ребенка Хедвиг Поттхаст, любовница Генриха Гиммлера. Здесь же в 1943 году проходил лечение начальник персонального штаба рейхсфюрера СС Карл Вольф. Гиммлер не забывал своего приятеля — как-то в знак благодарности он даже преподнес ему столовый сервиз на двенадцать персон. В санатории иногда оказывались люди, которые формально не были служащими СС. Так, например, в 1938 году Карл Гебхардт провел операцию на колене генерал-лейтенанту Вальтеру фон Райхенау, который играл большую политическую роль среди немецкого генералитета. Здесь же могли оказаться представители старых дворянских родов. О ходе всех операций и лечении Карл Гебхардт неизменно докладывал Генриху Гиммлеру. Кроме этого надо отметить, что в «Гогенлихене» лечился Рихард Вальтер Дарре, который был не только имперским руководителем крестьян, но долгое время являлся шефом Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Когда в 1942 году в Праге произошло покушение на Гейдриха, Гиммлер в срочном порядке послал туда Карла Гебхардта. Однако профессору медицины не

удалось спасти жизнь шефу СД, который был поставлен имперским протектором Богемии и Моравии.

О степени доверия Гиммлера к Карлу Гебхардту говорит хотя бы тот факт, что когда в 1936 году у отца Гиммлера был обнаружен рак, тот сразу же обратился к своему старому приятелю. Гебхардт изучил историю болезни и отговорил Гиммлера от проведения операции. Гиммлер внял совету медика. Рейхсфюрер СС полагался на его рекомендации даже в необычных вопросах. Так, например, в январе 1938 года, Гиммлер направил старому приятелю древний рецепт, в котором описывалось изготовление лекарства, якобы позволявшего бороться с туберкулезом. Карл Гебхардт, ничего не опасаясь, заявил, что указанное средство едва ли могло побороть туберкулез, но было неплохим тонизирующим напитком.

Стремление Гиммлера заботиться о здоровье эсэсовцев не ограничивалось его назойливым вниманием к медицинским обследованиям. Он также проявлял интерес к проблемам питания. Когда в 1942 году продовольственный инспектор частей Ваффен-СС штурмбаннфюрер Эрнст Гюнтер Шенк составил докладную записку об улучшении питания солдат, Гиммлер после ее изучения сделал множество (как казалось «важных») поправок. С характерной пунктуальностью он рассуждал о том, что для больных желудком большое значение имели сухари. Далее он давал простор для своих фантазий. Он говорил о том, что в условиях пребывания в болотах у солдат не имелось возможности обжаривать куски хлеба на костре, а потому в их рацион должны были входить уже готовые сухари. После окончания войны Генрих Гиммлер планировал создать для СС специальную продовольственную программу, в которой бы учитывались только определенные продукты. «Нами должны приобретаться лишь те продукты, которые могут влиять на наш вид. Это семечковые плоды, орехи, которые крайне необходимы

организму зимой в неограниченном количестве. Также минеральная вода из естественных источников, фруктовые соки, овсяные хлопья, растительное масло, которое будет использоваться для приготовления пищи. Надо будет всеми силами избегать переедания, что в Средние века пропагандировалось церковью, которая призывала к постам. Нам надо избегать излишнего потребления продуктов во всем рейхе. Наша задача состоит в том, чтобы содействовать созданию в жилых кварталах нескольких булочных, которые бы были привязаны к местным мельницам». В целом же Гиммлер предполагал приучить служащих СС «к нашей естественной пище». Со временем эта практика должна была быть распространена на «национально-политические воспитательные заведения, на казармы, на юнкерские училища, на общинные дома, на структуры “Источника жизни”, чтобы в будущем молодежь не знала ничего иного кроме здорового питания». Постепенно рейхсфюрер СС планировал ограничить потребление мясных продуктов.

Если призывы и увещевания, к которым прибегал Гиммлер, оказывались недостаточно эффективным средством по воспитанию руководящего состава СС, то он мог применить более жесткие меры. Кроме запрета на употребление алкоголя и принудительного лечения, практиковалось направление на передовую. Кроме этого Гиммлер мог запретить офицерам СС курить или участвовать в охоте. Была даже разработана своеобразная система наказаний, которая должна была способствовать прекращению конфликтов между отдельными офицерами СС. В мае 1944 года Гиммлер заявил обергруппенфюреру СС Артуру Флепсу: **«Я** всегда поступал таким образом, чтобы принципиально изменить позицию двух спорящих людей… Даже если не имелось никакого спора, то никогда не перевожу подчиненных к новому начальству». В 1938 году он приводил на одном из совещаний конкретный пример:

«Два оберфюрера бесконечно спорили и не могли прийти к конкретному решению. **Я** позволил им выговориться, после чего предоставил в их распоряжение свой кабинет. Там имелась бутылка воды и два стакана. Они могли пробыть там с 8 часов утра до 8 часов вечера, но к концу рабочего дня были обязаны найти приемлемое для обоих решение. В будущем я буду и впредь так поступать в каждом отдельном случае».

Подобная практика со временем расширилась. В 1942 году «Направляющие тетради СС» опубликовали статью, которая называлась «Повод высказаться. Приказ рейхсфюрера СС о товариществе». В ней рассказывалось о двух конфликтовавших между собой руководителях СС, которых Гиммлер на шесть недель поселил в одной комнате. Редакция «Направляющих тетрадей СС» комментировала это решение следующим образом: «Рейхсфюрер СС детально обдумает каждое взыскание. Он изучает природу конфликта, после чего придумывает

“остроумное” наказание, которое может положить конец спорам».

«Остроумные» наказания были весьма присущи Генриху Гиммлеру. При этом (пусть и не очень ярко) проявлялась его склонность к изощренному садизму. Так, например, в октябре 1942 года рейхсфюрер направил всем командирам частей Ваффен-СС и полиции приказ, в котором он напоминал о необходимости активно заниматься проблемами продовольственного снабжения частей: «Командиры, которые нарушат данный приказ, на своей собственной шкуре узнают, насколько неудовлетворительное снабжение продовольствием сказывается на боеготовности частей и настроениях, царящих в них. Одновременно с этим они будут учиться, как сделать это снабжение лучше. **Я** направлю этих командиров в специально созданный по моему приказу “дом плохого продовольственного

снабжения”. Там они проведут достаточно долгое время, чтобы понять, каково приходится подчиненным, которых кормят отвратительной едой». Действительно, Гиммлер лично разработал детальный план «дома плохого продовольственного снабжения», который создавался при учебной кухне Ваффен-СС в Ораниенбурге. Пребывание в этом «доме» должно было длиться около четырех недель. Покидать здание строго-настрого запрещалось. В своем плане Гиммлер писал: «Участвующие в воспитательном курсе, который проводится в доме плохого продовольственного снабжения, за время пребывания в нем должны получать отвратительную пищу в недостаточном количестве». К «отвратительной пище» применялись следующие критерии: однообразная, плохо приготовленная, состоящая только из консервированных продуктов и без свежих овощей.

В конце войны Гиммлер родил новую идею. Он предложил создать специальную «комариную комнату». В нее должны были помещаться провинившиеся офицеры СС и полиции. Особый цинизм заключался в том, что они, кусаемые сотнями комаров, должны были писать отчеты по следующим темам: «Муха как переносчик болезней», «Почему мы нуждаемся в москитных сетках» и т. д. «Комариная комната» была задумана всего лишь как одно из помещений специального «воспитательного дома».

Глава 18. Ячейка арийско-нордического общества

«СС — это солдатский, национал-социалистический орден нордических мужчин, присягнувший на верность их родам… Невеста, женщина согласно нашим законам принадлежит к этой общности, к этому ордену в такой же степени, как и мужчина… Для нас должно быть предельно ясно одно: было бы бессмысленно на одной стороне собирать с разных концов Германии хорошую кровь, концентрировать ее в одном месте, а затем позволить ее представителям сочетаться браком друг с

другом, а на другой стороне позволять жить семьям, как они того захотят. Мы же должны кропотливо отбирать на столетия вперед правящий слой, новую аристократию, которая будет постоянно пополняться лучшими сыновьями и дочерьми нашего народа. Это будет никогда не дряхлеющая аристократия, которая будет вновь обновляться через наше прошлое и традиции, будет представать нашему народу вечно молодой». Эти слова Генрих Гиммлер произнес в 1937 году. К тому времени он уже окончательно дистанцировался от идей «мужских союзов», предпочтя акцентироваться на таком понятии, как «род». Еще в 1935 году Гиммлер получил от Гитлера принципиальное согласие на то, что СС должны были на формироваться из детей, которые появились на свет в эсэсовских семьях, а на из детей простых немецких родителей. Сам же Генрих Гиммлер полагал в этой связи себя не просто руководителем ордена, но создателем нового «расового сообщества», теоретиком и практиком родовых отношений. Наверное, семейная жизнь была той самой сферой, в которую охотнее всего вмешивался рейхсфюрер СС.

Первые попытки этого были предприняты еще до того, как национал-социалисты пришли к власти. 31 декабря 1931 года Гиммлер в целях дальнейшего развития СС и формирования особого менталитета у эсэсовцев издал «Приказ о помолвке и бракосочетании». Он требовал, чтобы с 1 января 1932 года все еще не состоящие в браке эсэсовцы получали от него особое разрешение на женитьбу. Будущие супруги должны были доказать свою расовобиологическую значимость, для чего проводились специальные обследования, а также составлялась родословная жениха и невесты. Если же было установлено, что невеста не имела «достаточной расовой пригодности», а эсэсовец, несмотря на отсутствие разрешения рейхсфюрера СС, все-таки сочетался с ней браком, то он автоматически исключался из охранных отрядов. Таким образом, должна была создаваться так называемая родовая общность СС, которая состояла из

«высококачественных» (с расовой точки зрения) женщин и мужчин. Подобные условия должны были стать залогом появления в эсэсовских семьях «расово здорового» и «породистого» потомства.

Сам этот документ как бы состоял из десяти пунктов. В десяти коротких предложениях описывалось «новое вероисповедание» СС, «нового ордена», построенного на расовых принципах.

«1. СС — это союз немцев нордического типа, отобранных по особым критериям.

2. В соответствии с национал-социалистическим мировоззрением и сознавая, что основой будущего нашего народа является отбор и сохранение расово чистой и наследственно здоровой крови, я ввожу для всех неженатых членов СС, начиная с 1 января 1932 года, процедуру получения официального разрешения на брак.

3. Конечная цель — наследственно здоровый, полноценный род немецкого, нордического типа.

4. Разрешение на брак дается или нет единственный раз и только по критериям расовой чистоты и наследственного здоровья.

5. Каждый эсэсовец, намеревающийся жениться, должен получить официальное разрешение рейхсфюрера СС на этот брак.

6. Члены СС, проигнорировавшие отказ в официальном разрешении на свой брак, исключаются из рядов СС.

7. Задача надлежащего рассмотрения заявлений о вступлении в брак возложена на Расовое управление СС.

8. Расовым управлением СС ведется специальная “Родословная книга СС”, в которую заносятся данные о семьях членов СС

после получения ими официального разрешения на свой брак или после утверждения их заявления о включении сведений о своей семье в эту книгу.

9. Рейхсфюрер СС, руководитель Расового управления и служащие этого управления обязуются своей честью не разглашать полученные ими сведения.

10. Для СС является неоспоримой истиной, что с изданием этого приказа сделан шаг огромного значения. А потому мы недосягаемы для насмешек, издевок и непонимания. Будущее — за нами!»

Именно с момента появления этого приказа начало свою деятельность Расовое управление СС, которое затем превратилось Управление по вопросам расы и поселений, а в 1935 году приобрело статус Главного управления СС. Созданная структура появилась на свет тогда же, когда был издан «Приказ о помолвке и бракосочетании», 31 декабря 1931 года. В этой связи интересным кажется следующий факт. Как известно, Гиммлер поддерживал тесные связи с союзом «Артаманен», который еще в 1927 году в своей структуре выделил Управление расоведения, которое при подборе будущих членов союза опиралось на идеи Ганса Гюнтера, изложенные в «Расоведении немецкого народа». Задолго до прихода к власти нацистов руководство «Артаманен» требовало от своих членов предоставления доказательств арийского происхождения, вплоть до третьего поколения. Само собой напрашивается вывод, что новую идеологию и структуру СС Гиммлер во многом позаимствовал у этой расистской организации.

«Приказ о бракосочетании» и появление на свет Расового управления СС были отнюдь не просто продуктом фантазий бывшего фермера Генриха Гиммлера. На них отчетливо отпечатались идеи, изложенные в книгах одного из первых

идеологов СС, позже ставшего имперским руководителем крестьянства, Рихарда Вальтера Дарре. Дарре одновременно со всеми эти постами занимал должность начальника Расового управления СС. В его программном произведении «Новое дворянство из крови и почвы», которое появилось на свет в 1930 году, Дарре предпринял попытку развить идеи, изложенные в предыдущей книге «Крестьянство как жизненный источник нордической расы». Эти идеи должны были найти свое воплощение в грядущем Третьем рейхе, который должен был (как новая форма государственности) провести воспитательную работу по созданию новой «благородной» прослойки, которая должна была формироваться в недрах немецкого крестьянства.

Сама работа Дарре оказалась пропитана идеями расового исследователя и «пророка» «нордического движения» Ганса Фридриха Карла Гюнтера. Этот известный публицист родился в 1891 году. Он долгое время был учеником биолога и генетика Евгения Фишера. В 1930 году он преподавал в Иенском университете, а с 1935 года возглавлял в Берлинском университете кафедру расы, биологии народов и сельской социологии. С 1940 по 1945 год он, как профессор расоведения, преподавал во Фрайбургском университете. Именно у него в свое время Дарре позаимствовал мысль об «улучшении породы», которая из сферы животноводства была перенесена на человеческое общество. Не стоит забывать, что именно с подачи Гюнтера Дарре провозглашал необходимость «улучшения немецкого народа» на расовой основе. Именно у Гюнтера была позаимствована мысль о «репродуктивно-супружеских дворах», которые должны были служить основой для подбора супруги в полном соответствии с расовыми критериями. Только так мыслилось обеспечить приток «хорошей крови» к «крестьянскому дворянству». Девушки, достигшие брачного возраста, делились по году рождения на оценочные группы, которые отвечали их «расовой значимости». Если не считать, что

Дарре был активистом движения «Северное кольцо», то эти запутанные идеи интересны по двум причинам. С одной стороны, работы Дарре издавались в начале 30-х годов большими тиражами и пользовались популярностью не только среди национал-социалистов. Многие из будущих офицеров СС формировали свои расистские представления именно на основе книг Дарре. С другой стороны, изложенный в этих работах творческий проект по выращиванию «нового крестьянского дворянства» был реализован с точностью до деталей. В 1932 году работы Дарре стали для СС своего рода мировоззренческой конституцией. Об этом говорят хотя бы такие факты, как формирование отдельных групп, отвечающих «расовой ценности», выбор супруга согласно расовым теориям, образование профессиональной группы специалистов по расовым вопросам, которые должны были координировать работу по реализации этого проекта. Этот вывод подтверждают личные замечания Генриха Гиммлера.

По тиражам работы Дарре уступали только «Майн кампф» Гитлера и «Мифу XX века» Розенберга. Например, к 1938 году «Крестьянство как жизненный источник нордической расы» переиздавалось восемь раз.

Дарре видел в немецких женщинах прежде всего «производительниц» здорового потомства, в то время как главным критерием для мужчин являлась их деятельность. И те и другие должны были бы соответствовать «нордическим образцам». Он писал: «Вместе с тем как идея производительности, так и идея расового воспитания могли бы в очень простой и, без сомнения, жизнеспособной форме врасти в наше народное бытование». При классификации девушек на выданье Дарре выделял четыре «класса», которые отвечали неким расовым критериям. Позже эта идея стала проводиться в

жизнь расовыми экспертами СС, за тем исключением, что они выделяли не «классы», а «оценочные расовые группы».

Согласно идеям Дарре, в первый «класс», группу расовой элиты, могли попасть не более 10 % девушек каждого года рождения. Вторую группу можно было бы характеризовать как самую многочисленную — в нее зачислялись девушки, имеющие «хорошие показатели».

Только представительницы этих первых двух групп могли сочетаться браком с представителями «нового крестьянско-дворянского сословия». Девушки, попавшие в третью и четвертую группы, являлись «расово нежелательными» — государство должно было делать все возможное, чтобы у этих девушек на свет не появились дети. Девушкам группы IV принципиально не должно было выдаваться разрешение на замужество. Особы из группы III, если они хотели все-таки выйти замуж, должны были пройти предварительную стерилизацию. Из вышеприведенной системы видно, что она предполагалась не только для отбора элиты (СС и «новое крестьянство»), но и для «отбраковки инородных элементов», что сразу же предполагало ее широкое распространение.

Дарре имел достаточно ясные представления даже относительно специалистов, которые должны были бы проводить распределение девушек по «классам», отвечать за выбор из числа «новых аристократов». Центром подобной деятельности должны были являться специальные станции, на которых работали бы специальные служащие. Они вместе с судьями, имперскими, региональными и местными структурами должны были заниматься решением всех вопросов, связанных с «наследственным материалом нашего народа». Также планировалось осуществление тесного сотрудничества с врачами, которые должны были вести специальные записи, что в итоге

привело бы к «инвентаризации нации на основании планомерного исследования родословной каждого из немцев». Позже для этих целей в СС использовались перфокарты, которые сортировались соответствующими машинами. Это была одна из первых форм массовой обработки статистических данных.

То, что в книге было изображено как «расовая утопия», оказалось более-менее приближенным к реалиям Третьего рейха. Евреи и «еврейские метисы», «асоциальные личности» и «страдающие наследственными болезнями» были занесены в специальные картотеки, созданные по инициативе национал-социалистического руководства. Все эти сведения собирались и обрабатывались самыми современными на тот момент методами. Внутри СС за несколько лет возникла система «родового опекунства» и специальные «родовые учреждения». Родовое управление, возникшее в 1932 году как один из отделов Расового управления СС, вело семейную картотеку всех членов СС, ас 1938 года также собирало сведения о евреях. Расовыми экспертами СС была также запланирована «этническая инвентаризация» населения Третьего рейха.

Одновременно с этим 29 сентября 1939 года был принят Имперский закон «О наследуемом крестьянском дворе», который был инициирован лично Дарре, как Имперским министром сельского хозяйства. Этот закон предусматривал возможность превращения многих крестьянских хозяйств в так называемые крестьянские наследуемые дворы. Это предпринималось для того, чтобы укреплять крестьянское сословие как «основу общества» и одновременно получить количественный рост средних крестьянских предприятий. Новый закон пресекал возможность деления сельских дворов между детьми умершего хозяина. Отныне вводилось полное наследование по мужской линии старшим из рода. Одновременно с этим Закон преследовал целью сохранение «чистой крови немецкого крестьянства». Тот,

кто получал наследство, не мог иметь «примесей» еврейской крови, то есть полноправным крестьянином мог быть только чистокровный немец.

Принятый документ был скорее идеализированной декларацией, нежели работоспособным законом. Взять, к примеру, требование, предъявляемое к владельцу «крестьянского наследуемого двора», — предоставление своей родословной вплоть до 1 января 1800 года. Подобные требования обычно предъявлялись лишь к мужчинам, желавшим вступить в СС. Нацистская пропаганда сильно преувеличивала положительные результаты этого Закона. Во многом он не оправдывал крестьянских чаяний. В министерстве сельского хозяйства очень быстро скопились кипы протестов против возможности преобразования крестьянских хозяйств в «наследуемые дворы», жалоб на догматичное регулирование порядка наследования. Все эти нововведения еще более усилили отток крестьян из деревни. Однако закон удачно способствовал разжиганию антисемитских настроений на селе.

Несмотря на активность, Вальтер Дарре не принимал личного участия в подготовке «Приказа о бракосочетании». Для разработки этого вопроса он обратился в конце 1931 года к эксперту в области практической селекции, офицеру рейхсвера Хорсту Рехенбаху, который был назначен его заместителем. Рехенбах числился в аграрно-политическом аппарате партии и был давнишним знакомым Гиммлера и Дарре. Все они познакомились еще в «Артаманах». Этот национал-социалист всегда проявлял повышенный интерес к поселенческим проектам, что было второй сферой деятельности только что созданного Расового управления СС. В начале тридцатых годов Рехенбах, еще пребывая в рейхсвере, был занят в Штутгарте обучением рекрутов, среди которых проводил антропологическое освидетельствование. Этот факт имеет особое значение, так как именно Рехенбах разработал схему оценок по селекционному

отбору рекрутов, в которой учитывались многочисленные расовоантропологические критерии: 1) «оценка телосложения», 2) «расовая принадлежность», 3) «воинский настрой и общее состояние, общий вид» и т. д. Позже, после прихода к власти национал-социалистов, эти три критерия будут положены в основу «расовых карт», которые заполнялись на кандидатов, вступавших в СС.

После того как Дарре пригласил его в Расовое управление СС, Рехенбах срочно попросил об отставке с военной службы. Не скрываясь, он назвал в качестве обоснования для этого решения приглашение Гиммлера и Дарре к «сотрудничеству по осуществлению народнопоселенческой работы», в рамках которой он должен был ведать вопросами наследственной и расовой гигиены. Однако на самом деле только после вмешательства Гиммлера рейхсвер оказался готов вывести в запас ценного офицера. По этой причине практическая работа в Расовом управлении СС началась лишь в конце лета 1932 года. Наряду с Дарре и Рехенбахом к созданию Расового управления оказался причастен мюнхенский ученый Бруно Курт Шульц, который занимался расовыми и антропологическими проблемами. Именно он еще в 1931 году подготовил проект «Приказа о бракосочетании», после чего был приглашен Дарре в состав новой эсэсовской структуры, в которой стал начальником отдела расоведения. Таким образом, основные структурные компоненты Расового управления СС возникли лишь к 1932 году, почти вся работа этого подразделения протекала в Мюнхене. В 1933 году структура, возглавляемая Дарре, была названа Управлением по вопросам расы и поселений. Ее, как и прежде, возглавлял Рихард Вальтер Дарре. Рехенбах был назначен его заместителем и экспертом по проведению практической селекции, а Бруно Курт Шульц занимался вопросами расового воспитания и образования эсэсовцев. Вообще, самые первые попытки выстроить внутреннюю структуру Расового управления

СС были предприняты в письме, которое Шульц написал Дарре 16 января 1932 года.

Несмотря на то что «Приказ о помолвке и бракосочетании» был подписан в конце 1931 года, его воплощение в жизнь началось где-то в конце 1934-го середине 1935 года. Уже в 1934 году имелось 14 694 пары, которые обратились к руководству СС за разрешением на помолвку, а впоследствии пожениться. В 1935 году их число достигло 16 691. К заявлению о предполагаемой помолвке должна была прилагаться родословная жениха и невесты, прослеженная вплоть до 1800 года, а также несколько анкет, к которым обязательно прилагалось несколько фотографий. Именно на основании этих документов специалисты Управления по вопросам расы и поселений устанавливали «расовую ценность» молодоженов, уделяя повышенное внимание прежде всего невесте. Ко всем этим бумагам также необходимо было приложить рукописные биографии молодоженов, листы наследственного здоровья и медицинские анкеты, которые заполнялись специальными эсэсовскими врачами. Наряду с этими формулярами нужно было принести высказывания двух поручителей невесты о ее личных качествах и способностях домохозяйки. Всю эту кипу бумаг жених подавал лично в Управление по вопросам расы и поселений, где они рассматривались сначала в расовом отделе, а затем в отделе поселений (позже они стали управлениями в составе РуСХА). Официально решение о выдаче разрешения на свадьбу выдавал рейхсфюрер СС, но, когда количество жаждущих вступить в брак стало гигантским, это разрешение они получали прямо в РуСХА, почти сразу же после рассмотрения соответствующих документов. Документы направлялись Гиммлеру только в тех случаях, когда расовые эксперты отказывались выдавать разрешение на брак, то есть рейхсфюрер СС должен был вынести окончательное решение по этому вопросу.

Сам Гиммлер настаивал на том, что документы должны были подаваться до помолвки, то есть руководство СС должно было выдавать разрешение не только на свадьбу, но и на помолвку. Но на практике оказалось, что осуществить это требование было крайне сложно. Несмотря на то что заключение помолвки без соответствующего разрешения каралось определенными санкциями, в течение многих лет de facto большинство эсэсовцев подавали документы на получение разрешения уже после помолвки. Гиммлера не устраивала данная ситуация. Показательно, что Гиммлер позже по собственной инициативе создал еще несколько барьеров на пути к женитьбе. Он установил, что жених не должен был быть младше 25 лет. Кроме того, эсэсовское руководство должно было получать справки о финансовом и имущественном состоянии жениха и невесты. Приказ об этом был выпущен 6 июня 193 5 года.

1 августа 1936 года к этому списку добавился еще один документ — невеста должна была предоставить справку о том, что она прошла обучение на курсах для будущих матерей. В том же 1936 году было установлено, что старшие офицеры СС должны были прослеживать родословную не до 1800, а до 1750 года, исключение не делалось даже для ветеранов партии периода «эпохи борьбы», которые со временем поднялись вверх по служебной лестнице в СС.

Прохождение всей этой долгой процедуры было связано не только с бюрократической проволокой, но и значительными финансовыми затратами. Так, например, только для уточнения родословной приходилось прибегать к услугам специалиста по генеалогии. Значительные финансовые издержки предполагались и при подготовке других документов.

Как и стоило предполагать, обработка запросов на выдачу разрешения продолжалась очень долго. В этих условиях не было

удивительным, что руководство СС получало множество жалоб на специалистов из Управления по вопросам расы и поселений. Но, несмотря на все эти сетования, Генрих Гиммлер был непреклонен: расовые эксперты СС должны были проверять молодоженов с предельной тщательностью. Подобную ситуацию можно было наблюдать и в годы Второй мировой войны, хотя в этот период требования к документам и сроку их прохождения стали более «либеральными». Когда же жаждущие вступить в брак пытались попросить ускорить процесс рассмотрения их документов, то, как правило, они слышали в ответ ссылки на рейхсфюрера СС, высокопарные фразы о том, что «эсэсовец должен нести личную ответственность за будущее народа и государства». Складывалось впечатление, что речь шла не о выборе будущей супруги, не о личном счастье, а о выполнении важного политического задания. Впрочем, это не было преувеличением, ведь Гиммлер и Дарре рассматривали супружество лишь с точки зрения воспроизводства ценного «наследственного материала».

Возможность исключения из СС в случае, если эсэсовец выбирал в жены «расово нежелательную» невесту, существовала не только на бумаге. Эта норма находила широкое применение особенно часто в предвоенные годы. Мягкой формой этого наказания было так называемое разрешение на бракосочетание под собственную ответственность, что было некой разновидностью гражданского брака, то есть семья формально не существовала, а супруги не имели права заводить детей. Но, как правило, применялась более жесткая форма, которая предусматривала исключение из СС, если мужчина отказывался расторгнуть помолвку. Стоит отметить, что наряду с «расово нежелательными качествами» невесты поводом для запрета на вступление в брак могло быть ее бесплодие. Прецедентом для этого стал случай Вильгельма К., который в июле 1935 года отказался расторгнуть помолвку с бесплодной девушкой, за что был исключен из СС лично

Гиммлером. По логике эсэсовского руководства бесплодная жена удерживала супруга от того, чтобы он исполнил свои «демографические обязательства» по пополнению расового и наследственного фонда Германии. Насколько семья и потомство были значимым компонентом в идеологии СС, показывает фраза Гиммлера, произнесенная им сразу же после начала Второй мировой войны. В ней он рассказал о приказе, который получил известность как «Приказ о зачатии». Гиммлер подчеркивал, что с началом войны каждый из членов СС должен считать своим долгом заботиться о заведении многочисленного потомства, что должно было стать залогом достаточного пополнения «хорошей крови».

Однако свою родословную должен был предоставить не только эсэсовец, готовящийся жениться. Расовое освидетельствование всех кандидатов на вступление в СС, как уже говорилось выше, начало готовиться еще в 1932 году. Постоянной практикой оно стало лишь в 1933 году, после прихода Гитлера к власти. Тот же, кто стал членом СС до 1933 года, должен был предоставить в Расовое управление пресловутые «доказательства арийского происхождения и наследного здоровья», а также родословную до 1800 года. В случае если эсэсовец не соответствовал расовым критериям или же его предки не были арийцами, то он признавался «расово непригодным» и автоматически исключался из СС. Гиммлер пытался по политическим причинам держать в строжайшей тайне количество подобных инцидентов.

При приеме в СС новых членов референты по расовым вопросам подходили к ним с критериями, которые были в свое время разработаны Рехенбахом. Сначала они описывали и регистрировали внешние характеристики телосложения кандидата. Оно оценивалось по девятибалльной системе, где единица соответствовала «идеальному сложению», а девятка — «деформированному». Затем выставлялась «расовая оценка».

Здесь единица присваивалась кандидатам «чисто нордического типа», а пятерка — «неевропейского типа с возможными примесями иных расовых видов». В промежуточные группы попадали люди, которые согласно теории Гюнтера были представителями динарской, восточно-балтийской и прочих рас. В итоговом заключении соискателю выносилась итоговая оценка, где высший балл присваивался мужчинам, «предназначенным исключительно для СС», а низший — «не могущим быть немецкими солдатами». Окончательное решение выносилось с учетом этой оценки и краткой проверки спортивных и интеллектуальных возможностей. Претендент мог стать членом СС только в том случае, если получал по меньшей мере оценку AIII, то есть «в целом пригоден для службы в СС». При этом его телосложение должно было быть хотя бы «удовлетворительным», а в расовом отношении допускалось наличие примесей фальской, западной или динарской рас. В качестве примера можно привести следующее заключение: «Мюллер, Ганс, 17 лет, 4 брата и сестры, 176,5 см, 6 b AIII / 7 VI АП». Если расшифровать эту запись, то в ней значится, что претендент на вступление в СС Ганс Мюллер по внешним критериям обладал «хорошим телосложением», у него был преимущественно нордический тип с примесями фальской расы. На основании этих признаков было установлено, что претендент «в целом подходил для службы в СС». Впрочем, в отдельных случаях могли делаться отступления от общепринятых правил. Это касалось прежде всего приема в СД, когда требования к физическим качествам претендента (рост, близорукость, физическая сила) значительно смягчались. Если претендент не соответствовал расовым критериям, то в данном случае решение принимал лично Гиммлер. Подобная практика предопределила то, что в июне 1936 года РуСХА разработал для приема в СД новые критерии отбора.

Если претендент на вступление в СС считался неподходящим по расовым причинам, то ему не сообщали об этом, просто заявляя,

что он непригоден для службы в СС. В самом начале отбора отметались те, кто принадлежал к четвертой и пятой расовым группам («метис», «восточный, восточно-балтийский тип», «неевропейское происхождение»). Чтобы гарантировать хорошее с расовой точки зрения потомство у эсэсовцев, специалисты Управления по вопросам расы и поселений начали проводить планомерное освидетельствование членов гитлерюгенда и учащихся Наполас (Национально-политических воспитательных учреждений), считавшихся элитарными учебными заведениями Третьего рейха. Идеальных претендентов приглашали на дальнейшее обучение в юнкерские школы СС. Освидетельствование учащихся Наполас специалистами РуСХА началось в 1936 году. В своем письме от 12 июня 1936 года Имперский министр воспитания Б. Руст сообщал о перспективном и успешном сотрудничестве с референтами из состава Главного управления по вопросам расы и поселений.

После того как отбор по расовым признакам во время освидетельствования при вступлении в СС стал важнейшим критерием, в практику были введены зеленые и красные «карточки». Первые выдавались тем, кто подходил для службы в СС, вторые тем, кто был «забракован». Приказом Гиммлера от 22 декабря 1939 года введена в оборот специальная «расовая карточка СС», которая строилась на тех же самых критериях отбора. Она представляла собой лист, на котором по стандартной форме были заведены графы, позволяющие делать отметки по 21 внешнему признаку. Позже эта форма карты использовалась при расовом освидетельствовании фольксдойче и ненемецкого населения завоеванных территорий.

Политика эсэсовского руководства по расовому отбору и выдаче разрешений на вступление в брак, с одной стороны, указывает на то, что СС планировались как биологическое ядро немецкого народа, а с другой стороны, говорило о том, что частная жизнь

членов СС превращалась в политическую миссию. В настоящий момент в федеральных архивах ФРГсодержится где-то около 240 тысяч разрешений на вступление в брак, выданных эсэсовцам. По статистике РуСХА, к 1941 году было выдано более 100 тысяч подобных разрешений. Со временем подобные требования стали предъявляться не только к эсэсовцам, но и служащим Ваффен-СС, а с 1942 года и к служащим полиции (правда, для полицейских эта процедура не была обязательной). Сведения о подобной социально-политической практике позволяют ответить на вопрос, почему расовые эксперты СС были столь непреклонны на оккупированных территориях, когда освидетельствовали гражданское население. Дело в том, что они были убеждены в правильности подобной селекции, так как полагали, что испытали ее «истинность» на собственном теле.

Несмотря на то что выдача разрешений на бракосочетание являлась функциональной обязанностью сотрудников Главного управления СС по вопросам расы и поселений, Генрих Гиммлер никогда не отказывал себе в «удовольствии» вмешаться в этот процесс. Он использовал каждый удобный случай, чтобы вновь и вновь вторгнуться в личные взаимоотношения людей. По большому счету его болезненная реакция на проблему отношения полов очень много говорила о состоянии брака самого Генриха Гиммлера. Есть множество примеров того, как рейхсфюрер СС принимал решения относительно выдачи разрешения на вступление в брак того и иного эсэсовца. С началом Второй мировой войны увеличилось количество служащих СС, которые хотели жениться на представительницах иных народов. В августе 1940 года Гиммлер рассматривал заявление служащего СС, намеревавшегося взять в жены чешку, которая была классифицирована расовыми экспертами как «представительница хорошей породы». Для Гиммлера проблема имела исключительно расовое звучание. После этого рейхсфюрер СС писал Бах-Зелевски. «С сугубо национальной точки зрения надо

противиться такому браку, однако с расовой точки зрения выбор служащего СС абсолютно верен, так как он захотел отобрать хорошую, породистую женщину у чешского народа и решил подарить ее нордическую кровь немецкому народу». Разрешение на вступление в брак в указанном случае было решено выдать только при условии, что невеста навсегда покинет свой родной город и переселится в «старую империю» (после 1939 года так обычно именовали сугубо немецкие территории Третьего рейха).

Но не во всех случаях Гиммлер был столь «благосклонным». Например, в 1942 году к нему попало заявление одного из охранников лагеря Дахау, который просил разрешения жениться на некой Люсии Б., которая была матерью его троих детей. Оба они происходили с польских территорий, что становилось существенной проблемой для выступления в брак. Гиммлер полагал, что разрешение на брак можно было выдать только после того, как Люсия и ее дети прошли бы программу онемечивания, которая осуществлялась специалистами Главного управления СС по вопросам расы и поселений. В то же самое время Гиммлер сразу же направил на Восточный фронт одного из оберштурмфюреров дивизии «Мертвая голова», когда тот попросил разрешения на брак с «привлекательной девушкой, происходившей из национально-сознательной чешской семьи». В данном случае глава СС не увидел «расовой составляющей» просьбы. К слову сказать, желая вступить в брак, любой из эсэсовцев рисковал навлечь гнев Генриха Гиммлера. Поводов для этого было великое множество: беременность невесты, разница в возрасте (избранница была старше жениха) и т. д. Если в 1923 году Генрих Гиммлер смог расстроить помолвку всего лишь одного своего брата, то теперь он получил возможность контролировать и определять личную жизнь сотен и даже тысяч людей.

Кроме заявлений на вступление в брак, Гиммлер постоянно просматривал заявления, которые подавались служащими СС на развод. Если случайно обнаруживалось, что те при расторжении брака вели себя «неблагородно», то это могло обернуться малоприятными последствиями. Один из оберштурмфюреров, который подал одновременно заявление на развод и заявление на возможное вступление во второй брак, был не только исключен из СС, но был послан на фронт в зенитные войска. Гиммлер посчитал, что подобное поведение было «неблагородным». В другом случае обершарфюрер из одной дивизии СС дважды подавал заявления на развод. В обоих случаях было выяснено, что он «грубо и даже жестоко обращался со своей женой». Когда он все-таки получил разрешение на вступление в третий брак, Гиммлер просил довести до сведения этого обершарфюрера СС, что «если он и в третий раз будет жестоко обращаться с супругой, то в дело придется вмешаться лично мне». Далее Гиммлер подчеркнул: «На этот раз дело закончится не очередным разводом, а многолетним воспитанием, которое позволит поубавить его вспыльчивость, приучит к самообладанию и привьет доброту в общении с другими людьми, что так необходимо в человеческом обществе». В некоторых случаях для наказания было достаточно и менее агрессивного поведения. Так, например, коменданта женского концентрационного лагеря Лихтенбург Тамашке сняли со своего поста, так как до рейхсфюрера СС дошли слухи, что тот «пренебрегает своей женой». Однако излишняя заботливость о супруге для Гиммлера была тоже «прегрешением». В 1937 году он заявил группенфюрерам СС: «Я не могу понять, как тот или иной штандартенфюрер или оберфюрер может быть форменным подкаблучником. Я не устаю повторять: офицеры, которые не способны повести за собой свою маленькую группу, а именно себя и свою супругу, едва ли могут быть пригодными для великих дел».

Вообще, вмешательство Гиммлера в личную жизнь могло принимать самые причудливые формы. Так, например, высший руководитель СС и полиции в Альпийской области Эрвин Рёзенер в апреле 1942 года обратился к Карлу Вольфу с личной просьбой. Он просил узнать, как отнесется рейхсфюрер СС к тому, что Рёзенер подаст второй раз на развод. Причиной развода являлся очередной внебрачный ребенок. Гиммлер дал разрешение на развод и на очередной брак, однако после этого стал действительно вмешиваться в личную жизнь Рёзнера. Того могли вызвать на несколько недель в Берлин только для того, чтобы Гиммлер стал его поучать принципам семейной жизни. Не менее показательным был пример 56-летнего группенфюрера СС и генерала-лейтенанта полиции Герберта Беккера. В 1943 году Гиммлер поинтересовался у Беккера, не была ли склонна его супруга к однополым отношениям (подобное подозрение вызвали перлюстрированные письма). В ответ на это Беккер стал заявлять, что «его брак основывается на национал-социалистических принципах супружеского сосуществования». После этого Гиммлер выразил надежду, что семейная жизнь Беккера все-таки приведет к рождению детей.

Если посмотреть на время, когда Гиммлер активно занялся созданием «идеальной» модели взаимоотношения полов, то оно придется на 1936–1937 годы. Именно в 1937 году Гиммлер произнес перед группенфюрерами СС речь, которая была посвящена проблеме увеличения рождаемости. Что же Гиммлер считал угрозой для рождаемости? Уже в 1937 году он сам сказал, что его выводы были построены не на результатах научных исследований, а базировались на его политическом опыте, который он приобрел, когда в 1933–1934 годах только возглавил немецкую полицию. Рейхсфюрер СС полагал, что рождаемости в первую очередь угрожали гомосексуализм и аборты. По его расчетам в Германии имелось около 1–2 миллионов гомосексуалистов, что составляло около 10 % мужчин, которые

могли бы иметь детей. Гомосексуалисты выбывали из процесса воспроизводства потомства. Гиммлер, не скрываясь, говорил, что «если все оставить так, как есть, то наш народ будет испорчен этой эпидемией».

Вторая угроза для будущего «нордической германской расы» крылась в абортах. Гиммлер предполагал, что каждый год в Германии их совершалось от 600 до 800 тысяч. Его удручало, что ежегодно Германия недосчитывалась нескольких сотен тысяч детей. Но куда больше его беспокоило то, что после аборта около 300 тысяч немецких женщин ежегодно становились бесплодными. Кроме этого, по его подсчетам, ежегодно во время и после абортов умирало примерно 30–40 тысяч женщин. Для него это были «страшные, но отрезвляющие цифры».

Как результат, Гиммлер возлагал вину за это неудовлетворительное демографическое состояние на двуличную христианско-буржуазную мораль. Именно эту мораль он винил в абортах, на которые решались беременные девушки, рисковавшие стать матерями-одиночками. Он подчеркивал, что если у мужчины есть любовница, то общество смотрит на это сквозь пальцы. «Однако, если девушка благоразумна, следует законам природы и зачинает ребенка, то общество отворачивается от нее». То же самое общество возмущается, когда девушка рожает этого ребенка вне брака. В разговоре с личным врачом Гиммлер как-то произнес следующую речь: «Характерным выражением этого двойного стандарта является тот статус, который по обычаям среднего класса получают дети, родившиеся от таких связей и получающие название незаконнорожденных. Такое определение подразумевает, что они не состоят в родстве со своим отцом и его семьей. Фактически закон гласит, что бастарда и его отца нельзя считать родственниками. Природа лишается своих прав лишь для того, чтобы сохранилась видимость приличий в обществе, где

доминирует средний класс. Отец лишается возможности делать самые естественные вещи на свете: обращаться с ребенком как со своим собственным и заниматься его воспитанием. По закону это не его ребенок, а ребенок женщины, которая не имеет к нему никакого отношения, может быть, за исключением того факта, что мужчина дает ей деньги. Кроме того, ему нельзя жениться на матери ребенка, так как он уже женат. Если он живет с ней, закон называет это конкубинатом, а проблемы, вызванные откровенным скандалом, должна улаживать полиция. Сведения подобного рода постоянно поступают к моим людям.

Человек в такой ситуации лишается доступа к своему ребенку. Он снова идет против закона, если хочет усыновить ребенка, пока у него есть собственные дети или хотя бы возможность их завести. Иными словами, закон вступает в прямое противоречие с нашей вопиющей природной потребностью — детей, как можно больше детей! Мы должны проявить храбрость и решительно действовать в этом вопросе, даже если церковь окажется к нам в еще большей оппозиции, — чуть больше или чуть меньше, не имеет значения».

Что же это были за законы природы, которым должны были следовать девушки, несмотря на буржуазную мораль? Гиммлер пояснял: после наступления половой зрелости (14–16 лет) немецкие юноши и девушки в силу проживания в холодном климате должны были воздерживаться от половых сношений. Однако к 20 годам половые инстинкты должны были взять своё. Молодые люди не могли долгое время воздерживаться от секса. У девушки в связи с этим было только две возможности: либо она жила с мужчиной и «оставалась здоровой», либо ее половое воздержание приводило к «истерии». Гиммлер замечал: «Если природа настолько мудра, чтобы даровать человеку сильнейший инстинкт в возрасте 15–16 лет, то буржуазная мораль, говорящая “Это надо делать в 30 лет», не может быть умнее. Но она

провозглашает, что это неестественно!» Гиммлер полагал, что законы природы и буржуазная мораль всегда расходились в принципиальных моментах. По его мнению, в древности общественное мнение германцев и природа находились в согласии друг с другом. Тогда внебрачные половые сношения не являлись чем-то позорным. Общественное внимание обращало внимание на то, чтобы юноша и девушка были представителями одной расы. Гиммлер намеревался восстановить якобы существовавший в древности «закон нордической крови». Любые половые сношения с «расово неполноценным» партнером должны были рассматриваться в национал-социалистическом государстве как нравственная деградация.

Гиммлер думал, что германцы обращали внимание в первую очередь на появление новых детей, не принимая в расчет, были ли они рождены в браке или вне брака. Так германцы укрепляли могущество собственного народа и расы. Рейхсфюрер СС высказывал мысль, что за последние 1000 лет эти принципы были забыты. Национал-социализм, и прежде всего СС, должен были вернуть к жизни эти «древние законы». В 1936 году Гиммлер торжественно заявил эсэсовской верхушке: «Я точно знаю, что мы как народ будем непобедимы и бессмертны, будем действительно арийско-нордической расой, если будем проводить отбор в соответствии с законами крови, если будем придерживаться культа предков. Только так мы сможем познать вечный круговорот бытия, все события и саму жизнь на Земле. Народ, который чтит своих предков, всегда должен рожать детей».

Проигрыш в Первой мировой войне должен стать триумфом Третьего рейха. Подчеркнем, что Гиммлер приветствовал ранние браки. Он предпочитал, чтобы его эсэсовцы вступали в брак не в 30–35 лет, как большинство немцев, а в 24–25 лет. Однако одного только брачного союза было недостаточно. В «настоящей»

эсэсовской семье должно было быть много детей. Брак без детей для Гиммлера был «банальными отношениями».

Как понимаем, ранний брак и множество детей отныне не были личным делом юноши и девушки. Гиммлер хотел, чтобы его охранные отряды были демографическим примером для всей Германии. Он хотел опосредованно воздействовать на увеличение рождаемости и прирост населения. Так он обратил внимание на проблему абортов. В этом вопросе он хотел установить самые жесткие правила. Гиммлер намеревался во что бы то ни стало запретить аборты. Хотя в мае 1933 года были ужесточены правила проведения абортов, но Гиммлер все равно оставался недовольным. Он хотел, чтобы докторов и девушек, пошедших на прерывание беременности, преследовали как уголовных преступников. Он намеревался предложить другой путь решения проблемы, а именно защиту матери-одиночки и ее внебрачного ребенка от «лицемерного общества». Именно этот посыл стал причиной возникновения эсэсовской организации «Источник жизни» («Лебенсборн»), Несмотря на многочисленные мифы и домыслы, формальным поводом для возникновения «Источника жизни» была борьба с абортами и поощрение внебрачной рождаемости. Однако этот вопрос рассматривался исключительно под углом расовой политики. В 1936 году Гиммлер не делал никакой тайны из того, что отрицательный отбор, начатый национал-социализмом (принудительные стерилизации, ограничения на вступление в брак и т. д.), должен был дополняться положительной селекцией. Два года спустя штандартенфюрер СС доктор Эбнер, фактический управляющий делами «Лебенсборна», так видел задачи этого учреждения: «Если государство изымает наследственно здоровых людей из процесса размножения, то на другой стороне мы должны способствовать появлению на свет любой ценой наследственно здоровых детей, носителей ценной крови».

Проблему планирования эсэсовских семей проще будет объяснить, если принять в расчет личную жизнь самого Гиммлера. Несмотря на то что он продолжал быть верным своей юношеской привычке вмешиваться в личную жизнь близких ему людей, он принципиально изменил подход к добрачным половым отношениям и рождению детей вне брака. К этому времени сама семейная жизнь Гиммлера дала трещину. Осенью 1937 года семейство Гиммлеров проводило относительно спокойный отпуск в Италии. Однако именно в это время Маргарета Гиммлер начинает вести дневник, если, конечно же, можно назвать дневниковыми записями раздраженные заметки. Каждая строчка буквально была пропитана глубоким недовольством. Казалось бы, у Маргареты Гиммлер не было поводов для возмущения. После того как национал-социалисты пришли к власти, Гиммлер стали культивировать образ жизни, который подобал политической элите страны. Вначале они переселяются в просторную мюнхенскую квартиру, располагавшуюся на Мёлыптрассе. Осенью 1934 года Гиммлеры съезжают с нее и перебираются к озеру Тагрензее, где Генрих Гиммлер приобрел имение у певца Алоиза Бергстоллера. Это имение было основательно перестроено в 1937 году. Кроме этого в распоряжении семьи Гиммлеров имеется домик на берегу моря, а также охотничий домик в горах. Со временем супружеская пара обзавелась жильем в Берлине. Поначалу Генрих Гиммлер разместился в комфортабельной квартире на Тиргратенштрассе. Однако в ноябре 1934 года он переезжает в дом № 22 по Хагенштрассе. Следующий раз Гиммлеры меняют берлинское жилье уже в 1937 году. Им достается вместительный дом в престижном районе имперской столицы Далем. По большому счету это был городской особняк, насчитывавший четырнадцать комнат. Поскольку этот дом был задекларирован как служебная квартира рейхсфюрера СС, то он достался ему совершенно бесплатно.

В первые годы брака Маргарета гордилась профессиональными успехами своего супруга. Однако она бесконечно жаловалась на то, что Генриха Гиммлера почти никогда не бывает дома. Она начинает понимать, что у успеха имеется своя обратная сторона. На десятую годовщину свадьбы она запишет в своем дневнике: «У меня имеется очень многое, впрочем, в самом браке я до сих пор нуждающаяся. Генриха почти не существует для меня, он признает только работу». Социальный статус супруги рейхсфюрера СС был очень высоким, но Маргарета с каждым днем становится все более нелюдимой. Постепенно ее замкнутость превращается в некое агрессивное презрение, которое она не стесняется демонстрировать окружающим ее людям. Разочарование озлобляет, и свою злость она срывает на персонале. Она постоянно выражает недовольство «дерзкими и ленивыми» курьерами, которые почти постоянно пребывали в доме Гиммлеров. В дневниковых записях все чаще и чаще появляются нотки, близкие к ожесточению и ярости: «Почему бы не посадить всех этих людей под замок, чтобы они работали там, пока не сдохнут. Иногда я задаюсь вопросом: живу ли я среди людей или нет?»

Нередко досаду Маргарета Гиммлер вымещает на приемном сыне Герхарде, отцом которого был погибший эсэсовец. Герхард был на год старше Гудрун, родной дочери Генриха и Маргареты Гиммлеров. В дневнике озлобленной женщины сохранились самые нелепые претензии к мальчику. Она называет его «преступником», который якобы украл деньги, но продолжает отпираться и «неописуемо врать». Ее также раздражает тот факт, что родная мать мальчика даже не предприняла ни одной попытки вернуть себе своего ребенка. В 1939 году Герхарда направили на обучение в Национально-политическое воспитательное заведение (Наполас). Как уже говорилось, Наполас были учебными заведениями элитного типа. Их курировали Гиммлер и СС. По этой причине Наполас как бы

являлись естественными конкурентами «Школ Адольфа Гитлера», которые опекались партийными структурами и «Немецким трудовым фронтом». Мальчик не смог прижиться ни в одном из этих заведений, а потому в октябре 1939 года покинул эти стены.

Принимая во внимание все эти сведения, едва ли можно говорить о том, что атмосфера в семье Генриха Гиммлера была умиротворяющей. И в это время он знакомится с молодой девушкой — Хедвиг Поттхаст, которая в начале 1936 года устроилась к рейхсфюреру СС на работу секретарем. История их любовных отношений была очень долгой и сложной. До 1938 года отношения Гиммлера и Поттхаст носили сугубо формальный характер. Затем возникла взаимная симпатия. Однако реальные любовные отношения между ними завязались не ранее 1940 года, то есть когда они были знакомы уже несколько лет.

Глава 19. Этнический вектор

Во время своего выступления в феврале 1937 года Генрих Гиммлер заявил группенфюрерам СС: «Иногда в национал-социалистических кругах мы мечтали, что завоюем весь мир. Мы должны подразумевать это, даже когда не говорим об этом. Для меня предельно ясно, что мы должны делать поэтапную подготовительную работу. Сегодня у нас нет в распоряжении свободных людей, чтобы заселить провинцию, зону или сельскую область, равную половине сегодняшней Германии. Также предельно ясно, что нам для этого не хватает населения. Если же мы окажемся обладателями областей, в которых преобладает негерманская кровь, то мы без сомнений и сожаления должны будем выселить всех, начиная от старух заканчивая детьми.

Мы должны будем привезти туда качественное расовое население. Вместе с этим мы должны будем энергично взяться за

дело, чтобы заселить нынешнюю Германию сотней миллионов немецких крестьян. Именно это направит нас по пути мирового господства. Тогда мы сможем воспринимать землю в арийском духе».

Гиммлер фактически создавал «расовую утопию», которая поэтапно должна была воплотиться в жизнь. Впервые он упомянул необходимую для Германии сотню миллионов немецких крестьян в 1931 году. Однако в 1937 году эта цифра озвучивалась не как некая гипотетическая предпосылка возрождения Германии, но как цифра, к которой надо было стремиться. Это была цель, которую на протяжении жизни нескольких поколений немцев должна была преследовать имперская политика в области народонаселения. Тон выступлений Гиммлера с каждым годом становился все более воинственным. В 1938 году он ориентировал руководство СС и полиции на приближение «столкновения», «судьбоносного часа», «который на ближайшие 30, 50, 100 лет предопределит жизнь Германии и нас самих».

В ноябре 1938 года Гиммлер заявил группенфюрерам СС, что приближается военный конфликт, в котором противостояние будет идти не на жизнь, а на смерть: «Для нас всех должно быть предельно ясно, что в ближайшие десять лет мы будем идти навстречу неслыханным столкновениям. Это будет не просто борьба наций, которые окажутся по разные стороны фронта. А это будет мировоззренческая борьба, в которой сплотятся все евреи, масоны, марксисты и клерикальный мир. В евреях я вижу движущую силу всех негативных процессов нашего мира. Для них предельно ясно, что они готовы вести войну до тех пор, пока не будут уничтожены Германия и Италия. Из этого следует простой вывод. Евреям не место в Германии. Это является всего лишь вопросом времени… Вам должно быть понятно, что если мы проиграем в начавшейся борьбе, то для германцев не

останется даже резерваций. Их будут морить голодом и уничтожать. Это будет уделом каждого, без учета того, являлся ли он восторженным приверженцем Третьего рейха или нет. Для преследования будет достаточно того, что человек был рожден немецкой женщиной и говорит на немецком языке».

Однако уже несколько месяцев спустя, в феврале 1939 года, Гиммлер заговорил о предстоящей войне не как о событии возможном в предстоящее десятилетие. Война в его речи была делом ближайшего будущего, что он связывал с последствиями еврейского погрома, более известного в истории как «хрустальная ночь». «Радикальное решение еврейской проблемы подталкивает Иудею к борьбе против нас. Если это будет необходимо, то они готовы развязать новую мировую войну», — заявлял рейхсфюрер СС во время выступления в Висбадене перед офицерами оберабшнитта «Рейн».

В своей речи перед группенфюрерами СС в ноябре 1938 года Гиммлер впервые дал характеристику своей «расовой утопии», фактически впервые назвав ее Великогерманской империей. «В будущем мы будем иметь Германию либо в виде Великогерманской империи, либо Германии не будет вовсе. **Я** верю, что если охранные отряды выполнят свой долг, то фюрер сможет создать Великогерманскую империю, Великогерманский рейх. Это будет самая великая империя, которую только знала история человечества. Это будет самая великая империя из всех существовавших на Земле. В этом предназначении кроется наш долг и наша работа».

Однако Гиммлер, кажется, не считал возможным, что Великогерманский рейх будет создан уже при жизни Адольфа Гитлера. Он подразумевал, что это сделает «наследник фюрера». Это станет очевидным, если принять довоенные высказывания Гиммлера 1939 года, в которых он говорил о необходимости

создания вокруг Германии «кольца поселений», в коих должно было проживать «от 80 до 100 миллионов германских крестьян». По его мысли, подобное «крестьянское окружение» являлось всего лишь предпосылкой для осуществления титанических планов по перекройке Европы. Гиммлер прекрасно понимал, что Третий рейх не обладал таким количеством свободных крестьян, и едва ли мог обладать в ближайшие 30 лет. По этой причине можно предположить, что предстоящую войну Гиммлер рассматривал всего лишь как первую стадию «мирового конфликта». Победа в ней должна была заложить основу Великогерманского рейха, который должен был возникнуть уже десятилетиями позже.

Начало деятельности Гиммлера по установлению контактов с немецким национальным меньшинством в Восточной и Юго-Восточной Европе относилось к 1936–1937 годам. Именно в это время рейхсфюрер СС начинает активно вмешиваться в «народную политику», как нередко именовали мероприятия в области народонаселения. Первый опыт подобной деятельности у Гиммлера появился в 1934 году, когда СД стало проявлять повышенный интерес к судетским немцам. Судетская область, после Первой мировой войны перешедшая к Чехословакии, стала плацдармом, с которого немецкие агенты наблюдали за деятельностью политических эмигрантов, скрывшихся от преследования национал-социалистов в этой европейской стране.

В некоторых случаях агенты СД были готовы на осуществление боевых акций. Так, например, в январе 193 5 года был убит ближайший соратник Отто Штрассера (на тот момент главного «национал-социалистического диссидента») Рудольф Формис. В конце 1936 года Гиммлер решил сам участвовать в «народной политике» режима. Для этого он мог опираться на «Ведомство посредничества фольксдойче». Надо отметить, что, начиная с 1933 года, между отдельными представителями НСДАП шла

усиленная борьба за контроль над мероприятиями, проводимыми в сфере «народной политики». Во многом именно по этой причине Гитлер поручил своему заместителю Рудольфу Гессу навести порядок в данной сфере. Гесс оказался перед сложной задачей — унификация всех союзных национал-социалистам организаций, которые действовали на территории соседних европейских государств, не представлялась целесообразной, поскольку в первые годы национал-социалистической диктатуры Германия фактически находилась в международной изоляции. Выход был найден в 1935 году, когда по приказу Гесса было создано «Ведомство посредничества фольксдойче», во главе которого был поставлен Отто фон Курселль. Это был художник, который с начала 20-х годов поддерживал национал-социалистов, а в 1934 году стал сотрудником министерства науки. В 1936 году Курселль, который являлся кроме всего прочего оберштурмбаннфюрером СС, пошел на конфликт с Генрихом Гиммлером. Причина конфликта крылась в том, что руководство СС поддерживало одну из самых радикальных группировок судетских немцев, которая находилась в оппозиции к организациям, сотрудничавшим с «Ведомством посредничества». Курселль наивно полагал, что сможет контролировать деятельность Гиммлера на территории Судетской области, а потому даже пытался заручиться поддержкой Германа Геринга. Гиммлер же в ответ решил отстранить Курселля от руководства «Ведомством посредничества фольксдойче», для чего только требовался удобный повод.

Этот повод был быстро найден. Дело в том, что Отто фон Курселль был руководителем организации «Балтийское братство», в рядах которой состояли многие прибалтийские немцы, которые оказались в Третьем рейхе. «Балтийское братство» обвинили в антигосударственной и масонской деятельности, после чего организация была запрещена, а сам Курселль исключен из СС и снят со всех постов. Так Гиммлеру

удалось поставить во главе «Ведомства посредничества фольксдойче» обергруппенфюрера СС Вернера Лоренца. Несмотря на то что Лоренц не был силен в «народной политике», он обладал хорошими связями, а также был дружен с Иоахимом фон Риббентропом, который во второй половине 30-х годов считался «надеждой национал-социалистической внешней политики». Заместителем Лоренца был назначен Герман Берендс, который являлся связующим звеном с СД. С самого начала именно Берендс являлся фактическим руководителем организации, так как Лоренцу отводились в большей степени представительские функции.

Новое руководство «Ведомства посредничества» предпочитало сотрудничать отнюдь не со всеми немецкими национальными организациями, но ориентировалось на зарубежные союзы национал-социалистического толка. Наиболее активно эта деятельность, курируемая СС, развернулась в 1938 году. Берендс сосредоточил свою деятельность на контактах с немецким национальным меньшинством в нескольких странах: Румынии, Венгрии, Югославии, Судетской области. Сразу же надо отметить, что до начала Второй мировой войны влияние Гиммлера на «народную политику» было косвенным и не носило официального характера. Он предпочитал положиться на доверенных ему лиц, которые руководили «Ведомством посредничества», тем более что эта организация еще не была влита в состав СС. Желание Гиммлера определять «народную политику» было во многом связано с формированием идей относительно того, что СС должны были играть центральную роль в процессе «восстановления германской расы», на основе которой должен был возникнуть Великогерманский рейх. В этой связи взаимодействие с немецким меньшинством в соседних с Германией странах должно было стать началом для сооружения «крестьянского кольца». Кроме этого СС могли выступать в кризисных ситуациях в качестве защиты «фольксдойче». Именно

эсэсовские специалисты являлись реальными организаторами отрядов «немецкой самообороны», которые возникли в Судетской области Чехословакии.

Причина того, что Гиммлеру без всяких проблем удалось вмешаться, а затем и получить контроль над «народной политикой» Третьего рейха, крылась в его хороших отношениях с Иоахимом фон Риббентропом, который по приказу Гитлера курировал деятельность «Ведомства посредничества фольксдойче». Гиммлер был знаком с фон Риббентропом еще с конца 1932 года, когда в его доме шли переговоры о формировании правительства во главе с Гитлером. Более того, в мае 1933 года Гиммлер произвел Риббентропа в штандартенфюреры СС (20 апреля 1940 года ему был присвоен чин обергруппенфюрера СС). Риббентроп не только сотрудничал с СД, но и считался личным другом Гиммлера (насколько Гиммлер мог вообще дружить с представителями политической элиты рейха). Накануне своего назначения Имперским министром иностранных дел Риббентроп со своей супругой прибыли в гости с ночевкой в дом Гиммлеров. В феврале 1939 года Маргарета Гиммлер, которая вместе с Риббентропом отдыхала в санатории, охарактеризовала его в своем дневнике как «друга семьи».

В ходе попыток оказывать влияние на внешнюю политику Генрих Гиммлер пытался наладить плодотворные отношения с представителями соседних стран. Речь шла в первую очередь о государствах, которые занимали «дружественную» позицию в отношении Третьего рейха. На первом месте, вне всякого сомнения, находилась фашистская Италия. 30 марта 1936 года в Берлине состоялась немецко-итальянская полицейская конференция. Германскую сторону на конференции официально представляли Гиммлер, Гейдрих, шеф гестапо Мюллер. Руководителем итальянской делегации был министр полиции

Артуро Боккини. На конференции в основном обсуждались проблемы борьбы с коммунистами. В октябре того же года немецкая делегация во главе с Гиммлером совершила ответный визит в Рим. По этому поводу рейхсфюрер СС был даже принят Муссолини. Впоследствии «антикоммунистические» двухсторонние конференции были проведены Гиммлером с представителями Финляндии, Болгарии, Венгрии. Были налажены контакты с правоохранительными органами Польши и Югославии. В последние дни лета 1937 года Гиммлер стал официальным лицом Международного полицейского конгресса, в котором принимали участие представители Бельгии, Бразилии, Болгарии, Финляндии, Греции, Италии, Югославии, Голландии, Польши, Португалии, Швейцарии, Венгрии и Уругвая. Конференция была закрытой. До сведения немецкой общественности было лишь доведено, что она была вновь посвящена проблемам борьбы с коммунизмом.

Тем временем между Генрихом Гиммлером и Артуро Боккини сложились настолько теплые и тесные отношения, что шеф итальянской полиции пригласил рейхсфюрера СС провести свой отпуск в Италии. Впрочем, это должен был быть не просто отдых, а попытка совместить его с решением деловых вопросов. Гиммлер не сразу смог выбраться на несколько недель в Италию. Дело в том, что 9 ноября он должен был принимать участие в ставших традиционными для Мюнхена торжествах, посвященных очередной годовщине «пивного путча». Только после этого он вместе со своей супругой смог направиться на юг.

По большому счету это была единственная заграничная поездка, в которой Генрих и Маргарета Гиммлеры были вместе. Как уже упоминалось выше, именно в это время Маргарета стала вести дневник. Из этого дневника можно узнать подробности пребывания Гиммлеров в Италии. Они прибыли в Рим на роскошной машине 14 ноября 1937 года. Их встречал лично

Боккини. В течение последующих дней чета Гиммлеров осматривала римские достопримечательности: Колизей, римский Форум, Капитолий. Гиммлер, обладавший немалыми познаниями в истории, смог удивить итальянцев. Также супруги посетили Ватикан. Здесь Генриху Гиммлеру удалось одержать небольшой «триумф» над католичеством — ему разрешили проехаться по улицам Ватикана на машине с установленным на ней флажком СС.

17 ноября высокопоставленных гостей ожидал Неаполь. В это время Гиммлера опять стали беспокоить сильные боли в желудке. На следующий день во время визита в Помпеи он уделил огромное внимание мозаичным полам, на которых были выложены свастичные орнаменты. Маргарета Гиммлер предпочитала слегка презрительно изучать людей и страну. В те дни она записала в дневнике: «В Италии неимоверно большое значение придают хорошей кухне… Несмотря на то что все постоянно пьют вино, нигде не видно пьяных. Повсюду мелькает множество детей». Гиммлеры продолжали экскурсии по Неаполю в сопровождении историка Ойгена Долльмана, немца по происхождению, который с 1928 года жил в Италии. В 1937 году он постоянно участвовал в экскурсионных поездках в качестве переводчика, который сопровождал национал-социалистические делегации. Кроме Гиммлеров он сопутствовал имперскому руководителю молодежи Бальдуру фон Шираху. Во время встречи с Гиммлером Долльман вызвался добровольно сообщать обо всем, что происходило в Италии. Это он тщательно делал на протяжении последующих лет.

Одним из главных итогов туристической поездки, которая продолжалась до 13 декабря, стало то, что Гиммлер обратил пристальное внимание на античное культурное наследие. Не дожидаясь возвращения в Берлин, 10 декабря 1937 года Гиммлер направил письмо научному куратору исследовательского

общества «Наследие предков» Вальтеру Вюсту. Тот должен был заняться поисками «германских» следов в итальянской культуре. К этой идее Гиммлера подтолкнули увиденные им свастичные орнаменты и знаки, которые весьма напоминали руны. Вальтер Вюст должен был в срочном порядке создать в «Наследии предков» отдел, который бы занимался изучением культуры античного Рима и Греции на предмет поиска в ней «германско-нордических отголосков».

Дневник Маргареты Гиммлер дает множество интересных записей, которые были датированы мартом 1938 года. В один из дней она записала: «Нас не оставляют заботы, каждый день случается что-то новое. Генрих пребывает в хорошем настроении, так как он, конечно же, знает, что происходит. Но мне остается лишь наблюдать за его неимоверной активностью и упаковывать полевую форму. Это очень тяжело». На самом деле «неимоверную активность» Гиммлер стал проявлять еще в январе 1938 года, когда была объявлена мобилизация 20 тысяч полицейских. Провозглашалось, что это делалось либо для подготовки к «параду», либо перед началом «больших учений». На самом деле в Третьем рейхе готовились к присоединению Австрии. 12 марта моторизированные полицейские части, собранные со всех концов рейха, при поддержке частей вермахта перешли германоавстрийскую границу. Аншлюс Австрии в те дни предпочитали именовать «цветочной кампанией», так как австрийцы встречали немцев букетами цветов. Присоединение Австрии к Третьему рейху стало возможным только тогда, когда после продолжительного кризиса австрийский канцлер Шушинг отдал своей пост лидеру австрийских национал-социалистов Артуру Зейсс-Инкварту. Тот сразу же попросил Третий рейх «помочь с охраной порядка».

Есть один малоизвестный факт, касающийся аншлюса Австрии. Оказывается, Генрих Гиммлер прибыл в Вену ранним утром 12

марта 1938 года, еще до того момента, как немецкие части заняли этот город. Более того, в специальном издании «Немецкая полиция» читателям сообщалось, что «рейхсфюрер СС высадился внезапно для многих в окрестностях Вены на аэродроме Асперн, когда еще ни одно немецкое формирование не перешло границу. Его сопровождал группенфюрер Гейдрих. Именно они стали организующей силой первых мероприятий по поддержанию порядка и спокойствия. Именно они стали первыми официальными представителями национал-социалистического рейха на австрийской земле». Далее в статье с немалым пафосом сообщалось, что «рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер руководил самой знаменательной в мировой истории революцией, которая произошла без единого выстрела и какого-либо кровопролития!» Казалось бы, Гиммлеру должны были льстить такие статьи, однако тот остался недовольным. Дело в том, что статья в журнале «Немецкая полиция» была напечатана с ведома Имперского министра пропаганды Йозефа Геббельса и вкратце излагала сведения о подготовке к аншлюсу, которые считались секретными. Гиммлер воспринял это как личную недоработку.

Если для Гитлера пребывание в австрийской столице было связано с не самым лучшим в его жизни «венским периодом», то Гиммлер увязывал свой ранний прилет с несколько другими событиями. Он как бы пытался реабилитироваться за провалившийся путч 1934 года, в котором активное участие принимали австрийские эсэсовцы. В одном из своих заявлений он сообщил: «Восемьсот служащих СС будут защищать правительство Зейсс-Инкварта в резиденции федерального канцлера от красных бандитов». Из Вены Гиммлер вместе с Зейсс-Инквартом направились в Линц, куда они прибыли около полудня. Они должны были здесь встретить Гитлера, который направился в Восточную марку (так национал-социалисты именовали Австрию), чтобы приветствовать «воссоединение со своей Родиной». 14 марта Гиммлер и Зепп Дитрих вместе с

подразделениями «Лейбштандарта» и немецкой полиции прибыли в Вену. На следующий день сюда же прибыл Гитлер, который принял участие в митинге, собравшем гигантскую толпу в несколько десятков тысяч человек. После этого для Гиммлера вновь начались трудовые будни — он должен был унифицировать австрийскую полицию по немецкому образцу и влить полицейский аппарат в состав «охранного государственного корпуса».

Полгода спустя части СС оперативного реагирования и четыре вооруженных батальона «Мертвой головы» принимали участие в аннексии Судетской области Чехословакии. После этого было решено расширить практику создание частей СС. 8 ноября 1938 года Гиммлер во время выступления в Мюнхене перед группенфюрерами СС заявил, что в ближайшее время было необходимо сформировать еще шесть новых батальонов. Но в те дни его заботило отнюдь не это. После перехода к откровенной экспансионистской политике национал-социалистический режим ужесточил преследование евреев. Когда произошел аншлюс Австрии, то во многих городах возникли антисемитские беспорядки. Это была лишь прелюдия к большому погрому. В период между маем и июлем 1938 года во всем Третьем рейхе наблюдалась растущая волна антисемитизма, которая привела к нескольким эксцессам.

Однако на тот момент национал-социалистические власти решили всячески сдерживать «погромные настроения». Дело в том, что разразился «судетский кризис», а потому Третьему рейху надо было предстать в качестве «миролюбивого» государства. Когда же было достигнуто так называемое мюнхенское соглашение (в отечественной историографии — мюнхенский сговор) и Судетская область перешла в состав Третьего рейха, то сдерживать радикальные настроения больше не имело смысла. На фоне этой растущей антисемитской

напряженности 26 октября 1938 года Гиммлер распорядился выслать из страны в течение трех дней всех польских евреев. Далее события стали развиваться с непредсказуемой быстротой. 7 ноября 1938 года 17-летний Гершель Гришпан совершил покушение на Эрнста Рата, секретаря немецкого посольства в Париже. Это покушение было представлено как акт возмездия за депортацию родителей Гришпана из рейха. Когда сведения об этом просочились в рейх, то сразу же стали возникать очаги беспорядков. В ночь с 7 на 8 ноября 1939 года в Гессене было разбито несколько витрин магазинов, которыми владели евреи.

Тем временем 8 ноября Гиммлер произнес цитировавшуюся выше речь, в которой обращал внимание группенфюреров СС на «еврейский вопрос». Поводом же для этого мероприятия были традиционные торжества, посвященные неудачному «мюнхенскому путчу» 1923 года. Именно 9 ноября стало известно, что Эрнст Рат скончался от полученных ран. Во второй половине дня это известие прибыло в Мюнхен. В это время «старые бойцы движения» находились в здании ратуши, где слушали речь Гитлера. Тогда же было официально объявлено о смерти Рата. Гитлер в срочном порядке покинул мероприятие, после чего слово взял Геббельс, который стал всячески подстрекать присутствовавших к антисемитским выходкам.

В это время Гиммлер также находился в здании ратуши. После речи Геббельса он не стал давать каких-то особых указаний. В любом случае полиция не препятствовала волне погромов, в которых принимали участие некоторые из служащих СС. О том, что страна охвачена антисемитскими беспорядками, Гиммлер узнал уже вечером, находясь в мюнхенской квартире Гитлера. После этого он отдал приказ готовить концентрационные лагеря к принятию 20–30 тысяч новых заключенных. Ночью он связался с Гейдрихом и дал несколько инструкций. В частности, полиция должна была следить за тем, чтобы огонь с подожженных синагог

не перекинулся на соседние дома, а погромщики случайно не стали грабить «арийские» магазины. Считалось, что официально во время погромов погиб 91 человек. Однако при этом обращает на себя внимание очень большое количество «самоубийств», которые «наблюдались» среди тысяч арестованных евреев.

Тем временем Третий рейх продолжал свою территориальную экспансию. После того как Чехословакия утратила Судетскую область, из ее состава вышла Словакия, которая заявила о готовности занять «дружественную позицию» в отношении Германии. В этих условиях правительство трещавшей по швам Чехословакии решило передать управление страной Гитлеру.

В первых числах апреля 1939 года дочь рейхсфюрера СС Гудрун получила письмо от адъютанта ее отца Карла Вольфа. В нем говорилось: «Милая куколка! **Я** пишу это письмо, чтобы оно в качестве бесценного документа перешло со временем к твоим внукам и правнукам». Далее Вольф как очевидец описывал прибытие Гитлера в Прагу, где он встретился в королевском дворце с Генрихом Гиммлером. Фюрер обнял главу СС за плечи, после чего произнес: «Гиммлер, я редко хвалю Вас, но тут вынужден сказать, что все было сделано в высшей мере элегантно». Под «элегантностью» Гитлер подразумевал действия частей СС, которые беспрепятственно заняли территорию Чехии. Сюда сразу же были направлены два полка полиции порядка и две оперативные группы полиции безопасности, которые в срочном порядке стали осуществлять операцию «Решетка». Речь шла об аресте местных коммунистов и немецких политических эмигрантов, которые долгое время скрывались на территории Чехословакии. К началу мая 1939 года только на территории «протекторатов Моравия и Богемия» (под этим названием Чехия оказалась в составе Третьего рейха) было арестовано около 6 тысяч человек. Аресты продолжались еще несколько месяцев, фактически до начала Второй мировой войны.

Если говорить об изменениях, которые произошли в приоритетах Гиммлера по мере того как Третий рейх осуществлял свою территориальную экспансию, то надо отметить, что он до 1938 года фактически не уделял большого внимания поселенческой программе, которую пыталось осуществить Главное управление СС по вопросам расы и поселений. В период с 1935 по 1938 год речь велась в основном о создании поселков городского типа, которые предназначались для служащих СС и полиции. Несмотря на то что Главное управление СС по вопросам расы и поселений возглавлял главный аграрий Третьего рейха Рихард Вальтер Дарре, до 193 8 года фактически не велось никакой реальной деятельности по созданию «крестьянских поселений СС». Так, например, в 1937 году было предоставлено 5 тысяч гектаров для 55 крестьян, имевших отношение к СС. Гиммлер не решался развивать это направление хотя бы потому, что намеревался оставить за собой тему «Восточных поселений», которой он бредил еще с юношеских лет. Это не мешало ему во время своего секретного выступления в январе 1936 года говорить о том, что будущее поселений немецких крестьян было связано с Восточной Европой, «простиравшейся до Урала». Однако в тот момент это были всего лишь прожекты, под которые не выделялось специального финансирования, а в управлении Дарре совершенно не собирались приступать к реализации данных начинаний.

Не стоило также забывать, что Рихард Вальтер Дарре, кроме всего прочего, возглавлял Имперский продовольственный комитет, который никак не подчинялся Генриху Гиммлеру. А вот в недрах продовольственного комитета уже с 1937 года стали разрабатываться секретные планы по «заселению территории Чехословакии». Их разработчиком был начальник штаба комитета Герман Райшле, который совершенно не был удовлетворен тем, что не предпринималось никаких конкретных шагов по претворению в жизнь «центрального требования национал-социализма, связанного с необходимостью освоения

жизненного пространства». Несмотря на то что Райшле являлся сотрудником Главного управления СС по вопросам расы и поселений, он отнюдь не намеревался делиться своими разработками с руководством охранных отрядов. Более того, по роду своей деятельности в эсэсовском управлении он делал все возможное, чтобы в СС не стали самостоятельно планировать крестьянские поселения.

Однако после многочисленных территориальных приобретений 1938 года в СС всерьез стали задумываться над проблемой специальных крестьянских поселений. На территории Австрии и Судетской области, которые оказались включены в состав Третьего рейха, в срочном порядке стали приобретаться земли. В июле 1939 года Гиммлер даже запросил у СД «дела, статистику и картографический материал, которые бы отражали сельскохозяйственное и геополитическое положение республики Чехия, Литвы, Латвии, Эстонии и Румынии». Кроме этого у СД запрашивались сведения об активности католических миссий в этих регионах. По большому счету Гиммлер стал проявлять повышенный интерес к «поселенческой проблеме» только с весны 1939 года, когда получил от Гитлера приказ заняться переселением немецкого населения Южного Тироля (территория Италии). С этого момента можно было уверенно говорить о том, что Гиммлер стал разрабатывать планы «освоения жизненного пространства». Эти планы несколько отличались от проектов, которые позволял себе Дарре. Если Дарре ориентировался на традиционные крестьянские поселения, то Гиммлер взял на вооружение самые агрессивные расистские лозунги. В его представлениях новые «поселения» должны были предоставляться «военному крестьянству», которое бы на манер казаков должно было и заниматься сельским хозяйством, и оборонять границы рейха. Переубедить Дарре едва ли представлялось возможным, а потому конфликт между ним и Гиммлером был просто неизбежен.

Как уже говорилось выше, Рихард Вальтер Дарре было не просто старым приятелем Гиммлера, но и одним из идеологов СС. Современные немецкие исследователи нашли личные записи Дарре, из которых следовало, что тот перестал доверять Гиммлеру приблизительно в 1937 году. 17 апреля 1937 года Дарре записал по поводу встречи с Гиммлером, что тот был «очень дружелюбным и сердечным, что было бы очень странным, принимая во внимание мои подорванные позиции в глазах общественности и фюрера». В данном случае Дарре подразумевал свое не слишком успешное выступление на Имперском съезде крестьян в 1936 году. Считалось, что эта речь могла повредить престижу национал-социалистов в крестьянской среде. Речь Дарре была напыщенной, изобилующей многочисленными мировоззренческими постулатами, но в ней не были освещены «ключевые моменты национал-социалистической хозяйственной политики». После этого Дарре надолго попал в политическую изоляцию. Однако из записей, сделанных в декабре 1937 года, следовало, что Дарре нисколько не сомневался в том, что Гиммлер относился к нему предвзято. Двумя неделями позже Дарре в своих записях критикует попытки Гиммлера превратить СС в орден: «План рейхсфюрера СС — превратить СС в орден самураев и слить его с полицией. Так не пойдет». Далее Дарре начал сомневаться в необходимости собирать «хорошую кровь» исключительно в рамках СС, как это планировал Гиммлер. Из записей Дарре следовало, что он был окончательно разочарован в идеях Гиммлера: «Забочусь о будущем СС. Должен ли я оставить руководство Главным управлением СС по вопросам расы и поселений, если СС превращаются в капиталистическую преторианскую гвардию, с иезуитским командованием во главе?»

В феврале 1938 года Дарре обратился к Гиммлеру с просьбой оставить пост начальника эсэсовского управления. Поводом для этого решительного шага стала критика рейхсфюрера СС в адрес

Иоахима Цезаря, который в РуСХА занимал должность начальника управления обучения. Гиммлер упрекнул его в «излишней интеллектуальности». Гиммлер давал отставку уже третьему начальнику управления обучения РуСХА. Скорее всего, он был принципиально недоволен тем, каким способом «эсэсовцы постигали идеи “крови и почвы”». Несмотря на то что предложение Дарре было сформулировано в мягкой форме и при желании можно было бы найти компромисс, Гиммлер решил не утруждать себя дипломатическими играми и согласился с отставкой старого приятеля.

Глава 20. «Преобразование» Европы

Начало Второй мировой войны представило Генриху Гиммлеру неслыханные шансы. Впервые за многие годы он мог собрать в единое целое организм, который он сам называл охранным государственным корпусом. Теперь он мог слить безгранично разросшийся полицейский аппарат, карательную систему, «орден СС», дополнив все это военными подразделениями и формированиями, которые с 1938 года стали заниматься расовопоселенческими проектами. В условиях войны Гиммлер смог еще раз укрепить свою власть и значительно расширить свое политическое влияние. Боевое использование частей СС оперативного реагирования предоставило Гиммлеру возможность осуществить его давнишнюю мечту — создать собственную армию. Именно с началом Второй мировой войны возникло самостоятельное воинское формирование — части Ваффен-СС. Теперь Гиммлер мог рассчитывать на «жертвенность эсэсовцев», которые на поле боя должны были укрепить репутацию СС как «элитной национал-социалистической организации». Как помним, еще до начала войны Гиммлер настаивал на том, что «жертвы, принесенные на поле боя», дадут охранному государственному корпусу моральное право карать своих соотечественников в тылу.

Начало войны могло восприниматься Гиммлером как удобный повод, чтобы ужесточить террор в отношении противников национал-социалистического режима. Теперь он мог расправляться с «врагами государства» не только в самом рейхе, но и на оккупированных территориях. Однако террор должен был дополняться поселенческой и расовой политикой, которую планировалось использовать для создания «крестьянского кольца» вокруг рейха, а затем и для полной расово-национальной перекройки Европы. С началом войны Гиммлер стал убеждаться в том, что на него возложена особая «миссия» — он считал, что должен был стать создателем Великогерманского рейха. На проводимом в Кведлинбурге празднике в честь короля Генриха I Птицелова Гиммлера вновь посетила одна из «блестящих идей», кои стали едва ли не притчей во языцех. В июле 1939 года он поручил сотрудникам эсэсовского исследовательского общества «Наследие предков» найти однозначные параллели между событиями прошлого и событиями современности. Если ранее Гиммлер просто считал себя «новым воплощением» (реинкарнацией) короля Генриха, которого полагал создателем германской империи, то теперь он жаждал подвести под эти представления «научную» базу.

Он хотел, чтобы его предстоящая деятельность имела некий исторический аналог.

«Освоение жизненного пространства» руководство СС в самой агрессивной манере начало в Западной Польше, которая была захвачена в считанные дни после начала войны. Здесь действовали не только оперативные группы полиции безопасности, но три специальные оперативные группы Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Если первые без промедления приступили к террору, то перед вторыми были поставлены несколько иные задачи. Группы РуСХА (так называемые РуС-совещания) были небольшими

формированиями, состоявшими из 8–9 служащих СС. Они начали свою деятельность на территории Западной Польши, как только утихли бои, то есть шли вслед за частями вермахта. Их задача сводилась к тому, чтобы описывать все польское и еврейское сельскохозяйственное имущество. В отдельных случаях сразу же проводилась конфискация наиболее перспективных сельскохозяйственных предприятий. Для этого надо было только дать указание подразделениям полиции безопасности.

С самых первых дней войны эсэсовские специалисты стали готовить определенные территории Восточной Европы к началу политики «германизации», или, проще говоря, онемечивания. Опись сельскохозяйственных угодий, инвентаря и имущества происходила в жутчайшей спешке. Это объяснялось тем, что руководство СС намеревалось принципиально опередить специальные комиссии, которые были бы посланы на оккупированные территории министерством сельского хозяйства, продолжавшим рассматривать себя в качестве единственного органа власти, обладавшего правом заниматься «поселенческой политикой». Несмотря на то что Рихард Вальтер Дарре лишился влияния в СС, он мог проводить свою собственную политику через подчиненные ему крестьянские и сельскохозяйственные структуры. Однако в начале октября 1939 года Рихарда Вальтера Дарре ожидал «сюрприз». Оказалось, что СС «вторглись в его компетенцию», то есть стали готовить создание эсэсовских и крестьянских поселений на территории Западной Польши на основании приказа фюрера. Дарре не скрывал своего разочарования и озлобленности, которые он выплеснул в письмах, адресованных Гиммлеру и начальнику Имперской канцелярии Ламмерсу. Однако изменить ситуацию уже не представлялось возможным.

7 октября 1939 года Генрих Гиммлер праздновал свой 39-й день рождения. Его тоже ожидал «сюрприз». Несколькими днями

позже Маргарета Гиммлер доверит дневнику новость о «большой радости»: «Фюрер назначил Генриха комиссаром поселений всей Германии. Это признание его успехов. Он работает с утра до ночи». На самом деле должность Гиммлера называлась несколько иначе. В октябре 1939 года Гитлер подписал указ «Об укреплении немецкой народности». На основании этого документа Генрих Гиммлер получал двойное задание. С одной стороны, он должен был официально заниматься переселением всех этнических немцев, которые проживали за пределами рейха, с другой стороны, он должен был размещать их в специальных поселениях, которые должны были возникать в строгом следовании «новым расовым принципам». Кроме этого Гиммлер должен был обезопасить и имперских немцев (рейхсдойче), и фольксдойче от «вредного влияния инородных частей населения, которые могут представлять угрозу как для рейха, так и для немецкого народного сообщества». Это давало Гиммлеру право без всяких объяснений проводить массовые депортации, чтобы тем самым «зачищать» территории для создания «германских поселений». При осуществлении этих задач Гиммлер мог рассчитывать на поддержку «всех имеющихся органов власти и учреждений». Чтобы подчеркнуть новый статус Гиммлера, он получал должность Имперского комиссара по укреплению немецкой народности. Однако начальник Имперской канцелярии Ламмерс не поддержал идею Гиммлера о том, чтобы возвести предполагаемый Имперский комиссариат по укреплению немецкой народност» в статус высшего органа государственной власти.

За три дня до того, как Гитлер поручил Гиммлеру новое задание, Ламмерс получил обеспокоенное письмо Рихарда Вальтера Дарре. В нем говорилось о «желании безотлагательно подключиться к выполнению крупных поселенческих заданий». При этом Дарре настаивал на том, чтобы его деятельность не была ограничена какими-то приказами и прочими ведомствами и

учреждениями. Он писал: «Каждый в Германии знает, что основа для выполнения этих зданий охранными отрядами была заложена моей беззаветной деятельностью на посту начальника Главного управления СС по вопросам расы и поселений, чем я занимался более семи лет. Без этой моей работы в СС вообще не могли бы приступить даже к обсуждению этой проблемы». Кроме этого Дарре жестко критиковал идею Гиммлера относительно формирования «боевого крестьянства». Он упирал на то, что исторические примеры (Российская и Австро-Венгерская империя) показали, будто бы подобного рода крестьянство могло использоваться только для нерегулярной охраны границ. Дарре полагал, что с охраной границ могли вполне успешно справиться части вермахта.

Поскольку Гиммлер все-таки был назначен Имперским комиссаром по укреплению немецкой народности, то Дарре пришлось констатировать, что он проиграл эту «борьбу компетенций». 5 октября 1939 года он направил письмо рейхсфюреру СС, в котором по привычке обращался к нему «мой дорогой Хайни». Дарре сообщал Гиммлеру, что его отстранение от формирования поселений «на Востоке» «стало одним из самых больших разочарований жизни». Кроме этого он укорял Гиммлера за то, что тот «отказался сообщать, что уже две недели происходило с новообразованием немецкого крестьянства на польских территориях». После этого Гиммлер был обязан встретиться с Дарре. Это происходило в присутствии Ламмерса. Рейхсфюрер СС обещал предоставить Дарре определенную власть в деле формирования новых «восточных поселений». Когда несколько недель спустя выяснилось, что Гиммлер отнюдь не собирался выполнять свое обещание, Дарре обратился с письмом к Герману Герингу. В нем он писал: «В вопросе поселений рейхсфюрер СС выжал меня как лимон и выбросил на помойку, он воспользовался всеми моими знаниями, всеми моими талантами, которые он использовал в личных целях и в

интересах СС». Однако эти отчаянные жалобы Дарре не могли ничего изменить. Гиммлер не собирался допускать Дарре к «поселенческой политике» на «восточных территориях», которую считал своей исключительной компетенцией.

Гиммлер, одновременно являвшийся рейхсфюрером СС, шефом немецкой полиции и Имперским комиссаром по укреплению немецкой народности, сосредоточил в своих руках все инструменты власти, которые позволяли ему начать радикальнейшее «национальное преобразование» оккупированных территорий. Однако вначале он решил создать на этих территориях карательный аппарат, который бы являлся точной копией системы, сформированной годами ранее в Третьем рейхе. Высшим руководителем СС и полиции области «Восток» Гиммлер поставил Фридриха Вильгельма Крюгера, который должен был стать личным представителем рейхсфюрера СС в генерал-губернаторстве (так стала именоваться часть оккупированной Польши).

Новым в этой организационной схеме было то, что на восточных территориях высшие руководители СС и полиции должны были являться не просто «консультантами глав района», но должны были подчинить себе гражданскую власть. Формально Фридрих Вильгельм Крюгер подчинялся генерал-губернатору Франку. Однако уже в сентябре 1941 года Гиммлер официально разрешил Крюгеру не выполнять распоряжения Франка, касающиеся полицейской деятельности. В данном случае решение должен был принять сам Гиммлер. В других польских областях высшими руководителями СС и полиции были назначены: группенфюрер СС Вильгельм Копе (Вартгау), группенфюрер СС Рихард Хильдебрандт (Западная Пруссия и Данциг). Части территорий Силезии и Восточной Пруссии присоединились к областям «Бреслау» и «Кенигсберг», где высшими руководителями СС и полиции являлись Эрих Бах-Зелевски и Вильгельм Редис.

С самого начала полицейский аппарат, который формировался на оккупированных польских территориях, возник как инструмент террора. Карательные акции предполагались даже за мельчайшие провинности. Массовые аресты и казни должны были в корне задушить польское сопротивление. Эта тактика достигла своего апогея к весне 1940 года, когда частями полиции безопасности было казнено около 3500 польских интеллигентов и 3000 активистов польских партий. Чтобы облегчить осуществление террора и карательных акций, в феврале 1940 года Гиммлер издал специальное «Предписание о борьбе с актами насилия в присоединенных восточных областях». В данном случае полиция получала право незамедлительно приводить в исполнение приговоры, которые выносились полицейскими судами в отношении поляков и евреев. Иначе говоря, было узаконено нерегламентированное насилие.

Несмотря на то что проект этого предписания не встретил понимания у Ламмерса и Геринга, оно все-таки было санкционировано Имперским министерством юстиции. Гиммлер в свою очередь обещал «сдерживать» полицейские суды при вынесении приговоров. Однако эта «сдержанность» продлилась очень недолго. Со временем он заручился поддержкой Мартина Бормана и смог надавить на министерство юстиции. В итоге в декабре 1941 года он добился принятия «специального уголовного права» для поляков и евреев, которое должно было действовать на «восточных территориях». Его исполнение могло быть переложено и на органы юстиции, но те предпочли передать эту деятельность полиции и СС. «Специальное уголовное право» оказалось настолько жестким, что казнь была предусмотрена даже за самые мелкие правонарушения.

Однако не стоит полагать, что Гиммлеру никто не пытался противостоять. В начале 1940 года рейхсфюрер СС подвергся ожесточенной критике со стороны командования вермахта.

Недовольство военных в первую очередь вызвали приказы Гиммлера, которые так или иначе касались вермахта. В первую очередь это относилось к массовым убийствам, которые совершали эсэсовцы на территории Польши, а также к «приказу о зачатии», благодаря которому Гиммлер планировал увеличить рождаемость в германских землях.

Если говорить подробнее об этих сюжетах, то в ноябре 1939 года и в январе 1940 года командующий 2-й армией генерал-полковник Бласковиц заявлял главнокомандующему сухопутными силами Германии Браухичу протесты, которые касались массовых расправ, творимых эсэсовцами. По этому поводу Браухич два раза беседовал с Гиммлером. Эти беседы состоялись 24 января и 2 февраля 1940 года. Во время второй встречи Гиммлер весьма обходительно заявил, что речь шла об «ошибке», но эта «ошибка» не изменит его хорошего отношения к вермахту. Браухича, который не хотел быть втянутым в щекотливые политические дела, подобные заверения вполне удовлетворили. Более того, 13 марта 1940 года он пригласил Гиммлера в Кобленц, чтобы сделать доклад перед высшими армейскими чинами. Гиммлер использовал этот повод, чтобы нейтрализовать «слухи» о массовых казнях. Кроме этого он намекнул, что не делал ничего, о чем бы не знал Гитлер.

В конечном счете возмущение армейских офицеров преступлениями Ваффен-СС очень быстро улеглось. Однако приказ о зачатии детей, который был подписан Гиммлером 28 октября 1939 года, вызвал куда большее волнение, нежели бесчеловечное поведение эсэсовцев. Когда Гиммлер отдавал этот приказ, он исходил из следующих принципиальных соображений: «Каждая война является потерей самой лучшей крови. Некоторые победы, одержанные при помощи оружия, могут обернуться поражением, которое будет нанесено жизненной силе и крови народа… К сожалению, вынужденная смерть лучших мужчин

является достойным сожаления, но отнюдь не самым страшным явлением. Таковым является нерожденные от погибших во время войны солдат дети… Мужчина может спокойно умереть, если будет знать, что его род, все то, что он позаимствовал от предков и к чему стремился сам, найдет свое продолжение в его детях. Самым большим подарком для вдовы погибшего на фронте солдата является ребенок, которого она родила от любимого мужчины». После столь патетичной преамбулы Гиммлер переходил к сути своего приказа: «Рождение детей девушкой хорошей крови вне брака является не необдуманным поступком, а глубоким осознанием нравственного закона материнства».

Гиммлер уже пытался поддержать внебрачных матерей «хорошей крови», когда создал «Источник жизни» («Лебенсборн»), Однако в 1936–1937 годах он не решался широко пропагандировать внебрачное материнство. С началом войны он отдал приказ служащим СС и полиции вступать во внебрачные отношения, чтобы тем самым увеличить рождаемость. Это было воззвание, которое, по мнению Гиммлера, должно было выйти «за рамки буржуазных воззрений и привычек». Гиммлер сразу же напоминал, что рождение детей было «священным долгом отцов и матерей». Как и во многих случаях, это требование носило ярко выраженный политический характер. Оно оказалось увязанным с запланированной рейхсфюрером СС «поселенческой политикой». «Мы никогда не должны забывать о том, что победа оружия и пролитая солдатская кровь не будут иметь смысла, если после этого не будет победы рождаемости и заселения новых земель».

Словно желая доказать, что он сам выполнял свои приказы, Гиммлер стал отцом двух внебрачных детей, которых ему родила Хедвиг Поттхаст. Гиммлер ни в коем случае не намеревался разводиться со своей женой, по крайней мере до того момента, пока Хедвиг не родила бы ему детей или в Германии не было бы разрешено иметь двух жен (такой проект разрабатывался

Мартином Борманом). Не исключено, что «приказ о зачатии» был во многом продиктован личными соображениями Гиммлера. Он мог стремиться придать своим любовным отношениям некий политически санкционированный характер. Изучив личную переписку Гиммлера, немецкие исследователи установили, что тот намеревался поставить в известность свою супругу только тогда, когда бы его внебрачные дети стали бы достаточно взрослыми. 15 февраля 1942 года Хедвиг Поттхаст родила в санатории «Гогенлихен» мальчика, которого назвали довольно необычным именем — Хельге. После этого рейхсфюрер СС поселил свою любовницу в местечке Брюкентхин, которое располагалось близ имения Освальда Поля. Известно, что Хедвиг Поттхаст была весьма дружна со второй супругой Поля Элеонорой. Позже Хедвиг перебралась в Берхтесгаден. 3 июня 1944 года она родила второго ребенка, девочку, которую назвали Нанетта-Доротея.

К сожалению, до настоящего момента фактически ничего не известно о взаимоотношениях Гиммлера и Хедвиг Поттхаст. История их романа ограничивается отрывочными сведениями. Можно предположить, что Хедвиг, на протяжении многих лет являвшаяся секретарем Гиммлера, была посвящена во многие секреты его служебной деятельности, что автоматически делало ее «носительницей государственной тайны», а потому она не имела права распространяться о своей личной жизни, которая оказалась тесно увязанной с профессиональной деятельностью.

Между тем супруга Гиммлера Маргарета с началом войны добровольно вызвалась принять на себя общественную нагрузку. Являясь хорошо обученной медицинской сестрой, она согласилась на работу в медицинском госпитале Красного Креста. Однако она нередко проявляла свой тяжелый характер, вступая в многочисленные конфликты с коллегами. В этом

отношении она доставляла больше неприятностей, нежели приносила пользу.

В первых числах декабря 1939 года Красный Крест поручил ей осуществлять надзор за военными госпиталями 3-го военного округа, то есть в Берлине и Бранденбурге. Впрочем, нередко Маргарета Гиммлер совершала поездки по стране и даже по оккупированным территориям. Во время этих командировок она делала записи в дневнике в своем характерном раздраженно-презрительном стиле. В марте 1940 года она оказалась в Польше. В это время в дневнике появляется запись: «Была в Познани, Лодзи и Варшаве. Это какое-то прибежище евреев и поляков, которые по внешнему виду совсем не напоминают людей. Навести здесь порядок будет большой проблемой». Несколько дней спустя она записала: «Эти поляки совершенно не дохнут от заразных болезней. Наверное, у них есть иммунитет. Для меня это непостижимо». В апреле 1941, года во время посещения Эльзаса, она делала собственные «расоведческие» наблюдения: «Население здесь очень плохое. Много скошенных лбов».

Приблизительно в феврале 1941 года Маргарета узнала подробности личной жизни ее супруга. Она чувствовала себя униженной, что окончательно испортило ее и без того тяжелый характер. Когда одна ее приятельница развелась с мужем, так как у того была любовница, ожидавшая ребенка, Маргарета Гиммлер записала в своем дневнике: «Все достается только мужчинам. Они богаты и уважаемы. Их старые жены должны кормить их, помогать им и терпеть их. Ну что за времена!» Сам Генрих Гиммлер с заведомой регулярностью появлялся в Гмюнде, где его супруга жила вместе с дочерью Гудрун. Эти визиты отнюдь не радовали Маргарету, а только раздражали. Однако Генрих Гиммлер приезжал не к супруге, а к своей дочери. Гудрун, которую близкие звали Пуппи (Куколка), несколько раз в неделю беседовала с отцом по телефону. Кроме этого Гиммлер постоянно

писал ей письма. Нередко он брал ее с собой в поездки. По этой причине сохранилось множество фотографий, где Генрих Гиммлер запечатлен вместе с дочерью. После войны Гудрун отказалась признать своего отца военным преступником, предпочитая видеть в нем всего лишь «заботливого человека».

Основательная политическая, этническая, расовая и хозяйственная перекройка Европы, которую задумал Гиммлер, была бы невозможна, если бы он не стал проявлять интерес к внешней политике. В предыдущих главах уже рассказывалось о международных полицейских конференциях и визите рейхсфюрера СС в фашистскую Италию. Осенью 1940 года Гиммлера вновь ожидала заграничная поездка. 23 октября 1940 года на испано-французской границе в городе Эндайе произошла встреча двух диктаторов: Гитлера и Франко. Предполагалось, что будут обсуждаться проблемы присоединения Испании к странам «оси», однако Франко отказался ввязаться во Вторую мировую войну.

Гиммлер прибыл в Испанию за несколько дней до начала переговоров. Он предварительно встретился с Франко. Этот была репетиция «большой встречи». Кроме этого Гиммлер обсудил с испанским диктатором вопросы, связанные с сотрудничеством полиций двух стран. Официальные же отчеты, опубликованные прессой, предпочитали сосредоточиться на «туристической программе» пребывания Гиммлера в Испании. Итак, 20 октября 1940 года Генрих Гиммлер через Сан-Себастьян прибыл поездом в Мадрид. «Подъездные пути к северному вокзалу были забиты толпами людей. Фалангисты, облаченные в униформу, стояли в оцеплении по обеим сторонам улицы, образуя коридор для прохода. Во всем Мадриде были вывешены флаги. Рейхсфюрер СС приветствовался населением», — сообщал некоторое время спустя официальный печатный орган НСДАП газета «Фёлькише беобахтер». В день прибытия Гиммлер сразу же встретился с

Франко. На следующий день Гиммлер направился в Толедо, чтобы осмотреть крепость Альказар, которая превратилась в место паломничества испанских националистов. В начале гражданской войны здесь мятежные сторонники генерала Франко два месяца вели бои против превосходящих сил республиканцев. Затем Гиммлер посетил археологический музей в Мадриде, где его внимание привлекла детальная карта Великого переселения народов. В конце экскурсии Гиммлер обратился к директору музея с просьбой получить копии некоторых из экспонатов.

Вечером того же дня Гиммлер выступал перед местной группой НСДАП, которая состояла в основном из представителей немецкой диаспоры, проживавшей в Испании. Он решил поделиться своими впечатлениями от визита: «В Северной Испании даже сегодня можно увидеть следы на протяжении веков исчезавшей германской крови. Однако этот печальный процесс был остановлен в 1933 году». После этого Гиммлер заговорил о «поселенческой политике» и «германском Востоке». Это еще раз показывает, насколько важной была для него эта тема. «На Востоке мы намерены создать новые города и изменить облик самого ландшафта». Отметим, что в Испании имелось много пустынных территорий, а потому Гиммлер прибегнул к некой метафоре: «На немецком Востоке посредством создания густых лесов должна создаваться защита от губительных ветров. Только так можно сдержать азиатский степной ветер».

В последующие годы Гиммлер очень редко совершал официальные визиты за рубеж. Это было связано не только с тем, что постепенно уменьшалось количество государств, стремившихся поддерживать дружественные отношения с Третьим рейхом. В первую очередь это происходило потому, что министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп с большой подозрительностью стал относиться к внешнеполитической деятельности своего приятеля.

При каждой удобной возможности Риббентроп пытался ограничить активность Гиммлера. Причиной подобного отношения стали события 1941 года, произошедшие в Румынии. Дело в том, что в январе 1941 года агенты СД активно поддержали попытку государственного переворота в этой стране. В то время «гвардисты второго состава» (так иногда именовали членов организации «Железная гвардия», которые оказались в ее составе после гибели Корнелиу Кодряну) попытались свергнуть генерала Антонеску, который, по сути, являлся румынским диктатором. Проблема заключалась в том, что Антонеску был союзником Германии. Однако именно немецкие агенты помогли лидеру путчистов Хориа Сима покинуть страну, после чего предоставили убежище в Третьем рейхе. Эта дилетантская акция привела к тому, что Гиммлер утратил доверие немецких дипломатов. Кроме этого действия СД в Румынии вызвали критику Гитлера.

Гиммлер в свою очередь всеми правдами и неправдами пытался снять с себя подозрения относительно причастности к путчу румынских гвардистов. В итоге ему в письменной форме пришлось призывать своих подчиненных к сотрудничеству с режимом Антонеску. Однако при этом Гиммлер не отрицал того факта, что на территории Румынии действовала сеть его тайных агентов. Как бы то ни было, но с начала 1941 года Гиммлер стал проявлять показное равнодушие ко всему, что касалось внутренней румынской политики. Когда же в 1944 году он лично встретился с Антонеску, то заверил его в том, что отстранил от работы «всех своих людей, которые оказались причастными к злополучному легионерскому путчу». Однако Антонеску не поверил этим словам. Он дал недвусмысленно понять Гиммлеру, что знал о его тайной деятельности в Румынии. В ответ на эти «аккуратные» обвинения Гиммлер не менее «наивно» произнес, что в «его распоряжении было всего лишь два или три помощника из аппарата атташе».

Принимая во внимание события в Румынии, в апреле 1941 года Риббентроп расторгнул соглашение, которое было заключено с Гиммлером в самые первые дни Второй мировой войны. С этого момента от всех дипломатов и сотрудников посольств требовалось письменное подтверждение того, что они не являлись сотрудниками СД или абвера. После этого была автоматически ликвидирована сеть агентов СД в столицах некоторых европейских государств. Так, например, произошло в Братиславе. Реакция Риббентропа привела к тому, что ему пришлось прекратить дружеские отношения с Гиммлером, что в свою очередь привело к охлаждению отношений между руководством СС и министерством иностранных дел. Теперь все проблемы приходилось улаживать только посредством официальных соглашений.

В августе 1941 года Гиммлеру и Риббентропу все-таки удалось договориться относительно того, что находящиеся за пределами Третьего рейха агенты СС и СД будут воздерживаться от вмешательства во внешнеполитические дела. Кроме этого Риббентроп получил право утверждать все заграничные поездки Гиммлера. При этом он мог ссылаться на циркуляр начальника имперской канцелярии Ламмерса, в котором был прописан порядок выезда за рубеж всех видных деятелей Третьего рейха. Когда в октябре 1942 года Гиммлер пожелал вылететь в Белград, чтобы осмотреть формирующуюся дивизию СС «Принц Ойген», Риббентроп распорядился оформить эту поездку в обычном служебном порядке. Однако Гиммлер отбыл в Белград без всякого разрешения, а в министерстве иностранных дел решили никак не реагировать на эту «выходку».

Окончательно планы Гиммлера по созданию Великогерманского рейха сформировались только после того, как Третий рейх напал на СССР. С этого момента началась «война на уничтожение». Поскольку данная тема является слишком обширной, чтобы ее

можно было рассматривать в книге, посвященной биографии одного человека, то имеет смысл ее обозначить несколькими штрихами.

В конце апреля — начале мая 1942 года рейхсфюрер СС предпринял меры для того, чтобы почти вся территория Европы оказалась вовлечена в программу по уничтожению евреев. Когда произошло покушение на Гейдриха, Гиммлер решил сделать этот «геноцидный проект» еще более радикальным. Он поставил массовые убийства на поток, намереваясь достигнуть «окончательного решения еврейского вопроса» уже к концу обозначенного года. Значительное расширение программы массовых убийств привело к тому, что созданный Гиммлером аппарат террора распространил свою деятельность на все оккупированные территории, а служащие СС во многих случаях стали выполнять роль «консультантов» в государствах-сателлитах. Кроме этого в июле 1942 года Гитлер поручил рейхсфюреру СС возглавить «борьбу с бандитами» на оккупированных восточных территориях. Осуществляя это поручение, Гиммлер распорядился уничтожить только в южных районах СССР более 363 тысяч евреев. Операции против партизан обернулись этническим террором, что еще раз указывает, насколько «специфически» Гиммлер трактовал «борьбу с бандитами».

В июне 1942 года Гиммлер поручил начальнику отдела планирования Майеру значительно расширить планы «поселенческого освоения жизненного пространства». Теперь немецкие поселения должны были создаваться на территории Польши, оккупированных территориях СССР, Эльзаса, Лотарингии, Верхней Краины, Нижней Штирии, а также на территории протекторатов Богемия и Моравия. Если изначально поселенческая программа была рассчитана на 20 лет, то Гиммлер приказал сократить сроки ее выполнения до 5–10 лет. В июне

1942 года Гиммлеру уже сообщали о «германизации» протекторатов Богемия и Моравия, в июле 1942 года — о заселении окрестностей Люблина, а в августе — о начале «поселенческой программы» на территории Украины. Одновременно с этим проводилась «народнополитическая зачистка» территории Эльзаса и Лотарингии.

Надо отметить, что к лету 1942 года Гиммлер смог существенно расширить базу для формирования частей Ваффен-СС. В июле 1942 года он заявил, что этнические немцы, проживавшие в Юго-Восточной Европе, также должны были нести воинскую повинность, что было «железным законом для всей народности». После этого фольксдойче стали активно призываться в армию.

В августе 1942 года Гитлер уполномочил Гиммлера вести переговоры со всеми «германскими национальными группами» Дании, Норвегии, Бельгии и Голландии, что позволило рейхсфюреру укрепить свои позиции, начав систематическую вербовку «германских добровольцев» в части Ваффен-СС. Попытки создания собственных эсэсовских дивизий дополнялись стремлением к созданию собственного эсэсовского комплекса предприятий, занимавшихся производством вооружений. В данном случае Гиммлер решил сделать дивизии Ваффен-СС окончательно независимыми от вермахта (в конкретной ситуации от системы снабжения). Однако к сентябрю 1942 года стало ясно, что этим планам не суждено сбыться. Также потерпели неудачу планы относительно собственного эсэсовского строительства, в котором должны были принимать участие заключенные концентрационных лагерей. После этого было решено, что заключенные будут сдаваться в «наем» предприятиям немецкой индустрии. Это стало поводом для того, чтобы значительно увеличить количество заключенных лагерей. Гиммлер распорядился, чтобы ко второму полугодию количество узников было увеличено вдвое, что автоматически означало ужесточение

репрессий в самом рейхе и усиление террора на оккупированных территориях. Кроме этого 18 сентября 1942 года Гиммлеру удалось договориться с министерством юстиции о переводе «асоциальных элементов» из тюрем в концентрационные лагеря. Принимая во внимание, что лагерях оказалась часть людей, чья вина заключалась в «расово неполноценном происхождении», эту практику можно было рассматривать как разновидность террора, то есть «уничтожения трудом». В данном случае извлечение конкретной прибыли было связано со стратегией «расового искоренения». Кроме этого Гиммлер смог перенять у министерства юстиции право на наказание русских, поляков, белорусов и украинцев. Это стало дополнительной возможностью наполнить концентрационные лагеря. До этого момента фактически не имелось никаких оснований направлять в лагеря пригнанное на принудительные работы гражданское население оккупированных территорий. Теперь же одного подозрения в помощи партизанам было достаточно, чтобы направить человека в концентрационный лагерь.

Принимая во внимание действия Гиммлера, можно предположить, что в 1942 году он свято верил в неизбежную победу Германии во Второй мировой войне. Он пытался приблизить ее всеми доступными для него средствами. Однако для Гиммлера «победа ради победы» не имела никакого смысла. Триумф Германии во Второй мировой войне должен был привести к созданию принципиально нового порядка, в котором СС отводилась бы одна из ключевых ролей. Великогерманский рейх должен был быть не просто германской империей, которая бы в значительной мере приросла оккупированными и завоеванными территориями. Это должна была быть качественно новая, наднациональная и тоталитарная государственность, построенная на принципах расовой иерархии. Германские народы должны были занять место правящей прослойки, которая бы господствовала над всем континентом. Место остальных

европейских народов должно было определяться в соответствии с их «расовыми качествами». Союзники Германии по мировой войне должны были находиться под «протекцией» новой правящей элиты. Славянам же в большинстве случаев отводилась роль рабов, не имеющих права на свое собственное национальное бытие. Принципиальным моментом в планах Гиммлера было то, что Великогерманский рейх не был мыслим без СС.

СС должны были стать основой общеевропейского репрессивного аппарата, который не только бы жесточайшим образом подавлял любую оппозицию и ликвидировал очаги сопротивления, но также проводил массовое и систематическое уничтожение тех, кто считался потенциальным противником империи или «расово неполноценным». Выявление последней категории должно было осуществляться на основании повсеместного применения расовобиологических критериев. Эта политика должна была в первую очередь применяться к евреям, восточноевропейским цыганам и значительным группам славян. Речь шла о глобальной системе «превентивной обороны», идею которой Гиммлер высказал еще в середине 30-х годов. Однако в Великогерманском рейхе жертвы этой политики должны были уничтожаться, а не направляться в концентрационные лагеря. Повсеместный террор должен был стать предпосылкой для «зачистки» Европы, что в свою очередь являлось основой для будущего господства германцев.

В Великогерманском рейхе СС должны были стать силой, которая бы активно занималась германизацией Центральной и Восточной Европы, контролировала бы переселение определенных этнических групп. Именно СС должно было быть вменено в обязанность поддерживать контакты с германскими немецкими этническими группами, проживавшими в Юго-Восточной Европе, а также формировать «германское ядро» в Северо-Западной Европе. В свою очередь эта политика должна

была привести к постоянному притоку фольксдойче и «германских добровольцев» в ряды Ваффен-СС. В данном случае Ваффен-СС становились воинским отражением принципов «нового порядка», в котором ценность отдельного человека определялась лишь его расовыми качествами. У этого отбора должна была быть обратная сторона. Массовое использование принудительного труда должно было постепенно превратиться в программу «уничтожения трудом», которая осуществлялась бы во всех концентрационных лагерях. Это позволило бы руководству СС не только извлекать немалую выгоду из бесплатного рабского труда, но проводить уничтожение «расово нежелательных» и «политически неблагонадежных» элементов.

В 1942 году Гиммлер не только конкретизирует планы создания Великогерманского рейха, но также в значительной мере корректирует сроки его появления на свет. Если в конце 30-х годов он говорил, что рейх мог добиться статуса державы, контролирующей мир, только на протяжении нескольких поколений, то в 1942 году он сократил этот период до нескольких десятилетий. Именно в 1942 году Гиммлер стал обладателем фактически безграничной власти. Он наводил ужас на всю Европу. Ему удалось создать собственную армию, которая могла конкурировать с вермахтом. Однако именно 1942 год стал во многом переломным в ходе Второй мировой войны. Сталинградская битва и высадка западных союзников в Северной Африке стали первыми признаками того, что мечтам Гиммлера о Великогерманском рейхе не было суждено сбыться. Положение на Восточном фронте очень быстро положило конец «колонизации» советских территорий. В данной ситуации может показаться весьма странным, но чем более шатким становилось военное и политическое положение Третьего рейха, тем большим могуществом обладал рейхсфюрер СС.

Глава 21. Должности для военного преступника

27 мая 1942 года в Праге было совершено покушение на Гейдриха. После этого Карл Гебхардт провел несколько операций, но они были безуспешными. 4 июня 1942 года Гейдрих скончался. После его смерти Гиммлер, с одной стороны, потерял ближайшего и энергичного сотрудника, а с другой — освободился от тяготившего его влияния начальника СД и конкурента. В этих условиях Гиммлер решил не назначать нового начальника СД и полиции безопасности. 28 мая 1942 года Гиммлер объявил высокопоставленным эсэсовцам, что принимает на себя исполнение обязанностей начальника Главного управления имперской безопасности, которое на тот момент включало в себя полицию безопасности, СД, гестапо и уголовную полицию. Одновременно с этим Гиммлер вызвал из Вены группенфюрера СС Кальтенбруннера, которого назначил своим постоянным заместителем в РСХА. Только 30 января 1943 года Кальтенбруннер был официально назначен главой полиции безопасности и СД. Гиммлер же предпочел сохранить за собой непосредственное руководство гестапо и уголовной полицией.

Смерть Гейдриха, кроме всего прочего, привела к тому, что Гиммлеру пришлось лично курировать программу по уничтожению евреев. В это время с восточных оккупированных территорий в Терезиенштадт, превратившийся в одно большое гетто, было вывезено около 45 тысяч евреев. Однако проблемы с транспортировкой подтолкнули Гиммлера к идее, что евреев из Западной Европы («с целью производительного труда») надо было депортировать в Освенцим. По распоряжению рейхсфюрера СС специалисты «еврейского реферата» составили разнарядку. 11 июня 1942 года было предписано депортировать 15 тысяч евреев из Голландии, 10 тысяч из Бельгии, 100 тысяч из Франции. Поскольку не менее 10 % из них были отнесены к категории нетрудоспособных, то Гиммлер разрешил осуществить в их отношении «специальные мероприятия». На практике это

означало, что они должны были быть уничтожены сразу же по прибытии в Освенцим.

Однако «окончательное решение еврейского вопроса» было отнюдь не единственной проблемой, которая беспокоила Гиммлера в 1942 году. После того как в ноябре 1942 года в Северной Африке высадились части западных союзников, рейхсфюреру СС потребовалось предпринять особые меры в Южной Европе, которая стала считаться опасной зоной. Происходит оккупация находившейся в относительно свободном положении Южной Франции. Гиммлер ставит задачу «очистить» всю французскую территорию от «врагов рейха». Он намекает на то, что режим Виши до этого момента осуществлял не слишком последовательный террор. Естественно, планы по созданию Великогерманского рейха, которые еще некоторе время назад вынашивал Гиммлер, должны были отступить на второй план. Поскольку положение на фронтах позволяло говорить Гиммлеру о возрастающей «внешней угрозе», он считал необходимым гарантировать безопасность внутри рейха, что предполагало устранение всеми доступными средствами на подконтрольных Германии территориях действительных и воображаемых противников. Если в Западной Европе это вылилось в уничтожение очагов антифашистского сопротивления и новый виток программы «окончательного решения еврейского вопроса», то в Восточной Европе акцент был сделан на «борьбе с бандитами».

К началу 1943 года Гиммлеру удалось сосредоточить в своих руках всевозможные средства, позволявшие ему не только сохранить, но и усилить личную власть. Кроме всего прочего, он решил увеличить численность частей Ваффен-СС за счет привлечения «инонациональных добровольцев». Будучи назначенным на пост Имперского министра внутренних дел, Гиммлер становится ответственным за всю внутреннюю

политику. Также он оказался причастным к осуществлению программы вооружений, курируя проект по созданию реактивных ракет. Расширение сфер деятельности, к которым был привлечен Гиммлер, неизменно вело к тому, что он переставал восприниматься исключительно как глава безжалостного террористического аппарата. Однако это отнюдь не означало, что сам террор внутри Германии и на оккупированных территориях пошел на спад. Так, например, когда немецкие войска заняли Южную Францию, то Гиммлер вызвал к себе командира полиции безопасности на французских территориях штандартенфюрера СС Гельмута Кнохена. Рейхсфюрер СС потребовал «ежедневно предоставлять отчеты о том, сколько было проведено арестов политически опасных элементов».

Как и всегда, когда Гиммлер планировал расширить свои полномочия, он обратился к Гитлеру. 10 декабря 1942 года он доложил фюреру о том, что на территории Франции надо было проводить самую радикальную политику. Свое требование Гиммлер обосновывал следующими сведениями. «В настоящее время на территории ранее свободной Франции находится как минимум полтора миллиона смертельных врагов рейха и стран “оси”». Из них: 600–700 тысяч евреев, 500–600 тысяч итальянцев-антифашистов, 300–400 тысяч «красных испанцев», около 20 тысяч англосаксов, 80 тысяч поляков, некоторое количество греков. Все они могут свободно передвигаться, а значит, представляют существенную угрозу снабжению немецко-итальянских войск, расположенных близ Средиземного моря. К этому числу надо добавить множественное количество враждебно настроенных французов, которые в первую очередь состоят из коммунистов, голлистов и клерикалов». Представленная картина произвела на Гитлера сильное впечатление. После этого он поручил рейхсфюреру СС «упразднить» 600–700 тысяч французских и североафриканских евреев. Все остальные должны были быть арестованы и

направлены либо на принудительные работы, либо в концентрационные лагеря.

20 августа 1943 года Гиммлера ожидало новое назначение. Он стал Имперским министром внутренних дел. Геббельс в своем дневнике отмечал, что к этому времени рейхсфюрер СС стал «первостепенной личностью нашего режима». Прежний министр Вильгельм Фрик, который занимал свой пост с 1933 года и одно время являлся конкурентом Гиммлера, должен был довольствоваться представительской должностью имперского протектора Богемии и Моравии. Гитлер, который назначил Гиммлера министром внутренних дел, отнюдь не ожидал, что тот предпримет реформу государственного аппарата или будет заниматься упорядочиванием отношений партийных и государственных органов. Гиммлер всего лишь должен был «более эффективно обеспечивать внутреннюю безопасность рейха», для чего ему и потребовалась новая должность. В те дни Геббельс не без внутренней зависти записал в дневнике: «Вне всякого сомнения, Гиммлер просто предназначен для руководства немецкой внутренней политикой. Во всяком случае, он при любых обстоятельствах может гарантировать внутреннюю безопасность рейха».

Тем не менее Гиммлер сразу же после 26 августа провел несколько изменений в работе министерства внутренних дел. Он разделил все функциональные обязанности на две больших группы. Одна из них получила условное наименование «Внутреннее управление» и подчинялась статс-секретарю Штукарту. Вторая группа именовалась «Здравоохранение». Во главе ее находился статс-секретарь Леонардо Конти. Кроме этого Гиммлер передал задания 4-го отдела министерства, который курировал деятельность занимавшихся народными и земельными исследованиями институтов, Главному управлению СС по вопросам расы и поселений. В то же самое время этот сектор

РуСХА курировался специалистами СД, занимавшимися зарубежьем. Рейхсфюрер СС предпринял не просто шаг, который позволял использовать научный и интеллектуальный потенциал этих институтов в шпионских целях, но способствовал складыванию целого направления в национал-социалистической науке. Благодаря этой инициативе воедино оказались собраны такие исследовательские структуры, как «Исследовательское общество по изучению проблем фольксдойче», «Немецкий зарубежный институт», «Ванзейский институт» и т. д. Способности ученых, которые работали в этих структурах, оказались сосредоточены на долгосрочной программе «освоения жизненного пространства».

После своего назначения министром Гиммлер появлялся в здании министерства внутренних дел всего лишь три или четыре раза. Он предпочитал отдавать указания из своего штаба, где за деятельность МВД отвечал референт Гиммлера Рудольф Брандт. По большому счету министерство внутренних дел, которое уже давно утратило контроль над карательным аппаратом, жило своей самостоятельной жизнью, непосредственно подчиняясь распоряжениям статс-секретаря Штукарта. Гиммлер не посещал министерство отнюдь не только потому, что был занят множеством других заданий, но в значительной мере потому, что питал недоверие к государственной бюрократии. Он никогда не скрывал своего презрительного отношения к юристам и чиновникам. Став министром, Гиммлер даже предпринял несколько попыток преодолеть традиционный бюрократический формализм и схематичность действий. Чтобы избавиться от безликости административных распоряжений, рейхсфюрер СС приказал чиновникам собственноручно подписывать подготовленные бумаги и документы. Также Гиммлер высказал идею, что ландраты не должны были сохраняться в одном и том же составе более десяти лет. Кроме этого Гиммлер, пытаясь бороться с коррупцией в органах управления, подписал указ,

согласно которому близкие родственники не могли работать в одном и том же органе власти. Однако в небольших городках едва ли можно было выполнить это требование.

Вообще Гиммлер в очередной раз пытался закрепить за собой репутацию «заботливого» начальника. Например, он призывал своих служащих в министерстве, чтобы они «достойно» (едва ли не самое популярное слово в лексиконе Гиммлера) обходились с гражданами. Новый министр гневно советовал обер-бургомистрам: «Обращайтесь с этими господами чиновниками по-свински, то есть точно так, как они обращаются с простым народом». Гиммлер дал задание по «перевоспитанию чиновничества»: «Мы заново воспитаем их. Тот же, кто не поддастся воспитанию, в одночасье вылетит из своего кресла».

Гиммлер пытался сделать ставку на «укрепление самоуправления», хотя под «самоуправлением» он понимал нечто свое. В любом случае он планировал провести перераспределение обязанностей между бургомистрами и ландратами. У этой инициативы была предыстория. Первые попытки провести реорганизацию системы управления были предприняты в начале 1943 года. Эта необходимость была вызвана войной, а потому чиновничья структура в целом должна была быть упрощена. Большая часть административных заданий должна была быть передана на нижний уровень. В партийной канцелярии НСДАП придерживались несколько иного мнения. Там подразумевали, что необходимо было усиливать инстанции среднего уровня, что якобы позволило бы укрепить авторитет партии. На практике это должно было выглядеть следующим образом: гауляйтеры становились независимыми от министерской бюрократии, а обер-бургомистры — от ландратов. Если Фрик пытался противостоять этой инициативе Мартина Бормана, то Гиммлер открыто ее поддержал. Когда он говорил об «укреплении самоуправления», то в первую очередь подразумевал ослабление государственной

бюрократии. В этом отношении Гиммлер мог рассчитывать на поддержку Бормана. Далеко не случайно за несколько дней до назначения Гиммлера министром они оба обсуждали будущую политику министерства внутренних дел. Впрочем, этот союз оказался недолгим.

Надо отметить, что, после того как Гиммлер стал министром внутренних дел, он автоматически попал в «ближний круг» Гитлера, куда входили: Геббельс, Борман и Шпеер. Гиммлер сразу же поддержал курс Геббельса на «тотальную войну», что должно было привести к радикальному изменению всего немецкого общества. Геббельс в ответ дал несколько лестных отзывов в адрес Гиммлера. Однако министра пропаганды пугало растущее влияние главы СС. Эти опасения Геббельс доверил своему дневнику: «Так или иначе, но в руках Гиммлера оказалось слишком многое. Он не может сам справиться со многими делами». Геббельс, всегда чуткий к настроениям и оттенкам «борьбы компетенций», сразу же заметил, когда союз Бормана и Гиммлера дал трещину. «Борман стал относиться к Гиммлеру более скептически, так как тот присвоил себе слишком много дел. Едва ли будет хорошо, если он станет единственной влиятельной фигурой среди национал-социалистических руководителей». Среди людей, приближенных к Гитлеру, вообще никогда не было постоянных союзов. «Борьба компетенций», которую всячески поддерживал Гитлер, желая выступать в роли третейского судьи и беспристрастного арбитра, предполагала наличие баланса между соперничеством и общими интересами.

Когда 20 июля 1944 года произошло неудачное покушение на Гитлера, Генрих Гиммлер оказался в сложной ситуации. С одной стороны, он получил дополнительные полномочия, которые позволяли ему карать заговорщиков, с другой стороны, он должен бы объяснить, как гестапо «проморгало» заговор армейских офицеров. Нельзя сказать, что агенты гестапо совсем

ничего не знали о тайных встречах консервативно настроенных офицеров. В этой среде было проведено даже несколько арестов. Однако никто среди руководства СС даже предположить не мог, что готовится самый настоящий заговор, который предполагал физическое устранение Гитлера и захват власти в стране. Кроме этого Гиммлеру было затруднительно объяснить, как руководство СС смогло допустить, что Гитлер во время покушения не погиб только благодаря чистой случайности. Чтобы избежать всех этих «неудобных» вопросов, Гиммлеру надо было в срочном порядке развить бурную деятельность, что он, собственно, и сделал. Уже 21 июля 1944 года при 4-м управлении РСХА была создана специальная комиссия, состоявшая из одиннадцати оперативных групп, в которых в общей сложности числилось около 400 человек. Этой комиссии буквально в считанные дни удалось провести около 700 арестов и выяснить все детали плана заговорщиков. Однако даже в этом случае в гестапо не знали, насколько глобальным был антигитлеровский заговор.

30 июля 1944 года Гиммлер в очередной раз встречался с Гитлером. На этой встрече должны были обсуждаться предполагаемые действия в отношении «преступников». В тот день Гиммлер записал у себя в блокноте: «1) судебный процесс; 2) семья Штауффенберга; 3) родственники Зейдлица». Эти записи означали, что предполагалось начать преследование не только самих заговорщиков, но и членов их семей. В случае с генералом Вальтером фон Зейдлицем ситуация была несколько иной. Он физически не мог принимать участие в заговоре, так как находился в советском плену. Его вина состояла в том, что он согласился возглавить «Союз немецких офицеров», который активно использовался в СССР для военной пропаганды. Всего же в июле и августе было арестовано 140 человек, которые были родственниками армейских заговорщиков. 25 октября 1944 года Кальтенбруннер сообщил Мартину Борману, что Гиммлер

отказывался вводить в общую практику «особые принципы семейной ответственности». Он предполагал, что каждый случай надо было разбирать отдельно. Так или иначе, но до весны 1945 года в концентрационном лагере Дахау пребывали около 200 человек, которые попали под действие «выборочной семейной ответственности». Кроме этого Гиммлер использовал заговор против Гитлера в качестве повода для очередной волны террора, который должен был быть направлен против коммунистов и социал-демократов. 14 августа 1944 года Гиммлер записал в своем служебном календаре: «Пора исполнять Тельмана». Четыре дня спустя бывший председатель Коммунистической партии Германии Эрнст Тельман был казнен.

На самом деле волна террора и месть родственникам армейских заговорщиков были отнюдь не единственными последствиями событий 20 июля 1944 года, которые имели непосредственное отношение к Генриху Гиммлеру. Дело в том, что в день покушения Гитлер назначил рейхсфюрера СС командующим резервной армией. На этом посту Гиммлер сменил генерал-полковника Фридриха Фромма, непосредственного начальника Штауффенберга. Фромм знал о готовящемся заговоре, хотя и не принимал в нем активного участия. Став командующим резервной армией, Гиммлер получил одну из влиятельных армейских должностей. Теперь он мог заниматься проблемами вооружения армии, уголовным преследованием армейских служащих, отвечал за лагеря военнопленных, ведал вопросами комплектования и воинской подготовки. Кроме этого Гиммлер мог отныне курировать деятельность всех армейских училищ. Также не стоило забывать о том, что летом 1944 года резервная армия считывала 2 миллиона человек. Принято считать, что назначение Гиммлера командующим резервной армией было реакцией на заговор военных. Якобы это решение должно было унизить кадровых военных, стать своеобразным наказанием. На самом деле для того, кто следил за кадровыми перестановками в

Третьем рейхе, такое решение Гитлера не стало бы неожиданностью. Еще 15 июля, то есть за пять дней до покушения на Гитлера, рейхсфюрер СС стал обстоятельно знакомиться в делам генерала-полковника Фромма. Не исключено, что именно это обстоятельство подтолкнуло Фромма встать на сторону заговорщиков. Генерал не хотел, чтобы резервная армия рано или поздно была превращена в эсэсовское оперативное объединение.

Итак, что же произошло 15 июля 1944 года? В этот день Гитлер уполномочил Гиммлера принять в свое ведение пятнадцать дивизий, формирование которых было запланировано на ближайшее время. Это было серьезное вмешательство рейхсфюрера СС в армейскую сферу и позволяло предположить, что в будущем все сформированные соединения будут передаваться Ваффен-СС. Эти полномочия для Гиммлера имели стратегическое значение. Распоряжение новыми дивизиями позволило бы восполнить численность рядов Ваффен-СС, которые к лету 1944 года понесли серьезнейшие потери. Пополнение, которое присылало командование вермахта, было явно недостаточным. Среди прочих задач, которые Гитлер поручил Гиммлеру, также значилось «национал-социалистическое воспитание». Если принимать во внимание, что в мае и июне 1944 года в своих выступлениях перед немецким генералитетом Гиммлер открыто признался в убийствах евреев, то становится понятно, что командованию вермахта намекали — армия становилась исключительно инструментом по достижению политических и идеологических целей. А это означало, что армейские чины были также ответственны за преступные деяния национал-социалистического режима.

15 июля 1944 года, во второй половине дня, Гиммлер должен был встретиться с генералом Фроммом в штаб-квартире фюрера, чтобы информировать того о своих новых полномочиях.

Во время встречи рейхсфюрер СС заявил генералу, что должен был подготовить формируемые дивизии (вскоре они получат звучное название «народно-гренадерские») к тому, чтобы они были подчинены штабу 3-го корпуса СС. Когда же Гиммлер получил реальную власть над резервной армией, границы между формированиями вермахта и Ваффен-СС фактически стерлись. Годом ранее, став министром внутренних дел, он собирался распространить свою власть над всем рейхом и придать старой идее «охранного государственного корпуса» новое звучание. Теперь же, обладая контролем над армией, «охранный корпус» превратился во что-то неимоверно титаническое.

Если рассматривать неудачное покушение на Гитлера с точки зрения изменения внутренней политики, то его можно трактовать как повод, которым воспользовались определенные национал-социалистические политики, чтобы окончательно убедить Гитлера в необходимости начала «тотальной войны». Кроме Геббельса, Бормана и Шпеера, к их числу можно отнести и Генриха Гиммлера. Именно эта четверка в конце войны сосредоточила в своих руках все рычаги управления государством и партией. Причем теперь внимание этой группировки обращалось не на то, чтобы заручиться поддержкой Гитлера, но дабы подорвать позиции некогда второго человека в Третьем рейхе — Германа Геринга. Однако «группа четырех» предпочитала действовать исключительно в качестве окружения Гитлера и никак не выходила за рамки этого статуса. Ни один из четверых не предпринял даже условной попытки убедить всех остальных, что завершение войны было возможно только без фюрера. Выработанная за годы «борьбы компетенций» привычка заручаться поддержкой Гитлера оказалась настолько сильной, что могущественная по своей сути четверка предпочитала безвольно плыть навстречу неминуемому военному поражению.

Гиммлер в качестве командующего резервной армией отдал первые указания уже в ночь с 20 на 21 июля 1944 года. Он стал заменять армейских офицеров, которые так или иначе были связаны с генералом Фроммом, лично преданными ему офицерами СС. Так, например, своим заместителем и начальником штаба Гиммлер назначил начальника Главного оперативного управления СС обергруппенфюрера Ганса Ютнера. Тот сразу же понял, что хочет от него рейхсфюрер СС. В конце июля 1944 года в своем письме Фегеляйну, который представлял интересы СС в ставке Гитлера, Ютнер напишет: «Надлежит собрать команду из самых жестоких командиров, которые будут расстреливать каждого, кто посмеет открыть рот». Сам же Гиммлер в своем обращении к штабным офицерам предпочитал подбирать более сдержанные слова. Он говорил о «глубокой скорби, которая охватила нас, солдат, узнавших о покушении». Впрочем, Гиммлер давно уже не был уверен, что присутствовавшие армейские офицеры действительно скорбели по поводу того, что покушение было неудачным. Но тем менее рейхсфюрер СС призывал вернуться к «истинным солдатским добродетелям», которые являлись лучшим средством в борьбе с духом мятежного неповиновения. В список этих «добродетелей» он внес качества, которые уже не один год пытался привить служащим СС: верность, послушание, усердие, веру. Он заявлял штабным офицерам: «Ваше воспитание, и ваша подготовка были напрасными, если они не основаны на непоколебимой вере в немецкое право и немецкую победу. **Я** основываю эту веру на ценности германской религии и германской расы. **Я** убежден, что мы стоим много больше, чем все остальные».

В последние дни июля 1944 года Гиммлеру приходилось не раз выступать. Он хотел обратиться к офицерам каждой из дивизий резервной армии. Внимательному наблюдателю должно было броситься в глаза, что Гиммлер настолько часто употреблял слово «вера», что оно стало походить на некое заклятие. По

большому счету Третий рейх пребывал в безнадежной ситуации, а потому Гиммлеру ничего не оставалось, как полагаться на иррациональную «веру».

Несколько иной тон выступлений рейхсфюрер СС позволил себе 3 августа 1944 года, когда встречался с рейхсляйтерами и гауляйтерами НСДАП. Он ни разу не упомянул «глубокую скорбь». Вместо этого он обрушился с гневными обвинениями на «офицерскую клику». Он провозглашал все неудачи, поражения, кризисы «делом рук реакционных и бездарных офицеров генерального штаба». Более того, он заявлял, что «эти офицеры в течение 1941–1943 годов пропитали армию сверху донизу пораженческими настроениями». Подобное недоверие отразилось и на мероприятиях, которые Гиммлер стал осуществлять в качестве командующего резервной армией. В первых числах августа 1944 года он получил от Гитлера разрешение упростить организационную структуру армии, Ваффен-СС, полиции и «Организации Тодта». Гиммлер хотел поставить на решение хозяйственно-экономических вопросов резервной армии Освальда Поля. Когда тот осторожно заметил, что этой деятельностью уже занимается генерал Хайнц Циглер, Гиммлер резко одернул обергруппенфюрера: «Мне совершенно неинтересно, чем занимается господин Циглер и есть ли он вообще на белом свете». После этого Гиммлер запретил Полю передавать командованию вермахта даже самые незначительные сведения.

Нельзя не упомянуть и еще об одном аспекте назначения Гиммлера командующим резервной армией. Поскольку он стал ответственным за все лагеря военнопленных, то рейхсфюрер СС столкнулся с проблемой, которую он никак не мог решить. Речь шла о привлечении советских военнопленных в состав вспомогательных частей вермахта. Рейхсфюрер СС всегда выступал против этого. В своей печально знаменитой речи 1943

года, которую он произнес в Познани, Гиммлер называл генерала Власова не иначе как «русской свиньей». Однако в июле 1944 года он согласился на посредничество редактора журнала «Черный корпус» штандартенфюрера СС Гюнтера Д'Альквена. Встреча Власова и Гиммлера состоялась 16 сентября 1944 года. С самого начала Власов поставил вопрос о пропагандистской брошюре «Недочеловек» («Унтерменш»), Гиммлер уклонился от прямого обсуждения расовой теории, однако после встречи распорядился прекратить любую пропаганду, направленную против «недолюдей» (брошюра была запрещена к использованию еще раньше). Итогом встречи рейхсфюрера СС и Власова стала договоренность о создании «Комитета освобождения народов России».

14 ноября 1944 года в Праге прошел учредительный съезд «Комитета освобождения народов России», провозгласивший объединение всех находившихся на территории Германии антисоветских сил, включая эмигрантские организации, национальные комитеты и восточные формирования. Целью «Комитета освобождения народов России» была провозглашена «борьба за новую свободную Россию против большевиков и эксплуататоров». Впрочем, все эти попытки уже не могли изменить военного положения Германии.

Глава 22. Тактика последнего часа

В первых числах сентября 1944 года Генрих Гиммлер отдал приказ всеми силами предотвратить отступление немецких частей по Западному фронту. В своей речи перед командующими военными округами и начальниками училищ рейхсфюрер не без внутренней гордости заявил, что за прошедшую неделю объездил всю прифронтовую зону и находящиеся по угрозой области: «Я проехал по Западному фронту от Трира до Мульхаузена, Кольмара и Меца». Кроме этого новый главнокомандующий

резервной армией заявлял, что «там, где это было нужно», он останавливался и беседовал с «тысячами солдат». Офицерам же он рекомендовал «жестко подавлять любые негативные тыловые явления». То, что в своей военной карьере в 1918 году Гиммлер так и остался тыловиком, его нисколько не волновало. В глазах Гитлера Гиммлер тоже представал не в качестве талантливого армейского деятеля, но в качестве фанатичного активиста, который мог быть пригоден для выполнения некоторых военных заданий. Скорее всего, именно по этой причине в сентябре 1944 года фюрер поручил шефу СС заняться формированием фольксштурма.

Идея военизированной милиции, которая могла бы использоваться для выполнения временных заданий военного характера, не давала покоя Генриху Гиммлеру несколько лет. Еще в январе 1942 года он создал ландвахту («земельный караул»), которая за год развилась в две самостоятельные организации: собственно ландвахту и штадтвахту («городской караул»). Контроль над ними принадлежал одновременно и Гиммлеру, и Борману, которые заключили между собой специальное соглашение. В ландвахту предпочитали брать членов СА, служащих СС, членов НСДАП и партийных активистов, которые в силу различных причин не были призваны в ряды вермахта. Ландвахта и штадтвахта обычно использовались для несения караульной службы во время транспортировки пригнанных на принудительную работу иностранных граждан или при поисках сбежавших из лагеря военнопленных.

Однако к лету 1944 года обстановка на фронтах стала в корне меняться. В этих условиях руководство Национал-социалистической партии стало задумываться над тем, что если Красная Армия и части союзников все-таки смогут прорваться на территорию Германии, то им надо было противопоставить нечто вроде ландштурма. Эти планы постоянно менялись. В середине

сентября 1944 года Генрих Гиммлер, Мартин Борман и генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, представлявший верховное командование вермахта, договорились о создании фольксвера («народного ополчения»). Однако вскоре название было в очередной раз изменено. 26 сентября 1944 года Гитлер подписал Указ «О создании немецкого фольксштурма». Слово «фольксштурм» было более звучным, более воинственным, что посчитали более подходящим для кризисной ситуации. В указе Гитлера сообщалось, что все способные носить оружие мужчины в возрасте от 16 до 60 лет должны были быть зачислены в фольксштурм. Ответственными за формирование частей фольксштурма были назначены гауляйтеры. Гиммлер как командующий резервной армией был обязан начать подготовку частей фольксштурма, снабдить их оружием и обмундированием. Также Гиммлер после получения соответствующих указаний от Гитлера был обязан обеспечить «боевое применение» частей фольксштурма.

Во время встречи с командующими военными округами и начальниками военных училищ, которая состоялась 21 сентября 1944 года, Гиммлер сообщил о готовящемся создании фольксштурма. Однако официальное оглашение этой информации произошло фактически месяц спустя — 18 сентября 1944 года в Кенигсберге. Гиммлер выбрал для своего выступления, транслировавшегося на весь рейх по радио, весьма символический день. Рейхсфюрер СС напомнил, что 18 октября исполнялся 131 год с момента «Битвы народов», которая происходила у стен Лейпцига. Это был почти идеальный повод, чтобы увязать между собой ландштурм 1813 года и фольксштурм 1944 года. Гиммлер намеревался сказать о том, что фольксштурму предстояло сделать то же самое, что сделал немецкий ландштурм во время освободительных войн. Глава СС призывал почерпнуть мужество из славной немецкой истории — в свое время народной милиции удалось внести свой вклад в

победу над Наполеоном, несмотря на, казалось бы, безнадежное военное положение. Тяготевший к историческим аналогиям рейхсфюрер СС провозглашал, что теперь похожая роль отводилась фольксштурму: «Нашим врагам предстоит понять, что каждый километр, который они пройдут по нашей земле, будет залит потоками их крови. Каждый городской квартал, каждая деревня, каждый дом, каждый перелесок будут защищаться юношами и стариками, а если потребуется, то женщинами и девушками». 12 ноября 1944 года во всех гау в торжественной обстановке, насколько это вообще было возможно к тех условиях, части фольксштурма были приведены к присяге.

Не имея реальной возможности заниматься делами фольксштурма, Гиммлер поставил во главе его обергруппенфюрера СС Готтлоба Бергера, который должен был сформировать собственный штаб. Энергичный Бергер очень быстро вышел за рамки отведенных ему обязанностей, которые ограничивались лишь формированием частей фольксштурма. В результате Борман стал предъявлять претензии Гиммлеру. Гиммлер призвал Бергера «не превышать планку дозволенного», но в конечном счете ни рейхсфюрер СС, ни его подчиненный не считали нужным прислушиваться к Борману, который явно не мог контролировать ситуацию.

Если говорить о конкретной деятельности Бергера, то надо отметить, что 16 октября он составил учебную программу для частей фольксштурма, которая наряду с изучением различных типов вооружений предусматривала «мировоззренческую активизацию». Чисто теоретически 6 миллионов человек были немалой силой. Тем не менее военная подготовка этих «солдат последнего часа» была более чем отвратительной. «Служба» в фольксштурме сводилась к тому, что по вечерам и на выходных облаченные в гражданскую одежду старики и дети осваивали навыки стрельбы. В большинстве случаев из униформы у них

имелась только повязка фольксштурма. Это был единственный признак, по которому можно было определить, что фольксштурмисты состояли в рядах регулярной армии. Если бы они попали в плен с оружием в руках и в гражданской одежде, то их могли расстрелять как диверсантов. Повязка же давала вялую надежду, что фольксштурмисты будут считаться военнопленными, а потому на них будут распространяться нормы международного права.

Несмотря на незначительную военную подготовку и возраст фольксштурмистов, некоторые из национал-социалистического руководства полагали, что эти недостатки можно было компенсировать тактикой так называемого «кляйнкрига». Планировалось, что преимуществом детей и стариков будет хорошее знание местности, которое они смогут мастерски использовать для боевых вылазок. Именно по этой причине Готтлоб Бергер рекомендовал в качестве «учебного пособия» приключенческие книги Карла Мая. На практике же фольксштурм не столько принимал участие в боях, сколько был привлечен к строительству укреплений и рытью окопов. Первый опыт использования частей фольксштурма в реальных боях был настолько ужасным, что в феврале 1945 года Гитлер подписал указ, в котором предписывалось использовать фольксштурмистов исключительно для обеспечения порядка в тылу.

Однако когда Германии стало катастрофически не хватать войск (в особенности на Восточном фронте), фольксштурмистов без раздумий бросили в пекло боев. Если не обращать внимания на то, что реальная боевая ценность частей фольксштурма была крайне невелика, его создание имело большое политическое значение. Гиммлер и Борман хотели получить контроль над всеми мужчинами, способными держать оружие. Поскольку части фольксштурма находились под юриспруденцией судов СС и полиции, то это становилось дополнительным

мобилизационным мероприятием. Главной причиной создания фольксштурма могло стать не столько желание оказать вооруженный отпор наступающим частям Красной Армии или западных союзников, сколько подавить в зародыше возможные позывы к бунту. Гиммлер в очередной раз заботился о «внутренней безопасности рейха». Опасение, что население выйдет из-под контроля, являлось эхом событий 1918 года, а затем растиражированного в националистической среде лозунга о «предательском ударе в спину».

В своем радиообращении от 18 октября 1944 года Гиммлер говорил не только о создании фольксштурма. Он полунамеками сообщал о предстоящем возникновении еще одной организации: «Если враг захватит наши области, то в них вспыхнет волна немецкого сопротивления. Подобно оборотням презирающие смерть добровольцы будут постоянно вредить неприятелю, разрушая его коммуникации и систему снабжения».

Одна из самых главных проблем возникновения национал-социалистического партизанского движения состояла в том, что создание отрядов было поручено СС, причем тем управлениям, которые никак не были связаны с Ваффен-СС. Более того, «вервольфы» оказались независимыми не только от СД, но даже и от РСХА (Главного управления имперской безопасности). Подобное положение вещей сразу же стало причиной некой напряженности, которая возникла между нацистскими партизанами и эсэсовскими разведчиками. Неудивительно, что Эрнст Кальтенбруннер и Вальтер Шелленберг сделали все возможное, чтобы нейтрализовать эту затею. Контроль над «Вервольфом» получили эсэсовские структуры, выполнявшие чисто полицейские функции. Тот факт, что Гиммлер начал формировать «Вервольф» в сердце Германии под контролем собственных полицейских, еще раз указывал на предназначение «вервольфов» как инструмента акций террора и запугивания.

19 сентября 1944 года руководить формированием отрядов «вервольфов» Гиммлер поручил обергруппенфюреру СС Гансу Прюцману, который был наделен особыми полномочиями. Этот эсэсовский офицер был классическим представителем «новой аристократии». Его отличал острый ум и широкий кругозор. Но эти качества меркли на фоне его непомерного тщеславия и недостаточного внимания к порученным ему делам. На первых стадиях создания партизанского движения он весьма легкомысленно хвастался, что «его организация» кардинально поменяет военное положение Германии. Уже один этот факт говорил о том, что он слабо представлял, с чем ему придется столкнуться. Опыт, накопленный Прюцманом на оккупированной Украине, а также хорошее знание Восточной Пруссии, откуда он был родом, предопределили решение Гиммлера. После того как немцы были изгнаны с территории СССР, а сам Прюцман остался не у дел, рейхсфюрер решил поручить ему создание «Вервольфа». При этом, сохраняя свой полицейский пост в Кенигсберге, он освобождался от каких-либо других поручений и заданий. Строительство партизанского движения из состава СС началось с создания так называемого Бюро Прюцмана, которое располагалось в предместьях Берлина.

Еще одной особенностью зарождавшегося партизанского движения являлось то, что ему отводились функции простых диверсионных групп, которые должны были действовать в пограничных областях Германии. Любой намек на то, что регулярные воинские части не могли защитить границы рейха, мог быть расценен национал-социалистическим руководством как «пораженческие настроения». В итоге сфера деятельности групп «вервольфов» из состава СС ограничивалась некоторыми приграничными территориями, которые могли «случайно» занять вражеские части, имевшие значительный численный перевес. Подобная идеологическая установка не имела ничего общего с реальной картиной боевых действий. В итоге идеология не

позволила эсэсовскому руководству подготовиться к 1945 году, когда советские и союзнические войска вступили на территорию Германии.

Задуманные верхушкой СС партизанские части должны были действовать в рамках узких заданий, которые полностью соответствовали концепции Клаузевица — ведение рельсовой войны, планомерные диверсии, обрыв линий связи. Национал-социалистические лидеры наивно надеялись, что подобные меры позволят задержать наступление Красной Армии и союзнических войск. «Вервольфы» должны были также заниматься политическим и экономическим саботажем, совершать убийства антифашистских активистов, распространять пропагандистские материалы, собирать сведения о передвижении вражеских войск, призывать местное население оказывать пассивное сопротивление оккупантам (хотя в последние дни войны «вервольфы» все меньше и меньше были связаны с местными жителями). В одной из статей, опубликованных в газете «Фёлькише беобахтер», действия «вервольфов» сравнивались с «волчьими стаями», группами немецких подводных лодок, которые охотились за конвоями союзников. Как свидетельствуют трофейные документы, попавшие в руки Красной Армии, в конце войны национал-социалистическое руководство несколько пересмотрело свое отношение к партизанскому движению. Теперь «вервольфы» рассматривались как ядро будущего широкого движения сопротивления, в которое должны были вступать не только местные жители, но и военнослужащие из разбитых и окруженных частей вермахта.

В основу учебных курсов для «вервольфов» (как ни парадоксально это прозвучит) был положен перевод советского «Руководства для партизана», написанного в начале войны. В Германии эта книга вышла под названием «Советы вервольфу». В ходе этого скоротечного инструктажа будущие «вервольфы»

изучали методы саботажа, азбуку Морзе, способы беспроволочной передачи информации, технологии убийств. К этим специфическим «дисциплинам» добавлялись усиленные тренировки, повышение выносливости. Женщины, завербованные в «Вервольф», проходили специальное обучение, чтобы действовать в качестве разведчиц. Им рекомендовалось устраиваться в оккупационные органы власти в качестве секретарш или обслуживающего персонала. Каждый будущий «вервольф» лишался всех персональных документов. Его личность фактически стирали. Это должно было помешать их идентификации контрразведкой союзников в случае провала. Этот шаг имел еще и психологическую сторону — человек как бы лишался личности, а став частью тайной организации, он жил только во имя выполнения своей цели. Собственно «вервольфами» рекруты становились после того, как подписывали бумагу, которая больше напоминала клятву. В ней рекрут просил принять его в «Вервольф». Он соглашался с тем, что любые его проступки карались смертью. В качестве таковых могли быть и попытка дезертировать, и сдача в плен противнику, и т. д. Интересен тот факт, что второй стороной, подписавшей бумаги, являлся рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. То есть «вервольфы» присягали не на верность итлеру, но непосредственно организации, давая «обет» национальному сопротивлению.

Бесчисленные трудности при вербовке и подготовке «вервольфов» были вызваны отсутствием у «Вервольфа» устойчивой бюрократической основы. К концу войны стало очевидно, что эта организация не могла эффективно действовать, не имея определенного патронажа какой-либо военной или военизированной организации. Только в этом случае «Вервольф» мог получить необходимые ресурсы, за которые в последние годы войны в Германии шла ожесточенная бюрократическая война. Гиммлер, весьма преуспевший в аппаратных боях, сразу

же обратил внимание на это обстоятельство. В ноябре 1944 года рейхсфюрер СС проводил совещание с руководством РСХА, в ходе которого предложил передать «Вервольф» под контроль Скорцени. По мнению Гиммлера это сохранило бы контроль СС над «вервольфами». Прюцману, присутствовавшему при этом, оставалось только полагаться на судьбу. Скорцени вежливо отклонил предложение своего шефа, сославшись на то, что у него и без того хватало работы. В действительности «диверсант № 1» отказался по причине того, что не считал «Вервольф» эффективным инструментом. На практике же «вервольфы» были активно вовлечены в деятельность по запугиванию населения и убийству политически неугодных деятелей. В октябре 1944 года Гиммлер подписал декрет, в котором любым чиновникам, оказавшимся на оккупированной территории, под страхом смерти запрещалось сотрудничать с противником. Хотя в этом декрете немецким чиновникам предписывалось выполнение своих обязанностей, в частности помощь немецкому населению. Вслед за этим декретом последовал приказ об уничтожении всех предателей, «решившихся на сотрудничество с врагом».

Однако террор, запугивание и контроль над населением недолго оставались темами, волновавшими Гиммлера. Когда к осени 1944 года войска западных союзников освободили от немцев почти всю территорию Франции, западные границы рейха оказались под ударом. В это время Гиммлер получил новое задание. В ноябре 1944 года он был назначен командующим группой армий «Верхний Рейн». Его задача состояла в том, чтобы в оперативном порядке создать подобие оборонительного рубежа из наспех собранных частей резервной армии, подразделений фольксштурма, отрядов пограничной охраны и полиции. На первой неделе января 1945 года соединения группы армий «Верхний Рейн» оказали тактическую поддержку группе армий Г, которая в ходе операции «Северный ветер» должна была совершить отвлекающее наступление. Целью этой операции был

отход немецких войск после провала Арденнского наступления. В целом соединения группы армий «Верхний Рейн» предприняли три наступления, однако ни в одном из них не смогли добиться успеха. В журналах боевых действий фактически не осталось никаких записей, которые позволили бы оценить или хотя бы характеризовать деятельность Генриха Гиммлера в качестве командующего.

В конце 1944 года штаб-квартира Генриха Гиммлера располагалась в его специальном поезде, который стоял на вокзале Триберг в Шварцвальде. Главное преимущество этого подвижного офиса заключалось в том, что в случае бомбардировок он мог укрыться в безопасных железнодорожных тоннелях. 21 января 1945 года Гиммлер на своем поезде направился в Шнайдемюль, где ему предстояло приступить к выполнению нового задания. На этот раз Гитлер назначил главу СС командующим группой армий «Висла». В те дни Геббельс записал в своем дневнике, что это решение было продиктовано целым рядом обстоятельств. «Общевойсковые соединения, которые откатывались под ударами Советов, были склонны к разложению. Здесь требовалась сильная рука, чтобы вновь их превратить в боевые части».

Если верить дневникам Геббельса, то в то время «фюрер был исключительно доволен деятельностью Гиммлера», а потому выбор пал именно на него. («Он идеально подходит для выполнения этого задания».) Осознавая, насколько увеличилось влияние Гиммлера, Геббельс предложил сделать его главнокомандующим. Однако Гитлер не был готов поделиться властью, «до тех пор пока Гиммлер не окажется пригодным для выполнения больших оперативных заданий». Можно предположить, что назначение на пост командующего армиями «Висла» было своего рода экзаменом.

О деятельности Гиммлера в этом качестве сохранились подробные сведения. В первую очередь историки должны благодарить за это полковника Айсманна, который был офицером генерального штаба группы армий «Висла». В первый раз Ганс-Георг Айсманн встретился с Гиммлером именно в январе 1945 года в Шнайдемюле, куда прибыл поезд рейхсфюрера СС. Айсманн вспоминал: «Гиммлер встретил меня в элегантно оформленном салоне вагона. Он выслушал мой доклад, после чего подошел к стоявшему посреди помещения столу. На нем была раскинута дежурная карта верховного командования. Он коротко спросил о моей прошлой службе, после чего активно принялся изучать положение позиций». На тот момент задача группы армий «Висла» состояла в том, чтобы закрыть разрыв в линии фронта, который возник между позициями группы армий «Центр» и группы армий «Север». По всей ширине этого разрыва, которая составляла 120 километров, надо было создать оборонительный рубеж, который проходил по линии Средняя Силезия — Нижняя Висла. Однако, как отмечал в своих воспоминаниях Айсманн, ширина фронта стала увеличиваться и вскоре составляла уже 450 километров. В это время Гиммлер не мог дать каких-то четких указаний. Айсманн отмечал, что он выдавал лишь общие фразы: «При помощи группы армий «Висла» я остановлю и разобью русских. **Я** отброшу их назад». Как отмечал Айсманн: «Невольно возникало ощущение, что слепой рассуждал об оттенках цветов».

Когда во время оперативного совещания Айсманн задал вопрос, какие силы и к какому времени могли быть предоставлены в распоряжение командования, Гиммлер стал произносить одну из своих длинных речей. Он обличал офицеров генерального штаба, которые были «обучены лишь школьным премудростям, но были лишены таланта импровизации». Вновь и вновь Гиммлер говорил о пораженческих настроениях среди военных. Выход он видел лишь в «энергичной деятельности». После этого рейхсфюрер СС

должен был пояснить, что подразумевал отнюдь не Айсманна. Сам же Айсманн раньше никогда не видел Гиммлера, а потому оставил его описание. «Внешне выглядит как человек среднего роста. Верхняя часть туловища несколько вытянута. Ноги колесом. Фигура скорее округлая, нежели стройная.

Носит простую серую униформу. Спереди голова напоминает острый треугольник. Очень сильно бросается в глаза слабый, почти скошенный подбородок. Очень живые, но в большинстве случаев слегка прищуренные глаза. Вкупе со скулами они производят азиатское впечатление. Узкая, но не жесткая линия рта. В лице не наблюдается ничего демонического, ничего жестокого, ничего величественного. Обычное лицо среднестатистического обывателя. Несколько выделяются его руки. В них нет ничего благородного. Несколько неуклюжие, большие ладони с длинными пальцами, которые заканчиваются широкими кончиками. Если он подавал руку для рукопожатия, то могло показаться, что это женская ладонь».

Айсманн находил, что штаб Гиммлера не был приспособлен для командования группой армий «Висла», так как в нем в принципе не было ни оборудования, ни связи. Действительно, в специальный поезд рейхсфюрера СС была проведена лишь одна телефонная линия. Новый командующий даже не мог связаться с соседними группами армий. Кроме этого по оценке военных Гиммлер не был в состоянии оценивать оперативную обстановку. «Он словно зачарованный смотрел на карту и видел огромную дыру в линии фронта, которую ему предстояло заткнуть. Он очень часто употреблял слова “наступление”, “атака на флангах”…. Он мог провозглашать только курс на наступление». Еще в июле 1944 года рейхсфюрер СС рассказал о принципах, которых он будет придерживаться в своей военной деятельности. Он заявил армейским офицерам: «Время проработанных операций прошло. На востоке враг уже стоит у наших границ.

Здесь остается только наступать и остановить его». Постепенно Гиммлер решил сконцентрировать свои усилия на обороне трех «крепостей» (так в Третьем рейха предпочитали именовать укрепленные города, которые не имели права сдаваться):

Торна, Познани и Шнайдемюля. 30 января 1945 года он поставил в пример коменданта «крепости» Шнайдемюль, который был провозглашен «образцом стойкого и смелого командира». Такие похвалы комендант заслужил за то, что лично расстрелял несколько отступающих солдат, а также отдал приказ вешать «паникеров» и «пораженцев», прикрепив к трупам табличку с надписью «Так будет с каждым трусом». В тот же самый день комендант отдал приказ расстрелять бывшего начальника полиции Бромберга штандартенфюрера СС Карала фон Залиша, который «позволил себе проявить трусость». В некоторых случаях приговоры были более мягкими. Комендант снял со своего поста обер-бургомистра города, которого направили с «испытательную часть» (аналог штрафного батальона). Однако эти карательные меры не могли спасти группу армий «Висла», которая заняла неудачную оборонительную позицию. Командование группы армий во главе с Гиммлером не могло принять ни одного оперативного решения. Айсманн приписывал это «паническому страху», который Гиммлер испытывал перед Гитлером: «Ужас, который испытывал рейхсфюрер СС, буквально сковывал все его действия. Он не мог даже энергично отстоять какую-либо военную идею, про ее осуществление не приходилось даже говорить. Подобные установки вели к неизменному поражению и никому не нужным жертвам».

Айсманн констатировал, что Гиммлер был напрочь лишен «любых знаний, которые бы позволили ему справиться с трудным, сугубо военным заданием». Кроме этого он отмечал, что рейхсфюрер СС оказался неспособным выбить пополнения для частей, равно как и организовать своевременное прибытие

дополнительных вооружений. Между тем во время визита в Берлин, который состоялся в марте 1945 года, Геббельс был неприятно удивлен тем, насколько Гиммлер «оптимистично оценивал общее положение». Однако Айсманн придерживался несколько иного мнения: «По мере того как положение группы армий “Висла” становилось безнадежным, Гиммлер стал понимать, что ему не было суждено снискать славы. Теперь он осознал, что совершенно не был предназначен для военного командования. Кроме этого он видел, что конкуренты за его спиной уже вели ожесточенные схватки в ставке фюрера». В марте Гиммлер заболел ангиной в тяжелой форме. Он почти не вылезал из постели, даже доклады принимая в лежачем положении. 21 марта 1945 года Гитлер решил освободить Гиммлера от должности командующего группой армий «Висла», после чего рейхсфюрер СС направился с санаторий «Гогенлихен», где его должен был вылечить старый приятель Карл Гебхардт.

Впрочем, Гиммлер сохранил за собой пост командующего резервной армией, а это значило, что он мог контролировать фольксштурм. Кроме этого как рейхсфюрер СС и шеф немецкой полиции он все-таки еще имел возможность подключиться к обороне рейха. Однако вся эта деятельность оказалась сведена к изданию воинственных приказов. Например, 28 марта 1945 года Гиммлер распорядился расстреливать всех мужчин в домах, на которых был вывешен белый флаг. 15 апреля 1945 года он заявил: «Ни одна из немецких деревень не должна быть беззащитной. Каждый город, каждая деревня должны обороняться всеми доступными для этого средствами. Каждый немецкий мужчина, который нарушил этот естественный долг перед нацией, покрыл себя бесчестием и не имеет права на жизнь». В последние месяцы войны гестапо казнило тысячи немцев. В феврале 1945 года местные структуры гестапо получили право на «особое обращение» с задержанными и арестованными. И гестаповцы

воспользовались этим правом в полной мере. Кроме этого в конце марта 1945 года Гиммлер издал приказ, который разрешал каждому обладателю оружия расстреливать на месте мародеров и грабителей. Поэтому после каждого воздушного налета многие немецкие города накрывала волна форменного террора. В первую очередь он коснулся иностранных рабочих, которые были насильно пригнаны в Германию.

Глава 23. Тщетные попытки

После того как западные союзники высадились в Нормандии, открыв тем самым Второй фронт, в Третьем рейхе предпринимались многочисленные попытки если не разрушить коалицию, то хотя бы вызвать осложнение отношений между Москвой и Западом. Для этого в том числе распространялись всевозможные слухи о том, что одна из сторон вела с Третьим рейхом сепаратные мирные переговоры. На самом деле эти слухи использовались не только для «дипломатических диверсий», но и для того, чтобы подготовить почву для ведения действительных тайных переговоров. Эти идеи были очень популярными в ближайшем окружении Гитлера. Например, когда в сентябре 1944 года японский посол Хироши Ошима обратился к Гитлеру с предложением начать мирные переговоры с Советским Союзом, Геббельс написал специальную докладную записку, в которой предлагал конкретные шаги, которые надо было предпринять, чтобы сблизиться со Сталиными. В то же самое время Иоахим фон Риббентроп получил от фюрера задание «работать во всех направлениях», наводя контакты со странами антигитлеровской коалиции. Впрочем, эта деятельность была ориентирована в первую очередь на распространение дезинформации. Сам же Риббентроп пытался использовать испанских дипломатов, чтобы те распространялись о возможных переговорах с Москвой. Это должно было стать своеобразной приманкой для западных держав. В этой связи кажутся интересными пометки, которые

Гиммлер сделал 12 сентября 1944 года в своем служебном календаре: «Англия или Россия? Россия-Япония».

Несколько лет назад западные исследователи обнаружили короткую записку Уинстона Черчилля, в которой говорилось о «телеграмме Гиммлера». Поскольку британский премьер-министр распорядился уничтожить эту телеграмму, то о ее точном содержании ничего не известно. Не представляется возможным даже установить, действительно ли это была «телеграмма Гиммлера» или какой-то другой документ, чье авторство в Великобритании просто приписали Гиммлеру. Известно, что Гиммлер в конце войны предпринял несколько нерешительных попыток начать мирные переговоры. Как командующий резервной армией, фольксштурмом, а затем командующий группами «Верхний Рейн» и «Висла», он не мог не видеть, что война была проиграна. Однако конкретные шаги по осуществлению своего «мирного плана» он стал предпринимать только тогда, когда рейх оказался на грани военной катастрофы. В этих условиях было маловероятным, что союзники, и без того одержавшие победу, согласились бы на предложения Гиммлера.

Гиммлер не был единственным, кто пытался в 1945 году начать мирные переговоры. Из дневников Геббельса следует, что он с января 1945 года постоянно обсуждал с Гитлером возможность начала мирных переговоров. Однако Гитлер отказывался от этого шага, пока существовала противостоящая Германии коалиция. По этой причине теоретические возможности начала мирных переговоров, которые в 1945 году обсуждали Геббельс и Гитлер, в основном относились к западным державам. Только в марте Гитлер согласился с министром пропаганды, что имелась вероятность начать сепаратные переговоры с Советским Союзом. Некоторое время спустя после того, как состоялась эта беседа, Геббельс встретился с Гиммлером, который находился на лечении в санатории «Гогенлихен». Они говорили наедине не

менее двух часов. Позже Геббельс записал в своем дневнике, что рейхсфюрер СС, страдавший ужасной ангиной, произвел на него удручающее впечатление. Однако в части политических идей они сошлись. «Гиммлер в самых резких выражениях нападал на Геринга и Риббентропа, которых он полагал источником всех ошибок, допущенных во время войны. В этом он абсолютно прав». Рейхсфюрер СС был весьма озабочен не только положением на фронтах, но и продовольственным снабжением населения. Кроме этого он отметил, что ни в армейской среде, ни в гражданском управлении не было сильного руководства. И опять он винил во всех бедах Германии Геринга и Риббентропа. «Что с ними делать? В конце концов, не силой же принуждать фюрера расстаться с этими людьми». Эта небольшая фраза говорит о том, что при некоторых обстоятельствах люди из «ближнего круга» фюрера могли оказать на него давление с целью изменения политического курса. Сам же Геббельс полагал, что договориться со Сталиным было проще, чем с «англо-американскими безумцами». Однако в разговоре с Гитлером он продолжал настаивать на том, что решение надо было искать на Западе. Кроме этого Геббельс не считал нужным известить Гиммлера, что Гитлер придерживался диаметрально противоположной точки зрения.

По прошествии нескольких дней министр пропаганды обнаружил, что фюрер был крайне недоволен Гиммлером. «Фюрер возлагает большую часть вины на Гиммлера». В конца марта произошел инцидент, который окончательно разрушил отношения Гиммлера и Гитлера. Дело в том, что Гитлер полагал, что мог одержать победу в войне, если бы сохранил контроль над венгерскими нефтяными месторождениями. После того как советские войска смогли занять Будапешт, была запланирована крупная операция, в ходе которой немецкие и венгерские войска должны были сокрушить Красную Армию на территории

Венгрии. Для этой цели туда были переброшены два танковых корпуса СС, в том числе танковая дивизия «Лейбштандарт».

Когда операция провалилась, Гитлер, срывая свою злость на командире дивизии Зеппе Дитрихе, приказал всем офицерам «Лейбштандарта» спороть со своих мундиров нарукавные нашивки, что было аналогично срыванию погон. Несмотря на то что Гиммлер не был в состоянии вмешаться в ситуацию, он не мог понять, зачем было так унижать одну из самых боеспособных частей рейха?

В марте 1945 года Гиммлер полностью осознавал, что он потерпел фиаско как военный командующий и впал в немилость Гитлера. В этих условиях он начинает искать возможность принятия политического решения, которое могло бы прекратить войну. Поначалу он считал, что мог использовать заключенных в концентрационных лагерях евреев в качестве заложников. Он полагал, что поскольку Третий рейх вел войну против евреев, то и прекращение войны должно было быть связано именно с ними.

В середине марта Гиммлер встретился со своим бывшим массажистом и личным медиком Феликсом Керстеном. Керстен в годы войны перебрался в Швецию, где смог предложить свои услуги шведскому министру иностранных дел в качестве посредника. Гиммлер через Керстена просил передать, что если бы начались переговоры, то при приближении войск союзников он мог бы воздержаться от взрыва концентрационных лагерей и уничтожения находившихся в них заключенных. В последующие дни Гиммлер не раз повторял эту мысль. Более того, он отдал приказ комендантам лагерей прекратить убийства евреев и сделать все возможное, чтобы в лагерях сократилась смертность заключенных. Этот приказ был передан Освальду Полю, после чего тот его распространил по лагерям. Вернувшись назад в Швецию, Керстен встретился в Стокгольме с представителем

Всемирного еврейского конгресса» Хиллелем Шторьхом, которому рассказал о готовности Гиммлера переправить 10 тысяч еврейских узников в Швецию или в Швейцарию. Если вернуться несколько назад, то надо отметить, что уже с февраля 1945 года Гиммлер постоянно обсуждал судьбу узников концентрационных лагерей с вице-президентом шведского «Красного Креста» графом Фольке Бернадоттом. Сам же Бернадотт действовал по поручению шведского правительства. Гиммлер впервые встретился с ними 18 февраля 1945 года, а затем в первых числах марта. Поначалу обсуждалась судьба скандинавов, которые оказались заключенными в концентрационные лагеря. Большая часть из них была собрана в лагере Ноейнгамме. Затем речь пошла о других группах узников, которых планировалось сначала перевезти на территорию Дании, а оттуда переправить в Швецию. Переданное Керстеном согласие Гиммлера на освобождение 10 тысяч евреев могло восприниматься как значительный прогресс в ходе переговоров. В целом же предполагалось переправить в нейтральные страны около 20 тысяч людей, в том числе 8 тысяч скандинавов.

Во время первой встречи граф Бернадотт был весьма поражен, что не встретил монстра: «В нем не было ничего необычного, пугающего. Иногда он позволял себе шутки. Он также охотно рассказывал анекдоты, чтобы разрядить обстановку». Гиммлер, который всегда был отличным дипломатом, и двуличным политиком, способным представать в том образе, который был ему выгоден, в очередной раз решил прибегнуть к своим специфическим талантам. Он хотел предстать перед шведом в обличье рассудительного человека, с которым можно и нужно было вести переговоры.

После встречи с Керстеном Гиммлер направил тому в Швецию письмо. Это был, наверное, самый удивительный документ, который был составлен Генрихом Гиммлером. В письме Гиммлер

извещал Керстена о том, что официально освободил 2700 евреев из концентрационных лагерей, которые были направлены в Швейцарию. Удивительной кажется одна строка из этого письма: «Фактически это было продолжением того пути, которым я и мои сотрудники последовательно шли на протяжении многих лет, пока война и ее безумие не сбили нас с пути». Гиммлер заявлял, что в 1936–1939 годах он вместе с еврейскими организациями США пытался решить вопрос об эмиграции евреев из рейха. Гиммлер добавлял: «Направление в Швейцарию двух эшелонов — это осознанный шаг, который был сделан, несмотря на все трудности. Но именно он поможет возобновлению полезного процесса». После этого Гиммлер пытался прокомментировать ситуацию в лагере Берген-Бельзен. Рейхсфюрер СС заявлял, что «ходили слухи, будто бы там вспыхнула эпидемия тифа, которая вышла из-под контроля».

Тон этого письма показывал, что Гиммлер все еще полагал себя равноценным партнером в переговорах с западными державами. Однако это был самообман. Когда Шторьх предложил подключить к переговорам о выдаче евреев представителя британской дипломатии, то министр иностранных дел Эдем заявил Черчиллю, что не хотел бы иметь к этому процессу никакого отношения. Единственной причиной подобной позиции было то, что за этими переговорами стоял Генрих Гиммлер. После этого Черчилль заявил: «Никаких дел с Гиммлером». Гиммлер не мог подозревать, что в списке военных преступников у союзников он значился под первым номером. Он достаточно лицемерно жаловался Бернадотту, что за границей его, рейхсфюрера СС, воспринимают как излишне жестокого, но на самом деле ему была чужда и даже отвратительна жестокость. Между тем Вальтер Шелленберг неуклонно склонял Гиммлера к тому, чтобы тот сместил Гитлера и встал во главе Германии. Дальнейшие события достаточно подробно описаны в воспоминаниях Феликса Керстена.

В середине апреля 1945 года Гиммлер установил день, когда был готов вновь встретиться со Шторьхом. Однако Шторьх отказался лететь в Германию. Вместо себя он решил послать Норбета Мазура, который являлся директором нью-йоркского филиала «Всемирного еврейского конгресса». У Мазура не было въездной визы, но он получил от Гиммлера гарантии личной безопасности, а потому в сопровождении Керстена направился в Германию. Гиммлер настойчиво требовал, чтобы германское посольство ничего не знало об этой миссии. Он боялся, что вмешается Риббентроп и возникнут неприятности с Гитлером. Мазур и Керстен вылетели в Германию 19 апреля 1945 года на специальном самолете, в котором они были единственными пассажирами. Керстен вспоминал: «Когда самолет приземлился в аэропорту Темпельхоф, группа полицейских — человек шесть в аккуратных мундирах — приветствовала нас восклицанием “Хайль Гитлер!”. Мазур снял шляпу и вежливо сказал: “Добрый вечер”. На летном поле я получил от рейхсфюрера СС пропуск для Мазура, подписанный бригадефюрером СС Шелленбергом».

Встреча с Шелленбергом произошла в ночь с 19 на 20 апреля. Керстен и Мазур вели долгую беседу о пожеланиях шведского правительства и о необходимости освободить как можно больше евреев, что могло стать доказательством доброй воли. «Шелленберг находился в унынии, поскольку партийное руководство в лице Бормана оказывало на Гиммлера такое сильное давление, что тот не был склонен к дальнейшим уступкам. Партийное руководство требовало, чтобы Гиммлер выполнял приказ фюрера: если режим падет, то следует ликвидировать как можно больше его врагов». Беседа длилась несколько часов. Ночью 21 апреля в Гарцвальд, где и состоялась предварительная встреча, прибыл Генрих Гиммлер. Керстен, оставшись наедине с рейхсфюрером СС, просил быть предельно корректным в отношении Мазура. «Надо показать миру, питающему отвращение к принятым в Третьем рейхе методам

расправы с политическими врагами, что от такого подхода отказались и что на вооружение взяты гуманные меры. Доказать это крайне важно, чтобы история не вынесла одностороннее суждение о немецком народе». Гиммлер дал обещание сделать все возможное, чтобы удовлетворить запросы Мазура. Он произнес: «Я хочу зарыть топор войны между нами и евреями. Если бы от меня что-то зависело, многое было бы сделано по-другому».

После этого начались переговоры с Мазуром. Гиммлер начал разговор, сказав, что его поколение никогда не знало мира. Затем он сразу же перешел к евреям и сказал, что они играли ключевую роль в немецкой гражданской войне, особенно во время восстания группы «Спартак». Евреи были чужеродным элементом в Германии; в более ранние эпохи попытки выдворить их из страны провалились. Он заявил: «Взяв власть, мы стремились решить еврейский вопрос раз и навсегда. С этой целью я создал эмиграционную службу, которая бы создала для евреев самые благоприятные условия. Но ни одна из стран, которые выражали такое дружелюбие к евреям, не согласилась принимать их». После некоторых возражений Мазура Гиммлер перешел к «русской проблеме»: «Русские — не обычные враги. Мы, европейцы, не в состоянии понять их менталитет. Мы должны либо победить, либо погибнуть. Война на востоке стала для наших солдат самым суровым испытанием. Если еврейский народ страдает от жестокой войны, не следует забывать, что она не пощадила и немецкий народ».

Далее Гиммлер пытался представить концентрационные лагеря как «воспитательные заведения»: «Наряду с евреями и политическими заключенными там содержатся преступные элементы. Благодаря их аресту к 1941 году в Германии был самый низкий уровень преступности за многие годы. Заключенным приходится тяжело трудиться, но этим они ничуть

не отличаются от всех немцев. А обращение с ними всегда было справедливым».

Мазур заявил, что невозможно отрицать преступления, которые совершались в лагерях. В ответ Гиммлер произнес: «Я допускаю, что они происходили время от времени, но я наказывал тех, кто несет за них ответственность».

Понимая, что разговор пошел по «опасному руслу», в него вмешался Феликс Керстен, который предложил обсудить проблему узников, которых еще можно было спасти. Мазур предложил освободить всех евреев, находившихся в концентрационных лагерях. Гиммлер предпочел проигнорировать это предложение, но стал рассуждать о неблагодарности западных держав: «Когда я отпустил в Швейцарию 2700 евреев, это стало поводом, чтобы развязать в прессе кампанию лично против меня. Утверждалось, что я освободил этих людей лишь для того, чтобы обеспечить себе алиби. Но мне не нужно никакого алиби! Я всегда делал лишь то, что считал справедливым, что было необходимо для моего народа. И я отвечу за это. За последние десять лет ни на кого не вылили столько грязи, как на меня. Но я никогда не переживал по этому поводу. Даже в Германии любой человек может сказать обо мне все, что захочет. Заграничные газеты тоже начали против меня кампанию, после которой я не испытываю никакого желания продолжать сдачу лагерей».

Затем речь пошла об освобождении заключенных лагеря Равенсбрюк и обещании Гиммлера перевезти их в Швецию. Мазур настаивал на подробном соглашении. Гиммлер колебался. Когда Керстен понял, что переговоры заходят в тупик, он попросил Гиммлера просмотреть списки, полученные из шведского министерства иностранных дел, где перечислялись лица, освобождению которых придавалось особое значение.

После этого Гиммлер и Керстен могли побеседовать с глазу на глаз. Керстен настаивал на том, чтобы рейхсфюрер СС придерживался договоренностей, которые были достигнуты во время разговора, состоявшегося в марте. После этого Гиммлер согласился освободить тысячу еврейских женщин из Равенсбрюка. Но он настаивал, чтобы они в документах числились «полячками», что позволило бы обойти приказы Гитлера.

После этого в беседе с Мазуром Гиммлер перешел к общим политическим вопросам. Он упомянул немецкую оккупацию Франции и заявил, что оккупированная страна отлично управлялась, с безработицей было почти покончено и всем хватало продовольствия. Следующими словами Гиммлер решительно подчеркнул значение борьбы Германии с большевизмом: «Гитлер создал национал-социалистическое государство как единственно возможную форму политической организации, способную бросить вызов большевизму. Если рейх падет, то американские и английские солдаты будут заражены большевизмом, а их страны окажутся охвачены социальными беспорядками. Немецкие массы, вынужденные обратиться влево, будут приветствовать русских как братьев, после чего в мире воцарится неописуемый хаос».

В целом переговоры между Гиммлером и Мазуром длились несколько часов. Они закончились около 5 утра, после чего Мазур и Керстен покинули страну. Гиммлер тем временем еще два раза встречался с графом Бернадоттом. Первый раз это произошло ранним утром 21 апреля (то есть сразу же после окончания переговоров с Мазуром) в санатории «Гогенлихен». Но поскольку советские войска стремительно продвигались вперед, то Гиммлер был вынужден покинуть санаторий и срочно вместе со своим окружением перебраться в Любек. Именно там произошла вторая встреча с графом Бернадоттом. Она состоялась

в ночь с 23 на 24 апреля в здании шведского консульства. Именно тогда Гиммлер заявил шведу, что через несколько дней Гитлер будет мертв, а потому он мог говорить в качестве преемника фюрера. Гиммлер просил Бернадотта организовать через шведское правительство встречу с Эйзенхауэром, дабы Западный фронт мог капитулировать на определенных условиях. В то же самое время Гиммлер заявил, что на Восточном фронте немецкие войска будут сражаться настолько долго, насколько это было вообще возможно. Не полагаясь исключительно на шведов, Гиммлер пытался связаться с Шарлем де Голлем. Позже тот написал в своих мемуарах, что по неофициальным каналам он получил от рейхсфюрера СС предложение об объединении побежденной Германии и Франции, что не позволило бы англичанам и американцам превратить Францию в страну-сателлита. Де Голль согласился, что в этом предложении было очень много верного, но отказался принять его, так как оно поступило именно от Гиммлера.

Вернувшись в Швецию, Бернадотт конфиденциально информировал о своих встречах с Гиммлером шведского министра иностранных дел Христиана Гюнтера и американского посла в Стокгольме. Как и стоило ожидать, западные державы не только отказались вести переговоры с Гиммлером, но и опубликовали сведения о его предложении в прессе. Затем эта новость попала в сообщения международных агентств и стала транслироваться по радио. Именно из радиоперехватов в Германии узнали о тайных переговорах Гиммлера. В бункер Гитлера эта новость пришла 29 апреля. С фюрером случился припадок бешенства. За день до своего самоубийства Гитлер составил «политическое завещание», согласно которому Гиммлер лишался всех постов. «Перед своей смертью исключаю бывшего рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера из партии и снимаю со всех государственных постов… Геринг и Гиммлер вели тайные переговоры с врагом без моего согласия и против моей воли, а

также пытались взять в свои руки власть в государстве, чем нанесли стране и всему народу невосполнимый ущерб, не говоря уже о предательстве по отношению к моей личности». Преемником Гиммлера на посту рейхсфюрера СС стал гауляйтер Бреслау Карл Ханке.

В конце войны Гиммлер почти ни разу не встречался со своей семьей, которая проживала в Гмюнде, ни с Хедвиг Поттхаст и двумя детьми, которые находились в Берхтесгадене. Связь с ними можно было поддерживать лишь по телефону. Показательно, что даже в это время и Маргарета, и Хедвиг были преданы Генриху Гиммлеру. Они не испытывали никаких сомнений и не намеревались видеть в Гиммлере военного преступника. Еще 16 января 1945 года в гости к Маргарете прибыл брат Генриха, Гебхард Гиммлер. После 1933 года он сделал неплохую карьеру в системе профессионального образования. А с подачи брата даже получил офицерское звание СС. Дневниковые записи, которая вела Маргарета Гиммлер, позволяют установить, что в конце войны Гебхард во многом возлагал вину за предстоящий закат Третьего рейха на своего брата. Если он хотел найти какое-то понимание у супруги рейхсфюрера СС, то он глубоко заблуждался. «Он хотел поговорить со мной. У меня плохие предчувствия. То, что он говорил, было следствием католических воззрений, которые были присущи ему [Гебхарду. — А.В.] и его родителям. Хайни предупреждал меня об этом. Мне этого не понять». Двумя неделями позже Маргарета записала в дневнике: «Великолепно, что Генриху поручили выполнение крупных заданий и ему это удается. Теперь на него взирает вся Германия». 21 февраля она отмечала, что намерена оставаться в Гмюнде, «так как этого хотел Генрих».

Несмотря на многочисленные размолвки, Гиммлер пытался поддерживать связь со своей женой вплоть до апреля 1945 года. Та вместе с дочерью Гудрун покинула Гмюнде, когда к городу

приблизились американские войска. Они направились на юг. В мае 1945 года они оказались в Италии, где попали в британский лагерь для интернированных лиц. Офицер британской тайной полиции не раз допрашивал и Маргарету, и Гудрун Гиммлер. Однако вскоре допросы прекратились, так как стало ясно, что рейхсфюрер СС совершенно не посвящал свою супругу в профессиональные секреты. В своей характеристике он отмечал, что Маргарета Гиммлер по своему менталитету «напоминала обывательницу из маленького городка». Хедвиг Поттхаст в последний раз виделась с Генрихом Гиммлером в середине марта 1945 года в санатории «Гогенлихен». Отсюда она направилась в Берхтесгаден. В этого момента их общение ограничивалось ежедневными телефонными звонками. Последняя беседа по телефону между Хедвиг и Гиммлером состоялась 19 апреля.

Однако в апреле 1945 года Гиммлеру оказалось не до личной жизни. Он готовился возглавить Третий рейх. Находясь в Любеке, Гиммлер продолжал рассчитывать на власть в государстве, территория которого стремительно уменьшалась с каждым часом. Когда стали известны подробности его переговоров с графом Бернадоттом, Гиммлер решительно отверг все обвинения в предательстве. Он еще не знал, что был снят Гитлером со всех постов. Однако 30 апреля 1945 года его неожиданно навестил Дёниц. Тот получил телеграмму из бункера фюрера, в которой сообщалось об измене Гиммлера, а также содержалось требование «молниеносно и жестоко» покарать всех предателей. Дёниц обвинил Гиммлера в том, что тот за спиной Гитлера вел переговоры с западными союзниками. Однако покарать Гиммлера не представлялось никакой возможности. В Любеке, где до 30 апреля пребывал Гиммлер, было расквартировано несколько полицейских подразделений и имелось множество эсэсовцев. Дёниц же не обладал никакими средствами для поддержания власти, а потому просто довел полученную информацию до сведения Гиммлера, после чего

вновь отбыл в Плён. Через несколько часов он узнал, что стал преемником Гитлера и главой Германии. Теперь настало время, чтобы Гиммлер прибыл в Плён к Дёницу. Он появился ночью в сопровождении шести вооруженных офицеров СС. Гиммлер явно был потрясен, тем что именно Дёниц стал преемником Гитлера. Он предложил гросс-адмиралу свои услуги в «качестве второго человека в государстве». Дёниц отказался, после чего перенес свою «правительственную ставку» на север, в город Фленсбург. Гиммлер с окружением последовал за ним. Он еще пытался вести переговоры, но все они были безуспешными. Проблема заключалась в том, что в полученных сведениях не содержалось указаний относительно того, что Гиммлер был снят со всех постов. Именно этим объясняется текст письма, которое было вручено Гиммлеру 4 мая (по другим сведения 5 мая). В нем говорилось: «Уважаемый господин имперский министр! Учитывая сложившуюся ситуацию, я решил освободить Вас от занимаемых должностей министра внутренних дел, члена правительства, командующего резервной армией и шефа полиции. Все Ваши должности упразднены. Благодарю Вас за службу рейху». Дёниц формировал последнее правительство рейха, которое должно было носить принципиально неполитический характер. Поэтому Дёницу не нужны были эсэсовские офицеры и бывший рейхсфюрер СС, которые могли только дискредитировать правительство во Фленсбурге. Более того, Дёниц снял со всех постов Геббельса, не зная о том, что тот несколько дней назад покончил с собой.

Несмотря на то что ситуация была прочти безвыходной, Гиммлер выглядел бодрым и даже оптимистичным, о чем буквально хором в своих воспоминаниях заявляли граф Шверин фон Крозигк (министр иностранных дел в новом правительстве) и адъютант Дёница Вальтер Люде-Нойрат. Гиммлер не раз заявлял, что он и его СС еще сыграют важную роль в послевоенном устройстве Европы. 5 мая 1945 года Гиммлер в последний раз выступил

перед своими офицерами. Он заявил, что не намерен сдаваться в плен или заканчивать жизнь самоубийством. Он намеревался продолжать борьбу.

Глава 24. Последний путь

События двух недель, которые прошли с того момента, как Генрих Гиммлер вместе со своими приближенными втайне покинули Фленсбург, на протяжении десятилетий дают повод для самых различных спекуляций. Это был один из самых странных и загадочных эпизодов в истории Второй мировой войны. Однако имеется достаточное количество материала, который позволяет реконструировать события тех дней. Что же произошло за это время?

Понимая, что, скорее всего, он не дождется ответа от Монтгомери, Гиммлер решил предпринять несколько активных действий. Он предполагал, что мог рассчитывать на юге страны на Кальтенбруннера и Бергера, на севере — на Шелленберга и Беста, на западе — на Отто Олендорфа. Олендорф, группенфюрер СС, возглавлявший 3-е управление РСХА, во время последующих допросов так охарактеризовал стиль управления, которого придерживался Гиммлер: «Он не предполагал наличия упорядоченных отношений. Он был подражателем. Он пытался копировать манеры Гитлера, но только в более скромных объемах. Сам же Гитлер осуществлял пагубную для нас политику, когда он поручал задание не организации, а конкретной личности, а если имелась возможность, то нескольким личностям. Гиммлер воспринял эту манеру ведения дел».

Несмотря на то что отношения, которые сложились между Олендорфом и Гиммлером, никогда не были особо теплыми, группенфюрер СС решил все-таки помочь своему бывшему шефу. Накануне капитуляции Германии он предоставил в

распоряжение Гиммлера свои квартиры в Плене и Фленсбурге. В это время у него появилась реальная возможность постоянно беседовать с Гиммлером. Даже после того как Гиммлер покинул Фленсбург, он пытался поддерживать постоянный контакт с Олендорфом. На допросах в 1945–1946 годах у Олендорфа не раз интересовались содержанием письма, которое Гиммлер написал британскому фельдмаршалу Монтгомери. Тот показал следующее: «10 и 11 мая Гиммлер написал письмо Монтгомери. Письмо должен был передать генерал-полковник Йодль.

Гиммлер просил Монтгомери о личной встрече. Он хотел обсудить проблему концентрационных лагерей. Гиммлер полагал, что мог оправдать свои действия». Не исключено, что Гиммлер не получил ответа, так как Йодль не решился передать это письмо британскому фельдмаршалу. Во время судебного процесса Олендорф подтвердил судье Энтони Масманно свои прошлые высказывания.

Вопрос: «Поддерживали ли Вы после 8 мая ежедневную связь с Гиммлером?»

Ответ: «Да».

Вопрос: «Как долго это длилось?»

Ответ: «По крайней мере до 19 мая. Я думаю, что, может быть, даже до 21 мая. Он изменил свою внешность, одел другую одежду, в которой он и оказался в лагере для военнопленных».

Когда Гиммлер понял, что западные союзники не намерены вести с ним переговоры, он решил продвигаться на юг. Согласно официальной версии, которая охотно поддерживается в английской и американской исследовательской литературе, Гиммлер намеревался добраться до Альп, где должен был возглавить партизанскую войну «вервольфов». Действительно,

еще 18 апреля 1945 года Эрнст Кальтенбруннер получил приказ начать подготовку к партизанской войне. Однако «Альпийская твердыня», как нередко именовали проект по созданию очага национал-социалистического сопротивления на территории Австрии и Южной Баварии, так никогда и не возникла. В этой связи не может не возникнуть вопрос: как мог Гиммлер возглавить партизанскую войну, если несколькими днями ранее он в качестве уступки западным союзниками распорядился через Рудольфа Брандта, чтобы все отряды «вервольфов» прекратили сопротивление? Аналогичное распоряжение был отдано Дёницем и Кейтелем, которые представляли новое германское правительство.

Некоторое время Генрих Гиммер находился в имении Сатурп, которое располагалось к югу от Фленсбурга. В это время и советские, и западные спецслужбы занимались активным поиском Гиммлера. В прессе тех дней появлялось множество слухов и выдумок. Одни говорили о том, что Гиммлер был арестован Дёницем и находился в Фленсбурге, другие выдвигали воистину фантастические версии. Например, якобы Гиммлер на подводной лодке направился в Японию. Однако во всех этих сообщениях было общим одно — союзники знали, что Гиммлер некоторое время пребывал во Фленсбурге, а стало быть, знали, в каком районе его надо было искать.

Позже выяснилось, что Гиммлер в сопровождении четырнадцати человек направился в путь. Сопровождавший его Вернер Гротман предполагал, что его шеф планировал самостоятельно связаться с Монтгомери, чтобы договориться о возможном начале боевых действий против Советского Союза. Гиммлер и сопровождавшие его лица прибыли на восточный берег устья Эльбы, где они стали искать возможность для переправы через реку.
Обергруппенфюрер СС Ганс Прюцман должен был разыскать человека, который за определенную плату согласился бы

переправить группу на другой берег. Поскольку не поступало никаких известий, что Монтгомери был готов начать переговоры, то группа Гиммлера была вынуждена продолжить свой путь в южном направлении. «Эскорт» было решено уменьшить. Теперь он состоял из Карла Гебхардта, Рудольфа Брандта, Йозефа Кирмайера, Вернера Гротмана и Хайнца Махер а, которые возглавляли группу так называемых телохранителей. Перед тем как перебраться на другой берег Эльбы, было решено оставить все оружие. Мужчина, который переправлял Гиммлера и его «паладинов» на пароме, показал, что не смог узнать никого из своих пассажиров.

После этого Гиммлер решил остановиться в местечке Нойхаус (Нижняя Саксония). До сих пор остается тайной, где он и сопровождавшие его люди провели следующие сутки.

Некоторые из западных историков предполагают, что Гиммлер решил остановиться у Хедвиг Поттхаст, однако эта версия кажется просто невероятной. Дело в том, что 22 мая 1945 года ее допрашивали в Баварии, а потому едва ли несколькими днями ранее она могла быть на севере Германии. В период с 12 по 18 мая группа Гиммлера проделала пешком 160 километров, в итоге достигнув окраин небольшого городка Бремефёрде. После этого все решили перебраться по мосту, который контролировался британскими войсками. Это был огромный риск. Однако перед этим надо было сделать перерыв и остановиться на отдых. Для этого был выбран дом крестьянина по имени Данкерс. Поскольку мужчины были очень грязными и небритыми, то фрау Данкерс и ее сын принесли воду и прибор для бритья. Позже их не раз допрашивали по этому поводу. Они же в ответ могли заявить, что двое мужчин явно занимались охраной одного из путников. В данном случае речь шла о Гиммлере, которого охраняли Гротман и Махер.

Воспользовавшись передышкой, они стали обсуждать план дальнейших действий. Было решено, что Кирмайер разведает обстановку вокруг моста, после чего направится в местный ландрат, где попытается получить пропуска. Кирмайер два раза ходил в местные органы власти, однако оба раза было отказано в предоставлении пропусков, по которым можно было бы пройти по мосту. Теперь по предложению Карла Гебхардта был разработан новый план.

Он, свободно говоривший по-английски, в сопровождении Кирмайера должен был направиться к мосту, который предполагалось пересечь по демобилизационным документам. Они должны были изображать солдат, которые направлялись домой в Баварию.

Этот план было решено осуществить 20 мая около 15 часов. Они направились к британскому пропускному пункту на мосту. Если бы план сработал, то они бы вернулись назад. В данном случае поодиночке можно было бы пересечь мост. Однако британцам пара «демобилизованных солдат» показалась очень подозрительной. А потому было решено направить их в местную контрразведку, которая располагалась в здании мельницы. Там допросом немцев занялся сержант Кен Бейсбраун. В его распоряжении имелись подробные списки всех разыскиваемых функционеров НСДАП, служащих СС, СД и гестапо. Поначалу ничто не вызывало подозрения. Однако у Гебхардта и Кирмайера на руках были документы демобилизованных служащих полевой полиции, а потому они автоматически подлежали аресту. Когда же Гебхардт упомянул, что ему надо было позаботиться о нескольких раненых солдатах, то британцы тут же собрали два грузовика, которые должны были направиться к дому Данкерсов. Их сопровождала хорошо вооруженная группа британских солдат. «Проводником» должен был стать Карл Гебхардт. Он пытался не подать виду, что ситуация вышла из-под контроля.

Однако когда грузовики подъехали к дому, то там было только десять человек. Гиммлер, Гротман и Махер инстинктивно почувствовали опасность, а потому смогли скрыться за несколько минут до прибытия британцев. Им показалось, что Гебхардт и Кирмайер отсутствовали подозрительно долго.

Позже, во время допросов, Гротман сообщил, что Гиммлер намеревался укрыться в Гарце, пытаясь не попасть в плену как можно дольше. Британский офицер, который вел допрос, сделал очень важное умозаключение: «Гротман однозначно утверждал, что Гиммлер не имел в виду какое-то специфическое убежище, а также не намеревался формировать центр вооруженного сопротивления в альпийском регионе». Между тем на мельнице вели допросы Карла Гебхардта и Кирмайера и других взятых в плен немцев. Указывая на массу неточностей в полученных сведениях, британцам удалось их вынудить признаться, что все они входили в группу сопровождения Гиммлера. То есть 20 или 21 мая 1945 года британские спецслужбы должны были получить информацию, что Гиммлер скрывался где-то в окрестностях Бремерфёрде. В это время Гиммлер, Гротман и Махер вели себя в высшей мере странно. Они появились на центральных улицах Бремерфёрде. Гротман и Махер были одеты в военные прорезиненные пальто, а Гиммлер — в синий гражданский плащ. Поскольку они нисколько не скрывались, то любой мог заметить, что Махер был ранен в ногу, а потому очень сильно прихрамывал. Затем все трое постоянно озирались по сторонам. К вечеру 22 мая они приблизились к восточным окраинам города, где были арестованы двумя красноармейцами, бывшими советскими военнопленными В.И. Губаревым и И.Е. Сидоровым. После этого они передали задержанных патрулю английской военной полиции. Их доставили к офицеру Артуру Брайтону, который немедленно связался с Джоном Хоггом, представлявшим британские спецслужбы. После этого все трое были переданы в распоряжение Кена Бейсбрауна. Когда он

прибыл на место, то двое стояли, а третий (Генрих Гиммлер) сидел на земле. Один из стоявший указал на сидевшего и сказал, что тот страдал сильными болями в желудке. После этого Бейсбраун дал мужчине бокал чая.

Поскольку согласно имевшимся на руках документам все трое значились служащими полевой полиции, то они подлежали аресту. Обыск был поручен капралу Ричарду Форресту, он изучил обнаруженные предметы, в том числе весьма дорогие очки. Его нисколько не насторожило, что обычный фельдфебель мог обладать таким предметом. Однако кажется весьма странным, что простой фельдфебель и двое его сопровождавших лиц почти сутки провели на мельнице под усиленной охраной, а не были сразу же направлены в лагерь для интернированных лиц. На тот момент у Гиммлера имелись лишь документы, которые были выданы на имя фельдфебеля полевой полиции Генриха Хицингера. Утром задержанных на грузовике направили в расположенный в 30 километрах от Бремерфёрде лагерь Вестертимке. Однако это был не лагерь для военнопленных, а лишь для интернированных лиц.

Арестованных по пути в Вестертимке сопровождал Артур Брайтон и два солдата-конвоира. По прибытии в Вестертимке в грузовик было посажено еще несколько задержанных немцев, после чего машина направилась в Барнштедт — Колькхаген.

Последние 16 часов жизни Генриха Гиммлера очень сложно реконструировать, так как свидетельства очевидцев полны противоречии и взаимоисключающих сведении. Предполагается, что Гиммлер и его офицеры прибыли в Барнштедт, где располагался лагерь 031, около 18 часов 30 минут. Хотя британские офицеры Сельвестер и Мерфи, которые в 1963 году опрашивались историками Манвеллом и Френкелем, показали, что Гиммлер был доставлен в лагерь около 14 часов. Если

посчитать время, которое затратил грузовик, то получается, что он должен был прибыть в Барнштедт между 12 и 14 часами. Эти сведения подтверждаются Хаимом Херцогом, будущим президентом Израиля, который был очевидцем указанных событий. Кроме этого даже из этих свидетельств остается неясным, что Гиммлер делал несколько часов, которые прошли от момента прибытия в лагерь до момента его встречи с Сельвестером. Считается, что «Генрих Хицингер» попросил о встрече с начальством лагеря около 16 часов, приблизительно в 17 часов он был идентифицирован как Генрих Гиммлер, в 21 час он покинул лагерь 031 в Барнштедте, а в 22 часа 45 минут прибыл в Люнебург, где вскоре покончил с собой. Принимая во внимание, что расстояние между Люнебургом и Барнштедтом составляло всего лишь 15 километров, кажется очень подозрительным, что оно было преодолено на автомобиле за 1 час 45 минут. Кроме этого имеется множество других странных и даже подозрительных противоречий.

В Барнштедте находился бывший гауляйтер Гамбурга Карл Кауфман, который, несмотря на приказы Дёница, сдал город британцам без боя. Он был свидетелем того, как прибыл грузовик. Тогда же он заметил нескольких людей, в том числе человека с повязкой на глазу, в котором опознал Генриха Гиммлера. Кауфман был знаком с рейхсфюрером СС. Странным в этом свидетельстве является упоминание о том, что Гиммлер сразу же снял повязку и надел очки. Это наводит на мысль, что он планировал раскрыться. Однако капитан Смит, капитан Сельвестер и Хаим Херцог единодушно утверждали, что в тот момент, когда перед ними предстал Гиммлер-Хицингер, он все еще был в черной повязке. Различные описания событий расходятся. По одной из версий, встреча коменданта лагеря Томаса Сельвестера с Гиммлером произошла в 19 часов. Однако Херцог указывает на то, что Сельвестер принял его несколькими часами ранее, как закончил обедать. Когда в кабинет Сельвестера

зашел «фельдфебель Хицингер», он сразу же заявил, что является на самом деле «рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером». Когда капитан Смит поинтересовался, кем были другие два человека, то Гиммер заявил, что это были его адъютант и телохранитель. После этого Гиммлер снял повязку с глаза. Его попросили поставить автограф, чтобы его могли сравнить с факсимиле подписей разыскиваемых руководителей Третьего рейха. Когда выяснилось, что подписи почти идентичные, британские офицеры убедились, что перед ними находился не один из сошедших с ума во время войны фельдфебелей, а действительно бывший глава СС Генрих Гиммлер. По лагерю очень быстро распространилась новость о том, что был пойман Генрих Гиммлер. Это даже привело к некоторому переполоху, так как все британские солдаты хотели взглянуть на него и столпились у здания, где находился комендант лагеря.

Согласно официальному протоколу, который был составлен капитаном Смитом, ситуация выглядела следующим образом. Просьбу о встрече с комендантом лагеря выразил не сам «фельдфебель Хицингер», а «унтер-офицер Эдуард Гротман». Только после этого Гиммлер назвал настоящее имя. В ответ на вопрос, кем были лица, его сопровождавшие, он ответил, что это были оберштурмбаннфюрер Вернер Гротман и штурмбаннфюрер Хайнц Махер. После этого Смит сообщил о них по телефону вышестоящему начальству. До настоящего момента так и остается неясным, сообщили ли об аресте Гиммлера фельдмаршалу Монтгомери, на встрече с которым продолжал настаивать бывший глава СС. Точно даже неизвестно, где в указанное время находился Монтгомери. Несмотря на то что после войны служащие британского военного министерства утверждали, что не имелось протоколов допросов Гиммлера, имеется множество косвенных указаний, что эта информация не соответствовала действительности.

Если посмотреть на события тех часов, то они выглядели приблизительно следующим образом. Капитан Сельвестер, капитан Смит и лейтенант Финдль провели тщательный обыск Гиммлера. Ему приказали даже сменить нижнее белье. Во время обыска была найдена небольшая стеклянная ампула с бесцветной жидкостью, которая хранилась в латунном футляре. Гиммлер заявил, что это было лекарство, помогавшее ему при болях в желудке. Эта ампула была передана майору Рэндолу. Тот же передал ее полковнику Майклу Мерфи, который служил в штабе 2-й британской армии. Дальнейшая судьба ампулы остается неизвестной, равно как неизвестно, провели ли химический анализ ее содержимого. Остается тайной, где ее нашли.

После войны капитан Смит заявлял, что ампулу в футляре нашли в куртке. В данном случае возникает вопрос: почему ее не обнаружили во время тщательного обыска на мельнице? В лагере у Гиммлера отобрали повязку, вместо которой он надел очки. Арестантов оставили под усиленной охраной, после чего стали дожидаться прибытия из штаба армии полковника Мерфи и майора Райса. Хаим Херцог свидетельствовал, что когда Мерфи узнал об аресте Гиммлера, он приказал по телефону не допрашивать его и не «трогать даже пальцем». Насчет последнего пункта надо отметить, что этому времени Гиммлер был обыскан уже два раза. Полтора часа после этого в лагере Барнштедт появились доверенные лица полковника Мерфи — майор Райс и майор Рендол.

Тем временем Генрих Гиммлер неоднократно выражал желание лично встретиться с фельдмаршалом Монтгомери или даже Уинстоном Черчиллем. Во время беседы Гиммлеру предложили переодеться в британскую униформу. Тот отказался это сделать, поскольку полагал, что не должен был надевать форму иного государства. Гиммлер говорил о том, что немцы могут не понять его поведения, если он наденет форму недавнего противника. Не

исключено, что он опасался того, что британцы смогут выдать его за диверсанта. Кроме этого Гиммлер весьма неохотно поставил свою подпись на пустой лист бумаги, так как она могла использоваться для любых целей.

Имеется смысл более подробно остановиться на сюжете с найденной капсулой. Капитан Сельвестер в своем отчете писал, что ампула была найдена в латунной коробке, которая по размеру весьма напоминала коробку для патронов. Им же был обнаружен аналогичный контейнер, в котором не имелось никаких ампул. На вопрос капитана Сельвестера Гиммлер пояснил, что это было лекарством, помогавшим от болей в желудке. Такую версию нельзя исключать, так как еще недавно Гиммлер встречался с Карлом Гебхардом, а Гротман обращал внимание британских солдат на то, что его «товарищ» страдал от болей в желудке. К тому же кажется маловероятным, чтобы Гиммлер стал прятать капсулу с цианистым калием в большом латунном футляре, который был бы обнаружен при первом же обыске. Однако самое странное заключается в том, что подозрительные латунные контейнеры не были обнаружены во время обыска на мельнице. Не менее странным является то обстоятельство, что на мельнице не проверили, настоящая ли повязка на глазу Гиммлера или это была маскировка.

Далее Гиммлер попросил чаю и что-нибудь съесть. Сельвестер намеренно дал толстые бутерброды, так как хотел увидеть, не вынул ли Гиммлер капсулу изо рта. Если дело обстояло таким образом, то это был весьма безответственный шаг. Если Гиммлер прятал капсулу с ядом во рту, то он мог невольно раскусить ее во время еды. Однако Гиммлер не проявлял ни малейших признаков волнения. Гиммлер находился в распоряжении капитана Сельвестера несколько часов. В это время он не раз пытался справиться о здоровье и самочувствии Гротмана и Махер а. Подобная заботливость полностью исключает версию о том, что

Гиммлер раскрыл свое настоящее имя под давлением Гротмана и Махер а (на чем настаивают некоторые исследователи). Несмотря на строгий запрет вести разговоры с Гиммлером, капитан Сельвестер все-таки решил начать беседу. Он решил поинтересоваться, насколько правдивыми были пугающие истории о концентрационных лагерях. Он протянул ему стопку журналов, в которых имелись фотографии освобожденных лагерей, на которых были запечатлены кучи трупов. В ответ на это Гиммлер заявил: «Я не могу отвечать за эксцессы, которые творили подчиненные без моего ведома».

Надо отметить один принципиальный момент. Если с Гиммлером поначалу обращались весьма обходительно, то все поменялось, когда прибыл полковник Майкл Мерфи. Что произошло на самом деле после его прибытия, остается непонятным, так как сведения об этих часах являются отрывочными и весьма противоречивыми. Остается даже непонятным, когда он прибыл в лагерь Барнштедт, в 20 часов или 21 час 45 минут. В любом случае из записей капитана Сельвестера следует, что в 19 часов 30 минут Гиммлера допрашивал майор Райс, который служил в штабе 2-й британской армии.

Когда в сопровождении двух больших черных машин в лагерь прибыл полковник Мерфи, атмосфера стала меняться. Мерфи приказал еще раз обыскать Гиммлера («нет ли при нем яда»), но запретил возвращать ему одежду. То есть вечером Гиммлера обыскали в третий раз. При этом Мерфи постоянно оскорблял Гиммлера, не скупясь на выражения. В этом полковнику помогал «коренастый сержант из пригородов Лондона» (как его описывали очевидцы), которого звали Эдвин Остин. Он сопровождал полковника Мерфи, который около 22 часов вечера отвез Генриха Гиммлера в штаб 2-й британской армии. Что произошло после этого точно, не известно. Согласно официальной версии, когда в штабе Гиммлера в очередной раз

стали обыскивать, решили заглянуть к нему в рот. После этого Гиммлер раскусил находившуюся там ампулу с ядом, в результате чего умер. Нельзя не обратить внимания на то, что Гиммлер некоторое время назад ел толстые бутерброды, не опасаясь раздавить капсулу, во время неоднократных обысков в одежде и на теле Гиммлера тоже не было обнаружено никаких капсул. То есть история, которая была представлена публике, выглядит по меньшей мере сомнительной. Нельзя не обратить внимания также на то, что некоторое время назад при аналогичных обстоятельствах в присутствии сержанта Эдвина Остина покончил с собой обергруппенфюрер СС Ганс-Адольф Прюцман. Того тоже неоднократно обыскивали, но Прюцман каким-то странным образом смог раскусить капсулу с ядом, которую почему-то никто не смог обнаружить при обысках.

Подобные странные совпадения, имеющиеся противоречия и несостыковки позволили некоторым германским исследователям предположить, что Генрих Гиммлер не покончил с собой, а был убит. Выдвигалось две версии убийства Гиммлера. С одной стороны, было высказано предположение, что сержант Эдвин Остин был «ликвидатором», который занимался негласным устранением высокопоставленных служащих СС, то есть речь шла о преднамеренном убийстве. Во втором случае речь шла о непреднамеренном убийстве. Остин, опасаясь, что Гиммлер, подобно Прюцману, раскусит ампулу с ядом, которую мог прятать во рту, предложил полковнику Мерфи оглушить арестованного резиновой дубинкой, с которой Остин никогда не расставался, после чего можно было без проблем проверить ротовую полость. Остин мог не рассчитать силу удара, от которого мог погибнуть Генрих Гиммлер.

Если рассматривать последние дни жизни Генриха Гиммлера, то интересными кажутся не столько обстоятельства его странной смерти, сколько несколько иные подробности. Никто из

историков так и не смог дать убедительного ответа: куда двигался Генрих Гиммлер, направляясь в южном направлении. Версия советской историографии, которая говорила о том, что Гиммлер хотел через территорию Дании попасть в нейтральную Швецию, является полностью несостоятельной, так как Гиммлер почти две недели двигался прямо в противоположном направлении. Не менее несостоятельной выглядит англо-американская версия о том, что Гиммлер направлялся в Альпы, чтобы возглавить там партизанское движение. Мифы об «альпийском бастионе» по большому счету являлись советской дезинформацией, ориентированной на западных союзников (в первую очередь американцев), дабы те сосредоточили свой главный удар в направлении Баварии, а не на Берлине, что позволило бы именно советским войскам взять имперскую столицу. Однако Генрих Гиммлер не мог не знать, что в Альпах не было никакого «бастиона», который бы продолжал оказывать вооруженное сопротивление. Опять же, если опираться на показания Гротмана и Махер а, то следовало, что Гиммлер отнюдь не намеревался вести какую-то вооруженную борьбу в Альпах. Опять же, не стоило забывать, что Гиммлеру и его группе потребовалось почти две недели, чтобы преодолеть расстояние приблизительно в 150 километров, то есть ему потребовалось бы полтора года, чтобы добраться до Альп.

При движении Генриха Гиммлера в южном направлении не может не бросаться в глаза то, что предполагаемый маршрут вел непосредственно к городу Кведлинбург, где хранились останки короля Генриха I Птицелова. Известно, что Гиммлер считал себя новым воплощением этого правителя и якобы даже мог вступать с ним в «духовный контакт». Феликс Керстен не раз заявлял, что якобы некоторые решения Гиммлер принимал по «совету» умершего монарха. Не исключено, что в этой ситуации Гиммлер, известный своей склонностью к мистике, направлялся к Кведлинбургу, чтобы вновь обратиться к Генриху I. Этим

объясняется, почему Гиммлер открыл свое имя, — он не хотел терять времени. Впрочем, может быть и другое объяснение «последнего пути» Генриха Гиммлера. В данном случае надо обратить более пристальное внимание на фигуру Хайнца Махер а. Бросается в глаза, что Хайнц Махер, несмотря на ранение в ногу, упорно продолжал сопровождать Генриха Гиммлера. Это может показаться странным, но и этому может быть найдено свое логичное объяснение.

В конце марта 1945 года Махер, который был сапером, получил от Гиммлера приказ взорвать замок Вевельсбург. Этот замок рейхсфюрер планировал на протяжении многих лет превратить в некий «духовный» центр СС. Махер у не удалось уничтожить замок, так как его группа взяла с собой недостаточное количество взрывчатки, а потому строение просто-напросто подожгли. Это первое странное обстоятельство, так как опытный сапер не мог не знать, какое количество взрывчатых веществ потребуется для уничтожения основательного строения. Кроме этого не может не удивлять, что Гиммлер, опасавшийся захвата замка американскими войсками, использовал для этого не местную группу саперов, а предпочел направить группу Махер а, которая находилась близ Штеттина. Для того чтобы достигнуть замка, Махер у и его людям пришлось провести в пути почти целый день. Принимая во внимание, что американские войска находились очень близко и не захватили замок только в силу обстоятельств, подобное решение кажется безрассудным. Складывается впечатление, что Гиммлера интересовал отнюдь не подрыв замка, а нечто, что он мог поручить только специальному доверенному лицу. После того как замок был объят огнем, а группа Махер а покинула те места, местные жители и освободившиеся узники рядом расположенного концентрационного лагеря стали бороться с пожаром. Именно они обнаружили потайной сейф Генриха Гиммлера, который был пуст. Тем временем Махер прибыл в Бад Майнберг, откуда по

телефону сообщил Гиммлеру, что его приказ был исполнен. Сам же Гиммлер потребовал личной встречи с Махер ом. Зачем это потребовалось? Едва ли Гиммлер хотел услышать красочное описание того, как было разрушено его любимое детище. Возникает вопрос, что же он хотел услышать? Скорее всего, то, что Махер не мог ему передать по полевой связи при посторонних людях. Именно после этого доклада Махер у было присвоено звание штурмбаннфюрера СС. Если принять во внимание, что до этого группа Махер а уничтожила множество мостов, которые имели важное стратегическое значение, кажется странным, что повышение этот эсэсовец получил за уничтожение замка, который по большому счету и уничтожен-то не был.

Версия выстраивается сама собой. Махер был направлен в Вевельсбург, чтобы что-то забрать из замка, скорее всего из личного сейфа Гиммлера, о существовании которого не подозревали даже служившие в замке эсэсовские офицеры. При этом Гиммлер должен был снабдить Махер а некими личными инструкциями, в противном случае с этой задачей мог бы справиться и комендант замка Зигфрид Тауберт. Вероятнее всего, это НЕЧТО не представлялось возможным незаметно вывезти из Вевельсбурга, а потому этот предмет (или предметы) был спрятан где-то в его окрестностях. После этого становится понятным, почему Махер не особо усердствовал с подрывом замка, ограничившись его поджогом. Личный визит к Гиммлеру 1 апреля 1945 года потребовался для того, чтобы рассказать, где и как было спрятано это НЕЧТО. В данном случае, естественно, подобные сведения нельзя было передавать по связи. Наличие Махер а в сопровождении Гиммлера в мае 1945 года говорит о том, что эсэсовский сапер выступал в роли проводника к тайнику, который был сделан им 31 марта 1945 года. Это объясняет, почему Гиммлер не оставил Махер а в одном из деревенских домов, несмотря на то что тот был ранен в ногу, а значит, не только привлекал к себе внимание, но и не мог быстро

передвигаться. Поскольку до самого момента своей смерти, которая наступила в декабре 2001 года, Хайнц Махер хранил гробовое молчание относительно того, ЧТО и ГДЕ он спрятал, то данный сюжет может стать одной из самых больших загадок Третьего рейха.

Список использованной литературы

Allen, Martin. Himmler’s secret war: the covert peace negotiations of Heinrich Himmler. Da Capo Press, 2 005 302 S.

Bellinger, Joseph. Himmlers Tod: Freitod oder Mord?: die letzten Tage des Reichsführers-SS.

Arndt, 2005. 382 S.

Biddiscombe, Alexander Perry. Werwolf!: the history of the National Socialist guerrilla movement, 1944–1946. University of Toronto Press, 1998. 455 S.

Breitman, Richard. Der Architekt der «Endlösung»: Himmler und die Vernichtung der europäischen Juden. Schöningh, 1996. 348 S.

Fest, Joachim C. Das Gesicht des Dritten Reiches: Profile einer totalitären Herrschaft. Piper, 2006. 516 S.

Frischauer, Willi. Himmler, the evil genius of the Third Reich. Odhams Press, 1953. 269 S.

Gellermann, Günther W. Die Armee Wenck, Hitlers letzte Hoffnung: Aufstellung, Einsatz und Ende der 12. deutschen Armee im Frühjahr 1945. Bernard & Graefe, 1990. 215 S.

Heinemann, Isabel. «Rasse, Siedlung, deutsches Blut»: das Rasse- und Siedlungshauptamt der SS und die rassenpolitische Neuordnung Europas. Wallstein Verlag, 2003. 697 S.

Henke, Klaus-Dietmar. Die amerikanische Besetzung Deutschlands. Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1996. 1074 S.

Himmler, Katrin. Die Brüder Himmler: eine deutsche Familiengeschichte. S.Fischer, 2005. 329 S.

Himmlers Hexenkartothek: das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung. Universität Tübingen. Institut für Geschichtliche Landeskunde und Historische Hilfswissenschaften. Verlag für Regionalgeschichte, 2000. 197 S.

Huber, Nicola. Heinrich Himmler als «Reichskommissar für die Festigung deutschen Volkstums». GRIN Verlag, 2010. 32 S.

Kater, Michael H. Das «Ahnenerbe» der SS 1935–1945: Ein Beitrag zur Kulturpolitik des dritten Reiches. Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2006. 529 S.

Koop, Volker. «Dem Führer ein Kind schenken»: die SS-Organisation Lebensborn e.V. Böhlau, 2007. 306 S.

Kurowski, Franz. Endkampf um das Reich, 1944–1945. Podzun-Pallas, 1987. 424 S.

Lang, Jochen von, Sibyll, Claus. Der Adjutant. Herbig, 1989. 428 S.

Lange, Hans-Jürgen. Otto Rahn und die Suche nach dem Gral: Biografie und Quellen. Arun, 1999. 271 S.

Lange, Hans-Jürgen. Weisthor: Karl-Maria Wiligut: Himmlers Rasputin und seine Erben. Arun, 1998. 319 S.

Lange, Hans-Jürgen. Weisthor: Karl-Maria Wiligut: Himmlers Rasputin und seine Erben. Arun, 1998. 319 S.

Lilienthal, Georg. Der «Lebensbom e.V.»: ein Instrument nationalsozialistischer Rassenpolitik. Forschungen zur neueren

Medizin- und Biologiegeschichte; Bd. 1 Die Zeit des Nationalsozialismus. Fischer Taschenbuch Verlag, 1993. 271 S.

Longerich, Peter. Heinrich Himmler: Biographie. Siedler, 2008. 1035 S.

Maiwald, Stefan, Mischler, Gerd. Sexualität unter dem Hakenkreuz: Manipulation und Vernichtung der Intimsphäre im NS-Staat. Europa Verlag, 1999. 287 S.

Paul, Wolfgang. Der Endkampf um Deutschland: 1945. Bechtle, 1976. 551 S.

Russel, Stuart, Schneider, Jost W. Heinrich Himmlers Burg: das weltanschauliche Zentrum der SS; Bildchronik der SS-Schule Haus Wewelsburg 1934–1945. RVG-Verl.- und Vertriebs GmbH, 1989. 214 S.

Schulte, Jan Erik. Die SS, Himmler und die Wewelsburg. Schriftenreihe des Kreismuseums Wewelsburg, Kreismuseum Wewelsburg. Schöningh, 2009. 556 S.

Wegener, Franz. Heinrich Himmler: deutscher Spiritismus, französischer Okkultismus und der Reichsführer SS. Politische Religion des Nationalsozialismus. Kulturfoerderverein Ruhrg., 2004. 160 S.

Wykes, Alan. Reichsführer SS Himmler. Moewig, 1981. 158 S.

Батлер, Рупперт. Гестапо: история тайной полиции Гитлера. — М.: Эксмо, 2006 — 192 с. Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. — М.: АСТ: Астрель, 2009. - 845 с.

Залесский, Константин. РСХА. — М.: ЯУЗА, Эксмо. 2004. 384 с.

Залесский, Константин. СС. Охранные отряды НСДАП. — М.: ЯУЗА, Эксмо, 205. 656 с. Керстен, Феликс. Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940–1945 гг.

— М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. - 430 с.

Кнопп, Гвидо. СС: Черная инквизиция. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. - 284 с.

Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Конвейер смерти. Тайны СС и гестапо. — М.: Вече, 2005. — 480.

Мэнвалл Р., Френкель Г. Знаменосец «Черного ордена». Биография рейхсфюрера Гиммлера. 1939–1934. —М.: ЗАО Центрполиграф. 2006. - 428 с.

Семенов К.К. Дивизии войск СС. История организации, структура, боевое применение. — М.: Яуза-пресс, 2007. - 288 с.

СС Адольфа Гитлера. — М.: ТЕРРА, 1997. - 192 с.

Фест, Иоахим. Гитлер: Биография. Т.». — Пермь: Культурный центр «Алетейа», 1993. 480 с. Фрай, Норберт. Государство фюрера: национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. - 255 с.

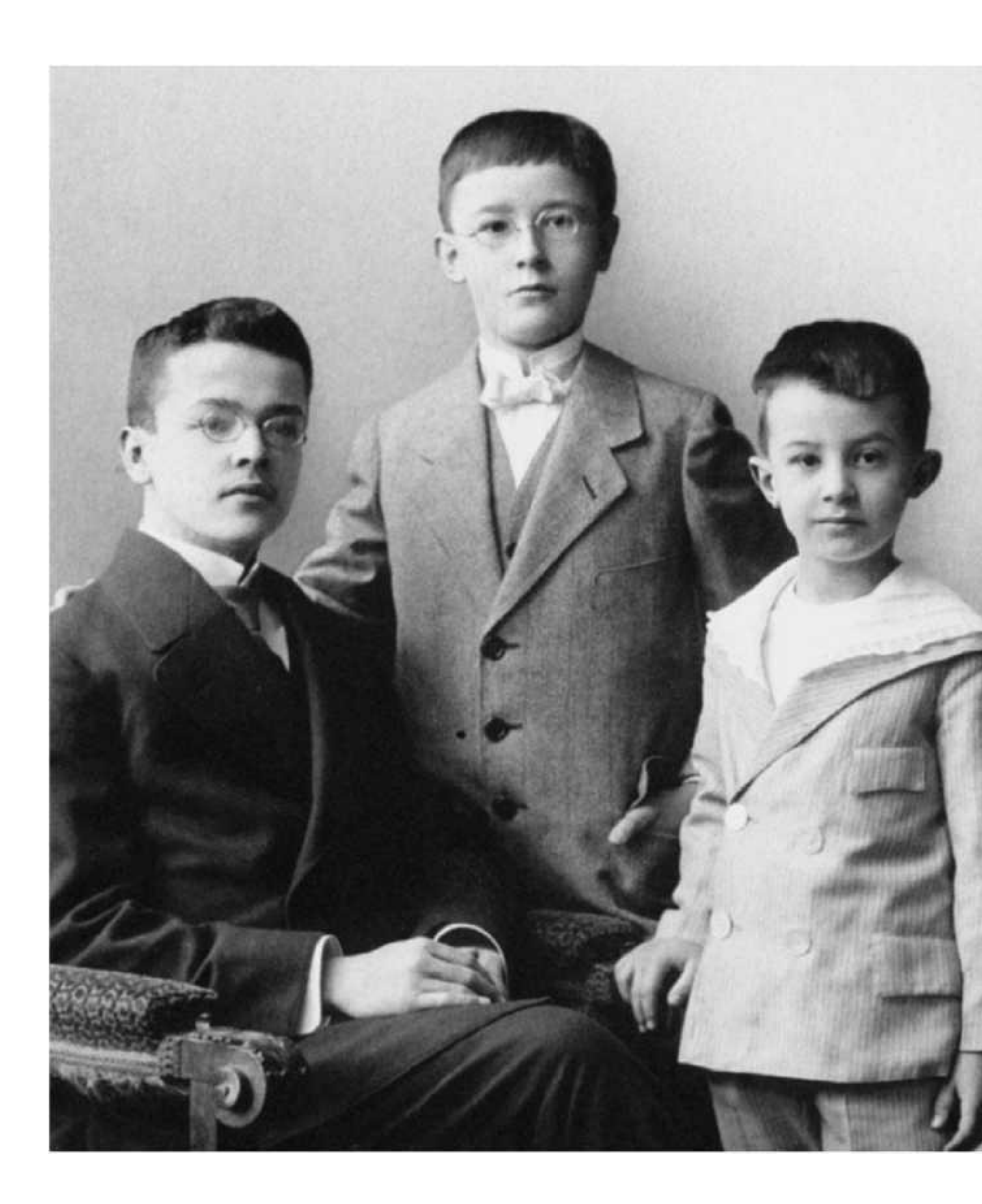
Хёне, Хайнц. Черный орден СС. История охранных отрядов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. -542 с.

Шелленберг, Вальтер. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. — М.: СП «Дом Бируни», 1991. -400 с.

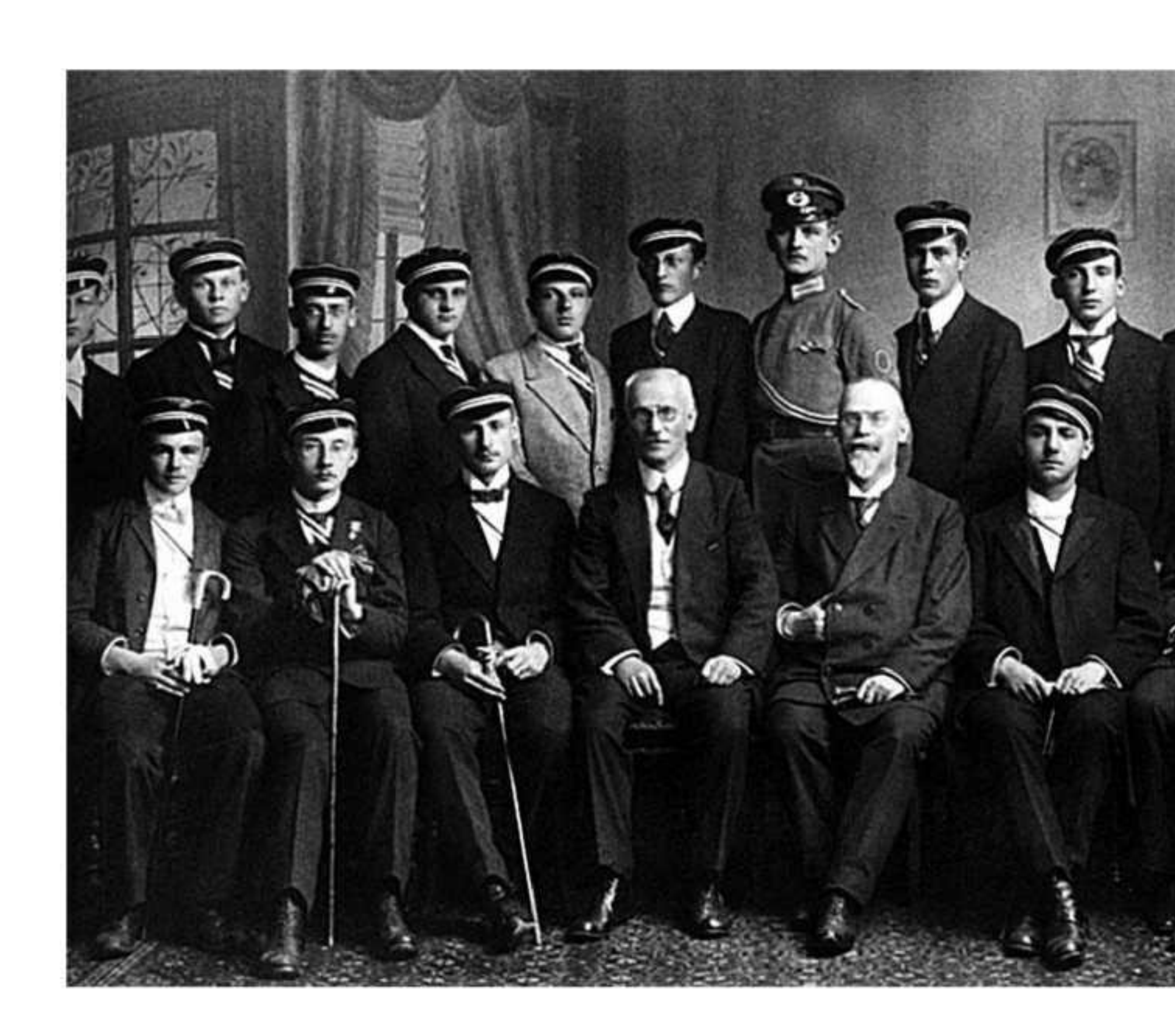

Reichs-Kriegsflagge.

Kommando München II A Nr. 9

Truppen-Ausweis

für

Name: Heinrich Himmler

Anschrift: Marspl. 8/I.

Dienstgrad bei der R.-K.-F.:

Unterschrift des Inhabers:

Heinrich Himmler.

Reichs-Kriegsflagge Stabsabteilung

München, den 17. Okt. 1923.

Kommando München

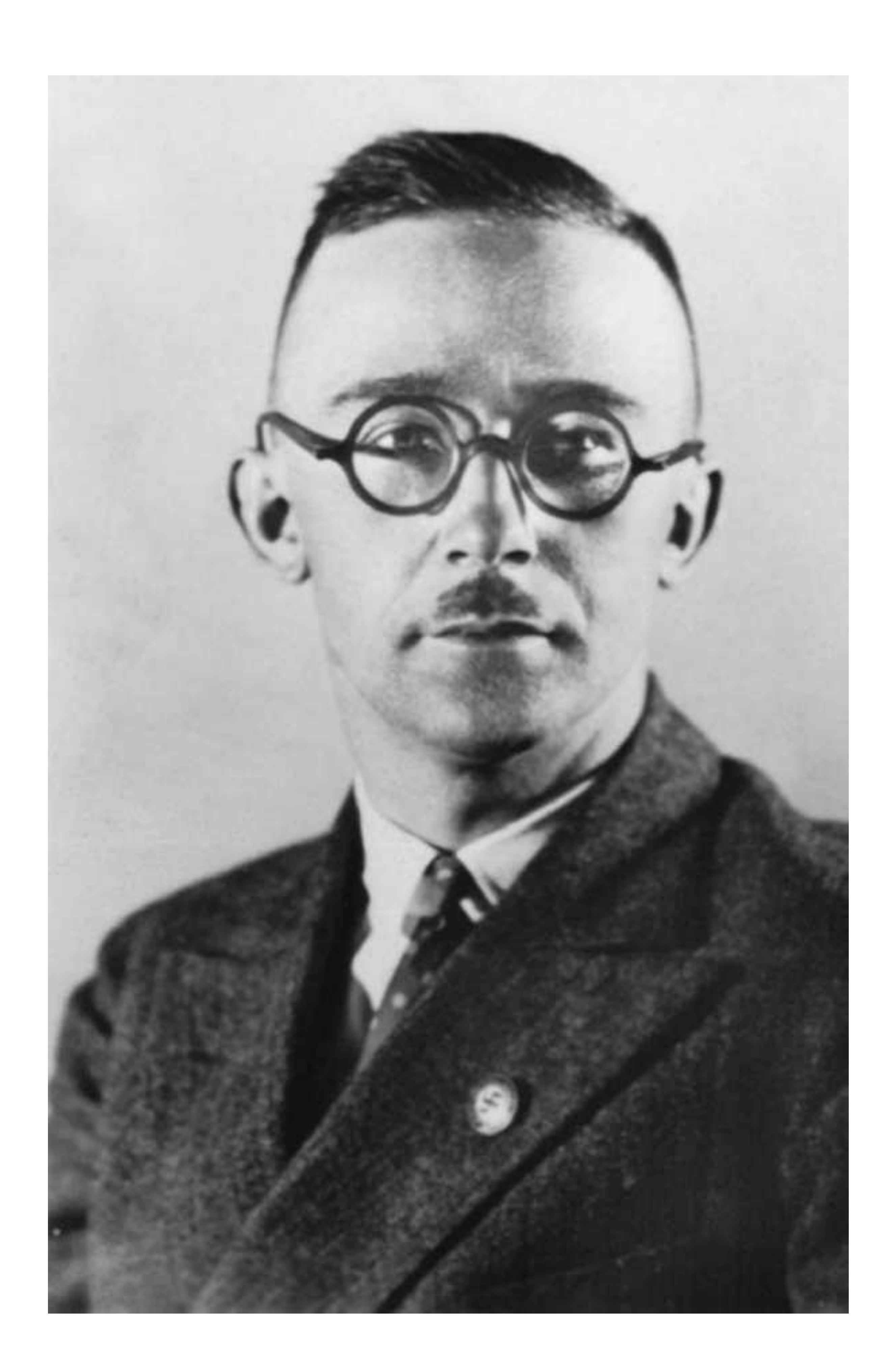
Kommandeur.

Kommando der R.-K.F.

Kommandeur.

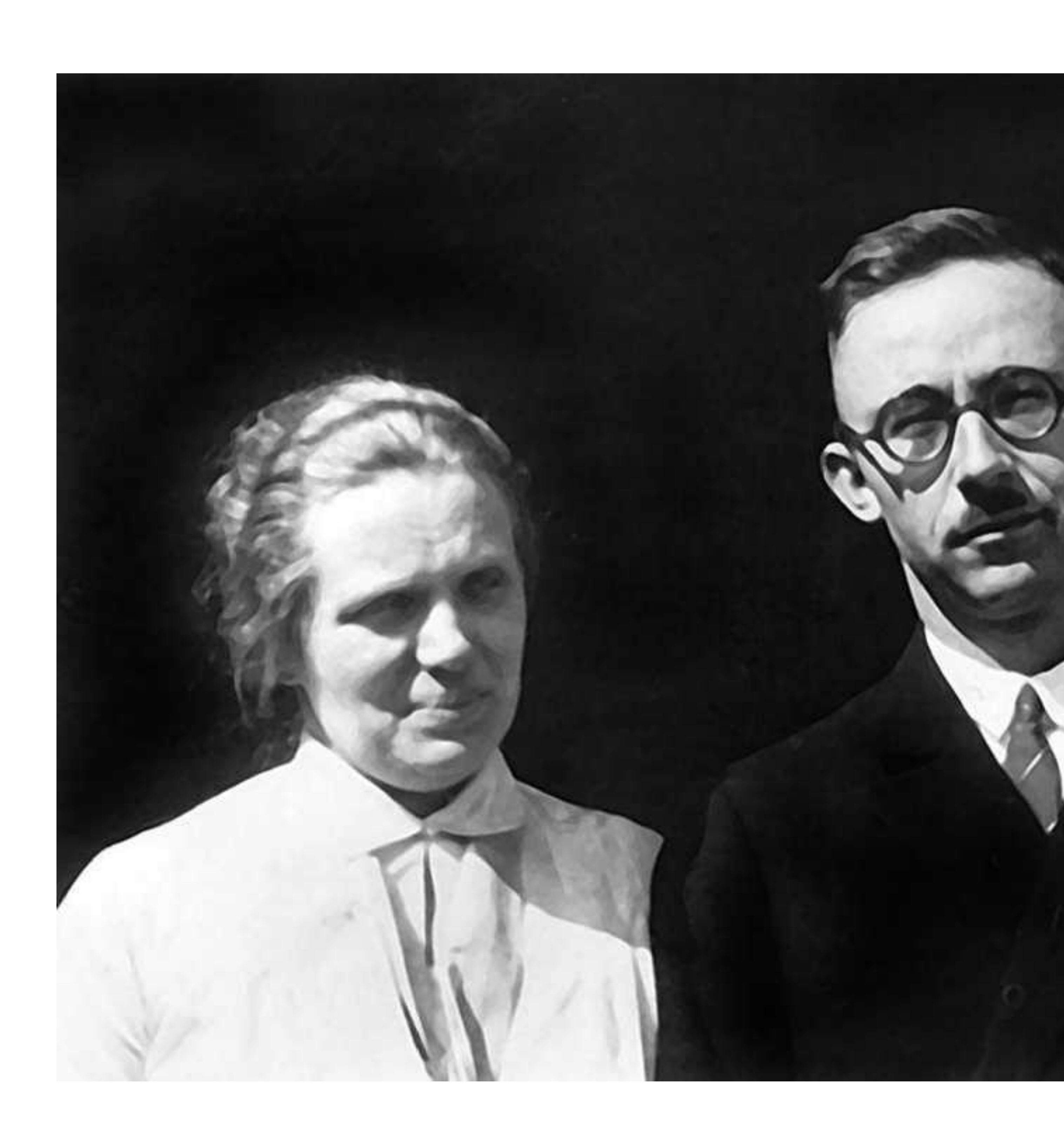

IIB-11861

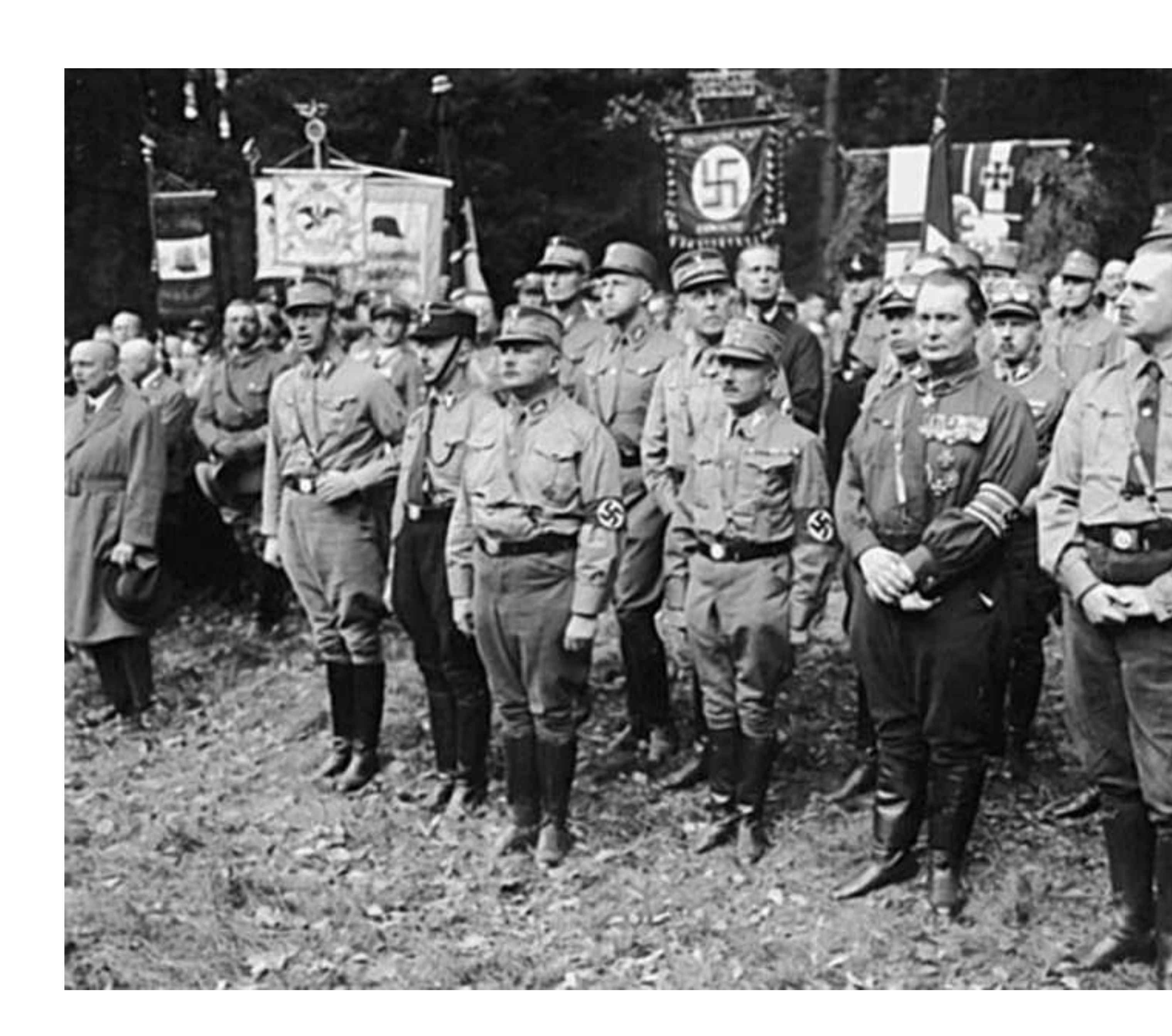

DEUTSCHLAND
ERWACHE

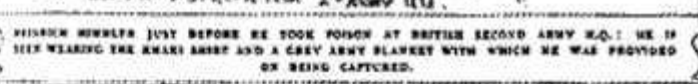

HIMMLER, THE MOST SINISTER FIGURE IN GERMANY, COMMITS SUICIDE.

DRAWN BY OUR WAR ARTIST, CAPTAIN BRYAN DE GRINEAU, WHILST AT BRITISH SECOND ARMY H.Q.

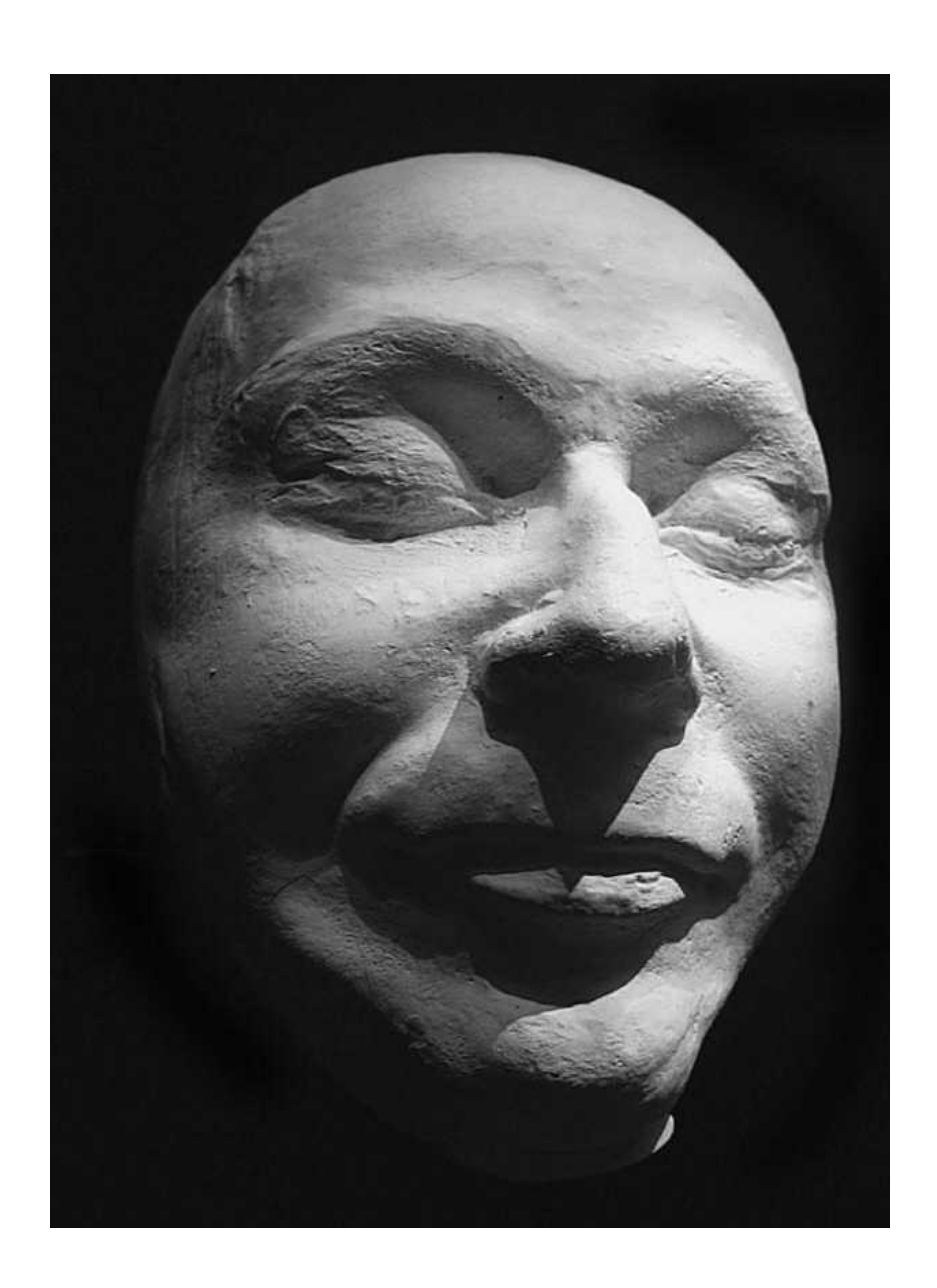
HEINRICH HIMMLER JUST BEFORE HE TOOK POISON AT BRITISH SECOND ARMY H.Q.: HE IS SEEN WEARING THE KHAKI SHIRT AND A GREY ARMY BLANKET WITH WHICH HE WAS PROVIDED ON BEING CAPTURED.

RUSSIAN OFFICERS, COMMISSIONED BY MARSHAL ZHUKOV, INSPECTING HIMMLER'S BODY AT LUNEBURG, H.Q. OF THE BRITISH SECOND ARMY. BEHIND THE RED ARMY REPRESENTATIVES STANDS A BRITISH STAFF OFFICER.

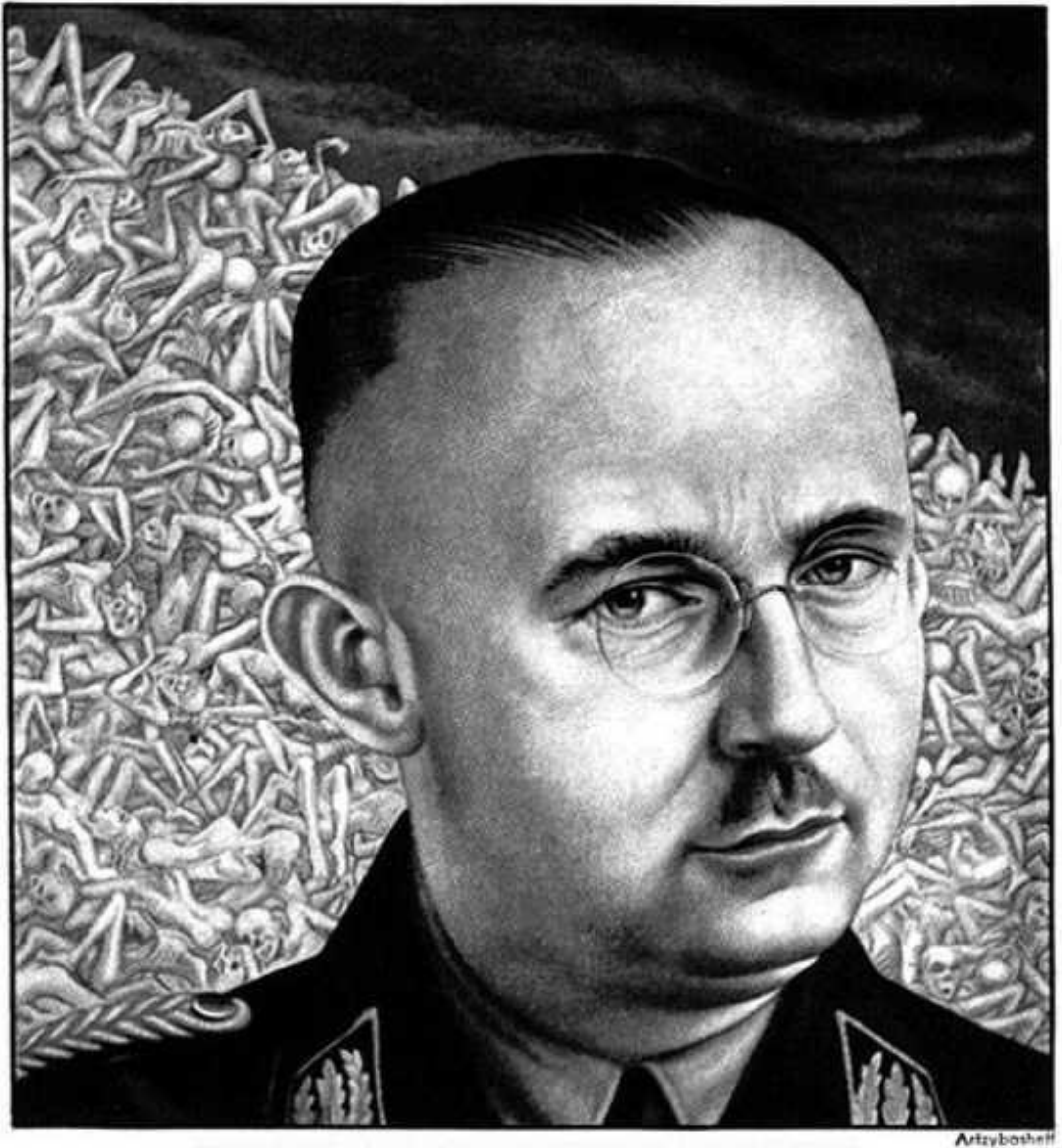

TIME

THE WEEKLY NEWSMAGAZINE

HIMMLER, POLICE CHIEF OF NAZI EUROPE

The dead do not revolt.

(Foreign News)

TIME

THE WEEKLY NEWSMAGAZINE

Ernest Hamlin Baker

NAZI HIMMLER

Terror has come home to roost.

(World Battlefronts)

TIME

THE WEEKLY NEWSMAGAZINE

